

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ

Кафедра истории русской литературы
Институт филологических исследований
Семинар «Русский XVIII век»

Е. М. МАТВЕЕВ

РУССКАЯ ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА
СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА
(ПАНЕГИРИК В СВЕТСКОЙ
И ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Санкт-Петербург
2009

ББК (2Рос=Рус)1
М33

Рецензенты:

канд. филол. наук **Н. Ю. Алексеева** (ИРЛИ РАН),
д-р филол. наук **П. Е. Бухаркин** (Факультет филологии и искусств
СПбГУ)

Матвеев Е. М.

М33 Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе) / Е. М. Матвеев; С.-Петерб. гос. ун-т, Ф-т филологии и искусств. — СПб.: Ф-т филологии и искусств, 2009. — 140 с.

ISBN 978-5-8465-0946-7

Монография представляет собой исследование русской ораторской прозы середины XVIII века и посвящена многоаспектному анализу проблематики, поэтики и бытования прозаического *панегирика* — единственного литературного жанра, общего для светской и церковной литературы этого периода.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов, а также для всех интересующихся проблемами изучения литературной культуры XVIII столетия.

ББК (2Рос=Рус)1

*Издание подготовлено при поддержке фонда
«The ad infinitum foundation»*

ISBN 978-5-8465-0946-7

© Матвеев Е. М., 2009
© СПбГУ, Факультет филологии
и искусств, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Введение	7
Глава 1. Панегирик как жанр светской и церковной ораторской прозы XVIII века	13
1.1. Проблема изучения жанров русской литературы XVIII века. Прозаические и поэтические жанры	—
1.2. «Слово», «проповедь», «панегирик» в риторической теории и практике XVIII века	17
1.3. Тематические группы церковных и светских ораторских произведений XVIII века	23
Глава 2. Панегирическая проповедь середины XVIII века	33
2.1. Проповедь и церковное богослужение. Двойственная природа проповеди	—
2.2. Русская церковь и церковная проповедь в XVIII веке	37
2.3. «Слово на день коронации Елизаветы Петровны» епископа Гедона (Криновского)	51
2.4. «Слово в день рождения императрицы Елизаветы Петровны» архиепископа Амвросия (Юшкевича)	58
2.5. «Слово в день рождения Елизаветы Первья» архимандрита Кирилла (Флоринского)	62
2.6. «Слово в день коронавания Екатерины Алексеевны» архимандрита Гавриила (Петрова-Шапошникова)	68
2.7. «Слово в день тезоименитства вел. кн. Павла Петровича» митрополита Платона (Левшина)	72
2.8. Выводы	76

Глава 3. Светский прозаический панегирик середины XVIII века.....	83
3.1. Светская ораторская проза в литературе русского Средневековья и раннего Нового времени	—
3.2. «Панегирик или Слово похвальное Анне Иоанновне» В. К. Тредиаковского	86
3.3. «Слово похвальное Елисавете Петровне» М. В. Ломоносова	92
3.4. «Торжественное слово на день коронации Елисаветы Петровны» Н. Н. Поповского.....	103
3.5. «Слово на день коронавания Екатерины II» А. П. Сумарокова.....	108
3.6. Выводы	111
Заключение. Панегирик светский vs. панегирик церковный.....	120
<i>Библиография</i>	132
<i>Указатель имен</i>	136

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга является по сути публикацией (с некоторыми доработками) диссертационной работы, выполненной в стенах Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета в 2004–2007 годах. Обращение к русской ораторской прозе для автора, начавшего свои литературоведческие изыскания совсем в иной области — с изучения стиховедческих проблем русского XVIII века, — стало во многом неожиданным. «Неожиданностью» этой автор прежде всего обязан двум людям, которым хочется выразить самую искреннюю благодарность, — своему научному руководителю профессору кафедры истории русской литературы СПбГУ Петру Евгеньевичу Бухаркину и научному сотруднику Отдела по изучению русской литературы XVIII века ИРЛИ РАН Надежде Юрьевне Алексеевой, которая, как и П. Е. Бухаркин, принимала самое живое участие в обсуждении работы на всех ее этапах — от утверждения темы до защиты. Именно в ходе бесед с П. Е. Бухаркиным и Н. Ю. Алексеевой для автора стала очевидной возможность включить в одно исследовательское поле столь разный в научном и культурном восприятии материал, как церковное и светское слово, светскую и церковную ораторскую прозу и обнаружить единственный общий для этих двух разновидностей литературы жанр — панегирик.

В ходе создания книги помощь мне также оказали покойный Аскольд Борисович Муратов, при непосредственном участии которого происходило обсуждение темы диссертационного исследования, Елена Владимировна Душечкина, внимательнейшим образом читавшая работу и давшая ряд ценных советов, Василий Михайлович Круглов, ставший первым официальным оппонентом на защите, а также священник петербургской церкви св. мучениц Ве-

ры, Надежды, Любви и матери их Софии иеромонах Даниил (Альтшуллер), которому я особо благодарен за помощь в ходе написания главы о церковной проповеди.

Текст книги совершенствовался и редактировался в ходе работы над международным научным проектом «Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века». Я очень признателен доктору Герберту Лембке и профессору университета Э.-М. Арндта (Грейфсвальдский университет, Германия) Ульрике Екуч, благодаря которым реализация этого проекта стала возможной.

В заключение хочу выразить особую признательность моим «филологическим учителям» — своей тете Нине Владимировне Лощинской, благодаря которой я с раннего детства заинтересовался языком и литературой, своему первому научному руководителю в стенах Санкт-Петербургского государственного университета Елене Викторовне Хворостьяновой, привившей мне навыки литературоведческой научной работы и направившей мой научный интерес в сторону литературы XVIII века, и — разумеется — всем преподавателям кафедры истории русской литературы Факультета филологии и искусств СПбГУ.

ВВЕДЕНИЕ

Ораторская проза XVIII века — один из важнейших для этого периода русской литературы видов словесности, который имел древние и прочные традиции, восходящие и к древнерусской книжности, и к античной литературе. Исследователи русской словесной культуры XVIII века неоднократно обращали внимание на то, что этот период — эпоха безусловного подъема красноречия, причем ораторская проза для XVIII века была фактом художественной литературы¹.

Исследование, посвященное ораторской прозе середины XVIII века в двух ее разновидностях (церковной и светской), представляется актуальным по нескольким причинам. Первая состоит в недостаточной на сегодняшний день изученности русской прозы XVIII века в целом. В научных работах о русской литературе этого периода прозе традиционно отводилось и до сих пор отводится второстепенное место². В русской литературе XVIII века, а в особенности в литературном процессе первой половины века, главенствующее положение занимала поэзия. Как писал Г. А. Гуковский, в середине XVIII века «поэзия считалась литературой по преимуществу; проза в основном отходила к области практической речи; между тем речь

¹ См., например: *Плаксин В.* Руководство к изучению истории русской литературы, составленное В. Плаксиным. СПб., 1846. С. 234; *Берков П. Н.* М. В. Ломоносов об ораторском искусстве // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956. С. 71.

² См., например: *Билингис М. Я.* Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995. С. 3; *Акимова Г. Н.* Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века (на материале похвальных слов Ломоносова и Сумарокова) // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 47.

художественная мыслилась тогда как отрешенная, противоположная практической»³. Первая половина XVIII века — это эпоха по преимуществу поэтическая. В одной из статей, посвященных русскому просветительству XVIII века, Ю. Д. Левин отметил, что «идущая от древности прозаическая традиция была прервана утверждением в литературе классицизма, при котором истинными признавались лишь стихотворное искусство с присущими ему видами, формами и жанрами и ораторская проза»⁴. И действительно, ораторская проза до 60-х годов XVIII века (т. е. до времени начала кризиса классицизма, когда, по словам Левина, «господствующие жанры этого направления в литературе — торжественная ода и трагедия — понемногу утрачивают свой авторитет и оттесняются художественной прозой»⁵) была единственным (если не считать переводов) в русской литературе того времени видом прозы.

В. А. Кузнецов обратил внимание на то, что важной особенностью жанрового мышления эпохи классицизма является соотношение жанра с именем античного автора, чьи индивидуальные черты осмысляются как образцовые для данного жанра⁶. Такие уподобления действительно на протяжении всего XVIII века присутствуют в русской поэзии (Ломоносов сравнивается с Пиндаром, Кантемир — с Ювеналом, Сумароков — с Расином и проч.). Однако этот прием используется не только в отношении поэтов — такие же уподобления мы можем обнаружить и в отношении авторов ораторской прозы. В частности, Г. Р. Державин в стихотворении «К портрету Михаила Васильевича Ломоносова», среди прочего, сравнивает Ломоносова с Цицероном:

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий — слава россос,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих где лишь черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром⁷.

³ См.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х гг. М.; Л., 1936. С. 24.

⁴ История русской переводной художественной литературы: В 2 т. Т. 1: Проза. СПб., 1996. С. 142.

⁵ Там же.

⁶ *Кузнецов В. А.* Поэтические уподобления в русской литературе XVIII века: (К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 1. № 2. С. 73–74.

⁷ *Державин Г. Р.* Сочинения. М., 1985. С. 28.

В. А. Кузнецов отмечал, что «выделимость жанра определяется через отнесенность к лицу, к конкретному имени. Жанр, следовательно, персонифицируется в строгом соответствии с установкой классицизма на практику античности...»⁸. Таким образом, уподобления типа «Ломоносов–Цицерон» свидетельствуют о выделимости жанров ораторской прозы и о том, что ораторская проза в русской литературе XVIII века представляла собой не менее самоценное и значительное явление, чем поэзия.

Другая причина актуальности темы настоящего исследования заключается в важности вопросов, которым по ряду причин уделялось недостаточное внимание в литературоведческой науке, — вопросов, связанных с обнаружением параллелей между светской и духовной литературой XVIII века. Протоиерей В. Зеньковский, анализируя особенности русской культуры Нового времени, писал: «XVIII век в России есть век „секуляризации“. В это время возникает самостоятельная светская культура, уже не имеющая связи с церковным сознанием, — с другой стороны, в самом церковном сознании в это время происходит глубокий перелом. Церковное сознание отрывается от мечты о священной миссии государства, уходит в более напряженное искание чисто церковной правды, освобождается от соблазнов церковно-политической идеологии. Прежнее единство культуры разбивается, творческая работа в церковном сознании и вне его идет не по единому руслу, а по двум разным направлениям»⁹. При этом многие исследователи подчеркивали связь между светской и церковной культурой XVIII века. В частности, тот же протоиерей В. Зеньковский по этому поводу писал: «„Светская“ культура и в Западной Европе и в России есть явление распада предшествовавшей ей церковной культуры. Это происхождение

⁸ *Кузнецов В. А.* Указ. соч. С. 74.

⁹ *Зеньковский В., прот.* История русской философии. М., 2001. С. 57. — Некоторые исследователи, в частности В. М. Живов, справедливо считают возникновение оппозиции светской и духовной культуры в России культурологическим результатом никоновской религиозной реформы. В одной из своих работ Живов выделяет основные следствия возникновения этой культурной оппозиции — формирование риторически организованной системы в литературе, возникновение оппозиции поэзии и прозы, распространение публичной проповеди, появление системы жанров и риторических трактатов (см.: *Живов В. М.* Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 333–340).

светской культуры из религиозного корня дает себя знать в том, что в светской культуре — особенно по мере ее дифференциации — есть своя религиозная стихия, если угодно — свой (внецерковный) мистицизм»¹⁰.

Несмотря на то, что в начале XVIII века в результате петровских преобразований возникли две отрасли русской культуры и литературы (духовная и светская), история литературы XVIII века (в отличие от истории предыдущего периода русской литературы) по большей части изучает исключительно светскую литературу. Между тем представляется, что изучение духовной литературы и культуры — ничуть не менее важная задача истории литературы, учитывая, что вышеупомянутые два направления вовсе не представляют собой резко обособленных друг от друга явлений. Об этом писала, в частности, Л. Ф. Луцевич в своем исследовании о переложениях псалмов в русской поэзии XVIII века: «Светская культура, формировавшаяся в России по воле Петра, должна была создать для себя новый язык, отличный от языка традиционной культуры. И выявилось, что значительно легче осуществить чисто внешнее (почти декларативное) отделение культуры от Церкви, чем создать новый язык для светской литературы <...> Более того, обнаружилось, что в определенные периоды становление и развитие светской культуры возможно только на основе этих традиций»¹¹. Один из примеров связи церковной и светской литературных традиций приводит М. Левитт в своей статье о драме Сумарокова «Пустынный», в которой сделан вывод о том, что «философские предпосылки сумароковского классицизма основаны преимущественно не на <...> рационализме, как часто утверждается, а на традиции русской просветительской религиозной мысли»¹². Исследователь отметил, что «восстановить контуры этой традиции в русской культуре XVIII века и понять ее сложное влияние на новую русскую литературу — важная, но все еще даже не осознаваемая учеными задача»¹³. В середине 90-х годов XX века в отечественном литературоведении начало развиваться так называемое духовное направление и появились работы, посвященные проблеме взаимодействия религиоз-

¹⁰ Зеньковский В., *прот.* Указ. соч. С. 81.

¹¹ Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 11.

¹² Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынный»: (К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма) // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 68.

¹³ Там же.

ного и эстетического в русской культуре¹⁴. Говоря о необходимости исследования духовной литературы для получения адекватного представления о литературном процессе XVIII века, Л. Ф. Луцевич писала: «В настоящее время стало совершенно очевидно, что только эстетического прочтения текста русской литературы XVIII в. вне христианской традиции недостаточно для раскрытия его сущности»¹⁵.

При этом особое внимание в литературоведческих работах уделяется соотношению поэтики светских и церковных произведений. О важности этого аспекта при сравнении двух литературных традиций писал, в частности, П. Е. Бухаркин: «При взгляде на переключки литературы и Церкви важным оказывается не только *что*, но и *как* выражается. Ведь именно совпадение формальных способов выражения христианского мирозерцания в светской литературе и церковной словесности и позволяет в конечном счете утверждать наличие связи между ними: если в двух разных системах обнаруживается формальное сходство, то это дает основание видеть их определенную близость. В связи с этим формальным аспектам изучения литературного текста, выяснению структурообразующих принципов развертывания литературного дискурса следует уделять самое пристальное внимание. Плодотворность диалога светской литературы и Церкви будет доказана только в том случае, если обнаружатся переключки их художественных языков»¹⁶.

Наиболее репрезентативным периодом для рассмотрения ораторской прозы XVIII века в ее церковной и светской разновидности по ряду причин является середина века. А. С. Елеонская, обобщенно характеризуя ораторскую прозу этого времени, обратила внимание на одновременное сосуществование в ораторской прозе этой эпохи разнонаправленных (возможно, даже противоположных) стилей и тенденций: «В течение длительного времени в ора-

¹⁴ См., например: Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература. СПб., 1994; Бухаркин П. Е. Православная Церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: (Проблемы культурного диалога). СПб., 1996; Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001 (работа, написанная в конце 20-х — начале 30-х годов). — Ср. также в связи с проблемой взаимодействия религиозного и эстетического в русской культуре: Бочаров С. Г. От имени Достоевского. Р. С. О религиозной филологии. М., 1999. С. 574–600.

¹⁵ Луцевич Л. Ф. Указ. соч. С. 27.

¹⁶ Бухаркин П. Е. Указ. соч. С. 39–40.

торской прозе XVIII в. сохраняется барочный стиль, сформировавшийся еще в „словах“ Епифания Славинецкого <...> Барочная проповедь в своем традиционном виде доживает до середины XVIII в. <...> Однако в это время происходит и противоположный процесс. Ораторская проза и со стороны формы становится сугубо светским видом литературы, в чем особенно велика заслуга М. В. Ломоносова. Писатель и в теории и в практике разграничивает светские и церковные речи. В систему традиционных ораторских жанров он включает новый — „академическую речь“ <...>, — который предпочитает остальным, преобразуя научный документ в художественное произведение. Символично-аллегорических образов, характерных для средневековой традиции, лишены и панегирики Ломоносова, как бы возвращающие нас к лучшим образцам античного искусства»¹⁷.

Особое значение для развития церковной и светской ораторской прозы XVIII века имело время правления Елизаветы Петровны. Елизаветинская эпоха — и это в значительной степени связано с политическими событиями эпохи «дворцовых переворотов» — особый период в истории русской Церкви. После смерти Петра I, а в особенности с воцарением Анны Иоанновны, наступила эпоха репрессий в отношении Церкви. После переворота 1741 года, когда на престол взошла Елизавета Петровна, наступила совсем иная эпоха. Э. Л. Афанасьев по этому поводу писал: «В начале правления Елизаветы Петровны церковная проповедь переживает небывалый взлет. Недолгий, но, может быть, самый плодотворный в XVIII столетии. Выдающиеся церковные риторы, „намолчавшиеся“ в аннинскую декаду, спешат выговорить наболевшее <...>»¹⁸. С другой стороны, именно при Елизавете Петровне получает развитие светская ораторская проза: в 1749 году пишет свое первое ораторское произведение М. В. Ломоносов — «Слово похвальное Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, говоренное Ноября 26 дня 1749 года».

Основное внимание в настоящем исследовании уделено анализу проблематики и отдельных аспектов поэтики и бытования рус-

ской ораторской прозы елизаветинской и отчасти екатерининской эпохи в двух ее разновидностях — светской и церковной. В контексте исследований, посвященных связям между светской и духовной литературой XVIII века, о которых шла речь выше, оказалось целесообразным рассмотреть *прозаический панегирик* — похвальное слово, адресованное императору, императрице или членам их семей. Панегирик в форме торжественного слова интересен, в первую очередь, тем, что это единственный литературный жанр, общий для светской и для церковной литературы рассматриваемого периода (середины XVIII века). Рассмотрение двух разновидностей прозаического панегирика позволяет привлечь новый, не применявшийся ранее в литературоведческой науке принцип выявления параллелей между светской и духовной литературой — не изучение влияния одного на другое, а изучение некоего общего для светской и духовной литературы явления (панегирика в форме торжественного слова). В материал исследования вошли опубликованные похвальные слова (панегирики) аннинской, елизаветинской и екатерининской эпохи — светские (слова В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, Н. Н. Поповского, А. П. Сумарокова) и церковные (панегирические «придворные» проповеди Гедеона Кривоногова, Дмитрия Сеченова, Амвросия Юшкевича, Кирилла Флоринского, Гавриила Петрова-Шапошникова). Панегирики аннинской и екатерининской эпохи были включены в материал исследования для возможности рассмотрения исследуемого явления в более широком историко-литературном контексте. Рассмотрение только придворной проповеди оправдано тем обстоятельством, что придворные проповедники, наиболее образованные церковные деятели своего времени, были в наибольшей степени связаны со светской жизнью и светской литературой.

¹⁷ *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 222–223.

¹⁸ *Афанасьев Э. Л.* Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: горизонты взаимопознания: Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. М., 2003. С. 623.

Глава 1

**ПАНЕГИРИК
КАК ЖАНР СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ
ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ XVIII ВЕКА**

**1.1. Проблема изучения жанров
русской литературы XVIII века.
Прозаические и поэтические жанры**

Считается, что русских писателей XVIII века (в особенности писателей середины века — писателей, традиционно считающихся представителями русского классицизма) определяло так называемое жанровое мышление. Г. А. Гуковский писал: «Основа всех правил классической поэтики — разделение литературы на несмешиваемые жанры. Здесь царил своеобразный закон единства стиля. Каждая тема соответствовала своему жанру, каждое произведение строилось по закону своего жанра, прямолинейно и целостно»¹. Давая определение понятию «жанр», Гуковский связывает его с иерархичностью сознания человека XVIII века: «Высокая сфера бытия воплощается высоким жанром, а высокий жанр воплощается в высоком стиле. Жанр — это и есть категория иерархичности, в которой сомкнута классификация действительности как темы с классификацией искусства как стиля»².

Несмотря на то, что в большинстве исследований, посвященных истории русской литературы XVIII века, понятие «жанр» является ключевым, почти никто из исследователей не отмечает тот любопытный факт, что этого слова в русском языке XVIII века не существовало. Слово «жанр» не встречается ни в «Словаре русского языка XVIII века» (Л./СПб., 1984—2006), ни в «Словаре древней и новой поэзии, составленном Николаем Остолоповым» (СПб., 1821)³.

¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 114.

² Гуковский Г. А. Ломоносов — критик // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 78.

³ По данным Большого академического словаря (Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1965) первое упоминание слова

Даже в «Эпистоле о стихотворстве», в которой дается классификация поэтических жанров, само слово «жанр» отсутствует — Сумароков говорит о «различии родов»:

Знай в стихотворстве ты различие родов
И, что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:
Слезами Талию, а Мельпомену смехом⁴.

Однако, несмотря на отсутствие самого слова, очевидно, что понятие «жанр» в русской литературе XVIII века существовало. Говоря о категории жанра в теоретической системе классицизма, А. А. Смирнов отмечал: «Строго разграниченные жанры для теоретиков классицизма XVIII века очевидная, не вызывающая сомнений и не требующая особых доказательств реальность. Поэтому перед ними не возникала и необходимость в специальном теоретическом определении понятия жанра, существа его содержания, точных способов различия одного вида от другого. Жанровая проблема в силу ее „практической наглядности“ — примеры греческих и римских писателей и поэтов — не вставала в XVIII в. как теоретическая проблема, требующая решения»⁵. Поэтому кажется несколько некорректным замечание Г. В. Москвичевой, утверждавшей, что «жанр был *декларирован* [курсив наш. — Е. М.] главной категорией в литературе»⁶. Без сомнения, жанр был важнейшей категорией ли-

«жанр» содержится в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» Ф. Г. Толля. В этом словаре слово «жанр» определяется как «бытовая живопись, род живописи, избирающий свои сюжеты из общественной и домашней жизни известного народа» (Толль Ф. Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб., 1863—1864. Т. II. С. 153). Как отмечают исследователи, термин «жанр» применительно к литературе стал употребляться только в конце XIX века (см., например: Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 21).

⁴ Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 117.

⁵ Смирнов А. А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981. С. 72. — Ср. замечание Г. В. Москвичевой о категории жанра в классицизме: «Определения жанра поэтика классицизма не оставила. Однако строгие характеристики жанровых форм (трагедии, комедии, оды и др.) позволяют говорить о том, что жанр истолковывался в соответствии с метафизическим способом мышления как категория неизменная, абсолютная» (Москвичева Г. В. Жанры русского классицизма: Из лекций по спецкурсу: В 2 ч. Горький, 1971—1974. Ч. 2. С. 46).

⁶ Там же. Ч. 1. С. 12.

тературы XVIII века, однако это не декларировалось, теоретически не осмыслялось.

Теоретические проблемы, связанные с понятием «жанр», возникли значительно позднее, и многие из них до сих пор остаются нерешенными (например, вопросы типологии жанров в русской литературе XVIII века, проблема дифференциальных признаков жанров, проблема жанра и жанровых разновидностей; до сих пор нет единого определения жанра и т. д.). Очевидно, что для решения этих проблем требуются дальнейшие специальные исследования.

В нашей же работе необходимо остановиться на ораторских жанрах в жанровой системе русской литературы интересующего нас периода. Во введении мы отмечали, что ораторские жанры в начале и середине XVIII века были по сути единственным в русской литературе того времени видом прозы (других прозаических жанров на тот момент просто не существовало). Как отмечал А. А. Смирнов, говоря о жанре в теоретической системе классицизма, «классицизм оказывал предпочтение поэтическим жанрам по сравнению с прозаическими, так как прозаическая речь — это речь, практически ориентированная, в которой многое зависит от случайного, не предусмотренного разумом. Проза занимала ограниченное и подчиненное место»⁷.

М. Л. Гаспаров в работе, посвященной противопоставлению поэзии и прозы, поэтики и риторики в античной литературе, писал о том, что данное противопоставление является исходным «для всех культур, в которых складывается художественная словесность с последующим ее теоретическим осмыслением»⁸. В русской литературе первой половины XVIII века четкое разделение словесности на поэзию и прозу отражалось в теоретических трактатах того времени: несмотря на то, что понятие «поэзия» подчас почти соответствовало современному понятию «художественная литература» (например, у Тредиаковского⁹), теория поэзии обходила стороной прозаические жанры, и проза являлась исключительно предметом риторики. Характерным примером такого разделения на уровне теоретического осмысления служат трактаты Ф. Прокоповича — «De arte poetica» и «De arte Rhetorica».

⁷ Смирнов А. А. Указ. соч. С. 72.

⁸ Гаспаров М. Л. Избр. труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997. С. 524.

⁹ См.: Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981. С. 139.

Первое значимое теоретическое осмысление двух видов словесности одновременно, как отмечают исследователи, принадлежит М. В. Ломоносову. По этому поводу А. С. Курилов писал: «Ломоносов первый пришел к выводу об общности проявления творческих принципов стихотворной и прозаической словесности и естественном родстве ведущих „родов красноречия“ — прозы и поэзии, а потому правила своего „Руководства“ основывал как на прозаическом, так и стихотворном художественном опыте <...> Положение о том, что „об одной вещи“ можно одинаково „красиво“ писать и прозой, и стихами, было для нашей филологии 40-х годов XVIII в. необычайно плодотворным, а по отношению к современной Ломоносову теоретико-литературной мысли просто новаторским»¹⁰. Ломоносов впервые стал подходить с позиций риторики к словесности вообще (ср. полное название его трактата 1748 года: «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки»¹¹).

1.2. «Слово», «проповедь», «панегирик» в риторической теории и практике XVIII века

Ключевым понятием для риторической теории и практики XVIII века является термин «слово»¹².

¹⁰ Там же. С. 139.

¹¹ Интересно, что в «Кратком руководстве к риторике» (1744) Ломоносов, как и его предшественники, еще четко разграничивает сферу риторики (прозу) и сферу поэзии (стихи): «Риторика учит сочинять слова прозаические, а о сложении поэм предлагает поэзия» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л., 1952. С. 24).

¹² «Слово» — термин, который получил широкое употребление еще в древнерусской литературе и традиционно применялся для обозначения произведений торжественного красноречия, в отличие от дидактического, «учительного». Поэтому термины «слово» и «поучение», как правило, писались в заглавиях ораторских произведений, и древнерусские книжники редко нарушали это правило (см.: *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 93–94, 99). Однако термин «слово» в произведениях древнерусской литературы применялся к произведениям разных жанров. В XI–XII вв. «словом» называл свои поучения Феодосий Печерский, торжественные речи на праздники — Кирилл Туровский, русский переводчик «словом» иногда называет повесть Иосифа

Этот термин в интересующем нас контексте имеет как минимум два значения. Оба они встречаются в риторических трактатах М. В. Ломоносова. Автор «Краткого руководства к красноречию» (1748) рассматривал «слово» максимально широко. Вступление к «Краткому руководству...» начинается известными словами: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово»¹³. Далее Ломоносов пишет: «Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою. Проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов, ни согласия, в произнесении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных, и притом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению. Первым образом сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим составляются имны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи»¹⁴. Как видно из последнего отрывка, Ломоносов под «словом» понимает по сути дела любые литературные тексты (включая даже драматические произведения)¹⁵.

Флавия о взятии Иерусалима римлянами. В XIII в. «словом» определяется рассказ о бедствиях Русской земли, разоренной татаро-монголами, — «Слово о гибели Русской земли». В XVII в. «словом» писец назвал «Задонщину» — повесть о Куликовской битве. Тем же термином нередко именуется повести легендарные, сказочные в списках XV–XVII вв. — о Басарге, об Акире, о посаднике Щиле и др. (см.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 45).

¹³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 91.

¹⁴ Там же. С. 91–92.

¹⁵ Ср. по этому поводу замечания А. С. Курилова: «„Слово“ или „речь“ означали для него [для Ломоносова. — Е. М.] не что иное, как законченное по мысли высказывание, рассуждение, выступление или повествование „о всякой данной материи“. Необычное на первый взгляд толкование этих понятий, и прежде всего „слова“, было естественным и закономерным для нашей филологии того времени, вытекающая из предшествовавшего опыта русских писателей и отвечая национальной жанровой традиции. Достаточно, например, вспомнить такие произведения древнерусской литературы, как „Речь философа“, „Слово о законе и благодати“, „Слово о полку Игореве“, „Слово о князьях“, „Слово о гибели земли русской“, или созданные в самом начале XVIII в. похвальные, благодарственные и т. п. „слова“ Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского, Феофилакта Лопатинского и др. <...> Ломоносов не связывает это понятие с каким-то определенным литера-

У того же Ломоносова есть более узкое и поэтому в большей степени применимое для данной работы понимание термина «слово»: «слово» как родовое понятие для всех разновидностей ораторской прозы, как синоним ораторской прозы вообще¹⁶. В своем более раннем риторическом трактате, в «Кратком руководстве к риторике» (1744), Ломоносов останавливается на классификации ораторских слов: «Публичные слова, — пишет он, — которые в нынешнее время больше употребительны, суть: проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь»¹⁷. Для нас важно здесь то, что автор «Краткого руководства...» разделяет проповеди и панегирики как разные типы ораторского «слова»¹⁸.

турным жанром, а абстрагирует его и распространяет буквально на все виды сочинений, включая в их число и всевозможные виды высказываний» (*Курилов А. С.* Указ. соч. С. 138).

¹⁶ Такое понимание термина «слово» было традиционным для древнерусской литературы. Об этом, в частности, писал Р. Пиккио: «Всякий внимательный читатель текстов славянского православного Средневековья может заметить устойчивую связь между формальным определением *слово* (более всего соответствующим *logos*) и типом речи, прямо обращенной к слушателям, которая, согласно нормам ораторского искусства, в изучаемой нами литературной цивилизации часто совпадает с религиозной проповедью <...> В общей риторической терминологии представляется возможным различать *слово* и *повесть*, сводя эти два термина соответственно к категориям *oratio* и *narratio*» (*Пиккио Р.* Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // *Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 493*).

¹⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 69. — Вслед за Ломоносовым мы будем понимать термин «слово» как своего рода жанровое заглавие ораторских произведений и поэтому будем употреблять его без кавычек.

¹⁸ Еще одно понимание термина «слово» можно встретить в церковных работах, посвященных проповеди. В гомилетике «слово» — это частный случай церковной проповеди, проповедь особого типа, причем тема не является определяющим критерием выделения этого жанра. Церковное слово традиционно считалось и считается самой совершенной формой церковной проповеди. Как отмечается в одном из современных учебников по гомилетике, рассматривающих теорию церковной проповеди, «словом называется такая форма церковной проповеди, в которой какая-либо тема исследуется и раскрывается с наибольшей полнотой и последовательностью. Внутреннее единство содержания, строгая логичность в развитии мыслей, художественность речи являются его отличительными признаками» (*Феодосий, ep.* Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1994. С. 144). Церковные слова чаще всего произносятся в высокочастотные дни церковного года: на господские и богородичные праздники, в дни

Таблица 1

Классификация русской ораторской прозы XVIII века

С л о в о				
Вид ораторской прозы	Проповедь	Панегирик	Надгробная речь	Академическая речь
Определение Ломоносова	«Проповедь есть слово священное, от духовной персоны народу предлагаемое» ¹⁹ 1) «похвальные» 2) «увещательные»	«Панегирик есть слово похвальное высокия особы, места или действия достойного» ²⁰	«Надгробное слово есть, которое в похвалу усопшего человека предлагается» ²¹	«Академические речи называются те, которые говорят ученые люди в академиях публично» ²²
Дифференциальный признак	ситуация произнесения	тема	тема	ситуация произнесения
Церковная разновидность (проповедь)	+	+	+	-
Светская разновидность	-	+	+	+

Попробуем совместить классификацию Ломоносова с делением ораторской прозы на светскую и церковную (см. таблицу 1).

Как видно, дифференциальные признаки, которые легли в основу классификации Ломоносова, различны: для панегирика и над-

памяти великих святых, а также по случаю особых событий в жизни Церкви (см.: Там же. С. 146).

¹⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 69.

²⁰ Там же. С. 70.

²¹ Там же. С. 72.

²² Там же. — Этого определения недостаточно для характеристики академической речи, так как «ученые люди в академиях публично» могли произносить и панегирики (как это делал, например, сам Ломоносов). Поэтому автор «Краткого руководства к риторике» далее описывает случаи, когда могут произноситься академические речи: «Они бывают: первое, при вступлении в профессорство; 2) при принятии ректорства; 3) при отложении онаго; 4) при произведении в градусы; 5) при диспутах» (см.: Там же).

гробного слова в первую очередь важна *тема*, а для проповеди и академической речи — *ситуация произнесения и «исполнитель»*²³. Проповедь — это, естественно, только церковная ораторская проза, а академическая речь — разновидность светской ораторской прозы. Панегирики же и надгробные слова могли быть двух разновидностей — церковной и светской (см. об этом в п. 1.3).

Ломоносов в «Кратком руководстве к риторике» отмечал, что существует два вида проповедей — похвальный и увещательный: «Похвальные проповеди предлагаются в прославление Божие и в похвалу святых его на господские праздники и на память нарочитых Божиих угодников. Увещательною проповедью учит духовный ритор, как должно христианину препровождать жизнь свою богоугодно»²⁴. Однако, помимо выделенных Ломоносовым двух типов проповедей, в церковной практике интересующего нас периода существовала еще одна пограничная разновидность, сочетающая в себе черты проповеди и панегирика, — церковный панегирик.

Среди церковных «слов-проповедей» XVIII века значительную часть составляют слова, произносившиеся не «в прославление Божие и в похвалу святых» и посвященные не какой-то собственно церковной теме (празднику, евангельскому чтению или святому), а различным важным дням жизни императора или императрицы. Именно в XVIII веке различные события жизни императорской семьи становятся одной из важнейших тем церковной панегирической проповеди. Это связано с тем, что в этот период в русской культуре на качественно новый уровень выходит процесс сакрализации монарха, суть которой прекрасно описана Б. А. Успенским и В. М. Живовым: «Те или иные события жизни царя воспринимаются по образу земной жизни Христа; поэтому события царской жизни могут отмечаться в литургической практике православной церкви (подобно тому как земная жизнь Христа есть основная тема христианского богослужения). Именно этим и объясняется ситуационная обусловленность применения евангельских текстов к монарху <...> События царской жизни начинают праздноваться в церкви, отмечаясь высокаторжественным молебном и обычно пропо-

²³ Важность «ситуации» для характеристики проповеди и стихотворного аналога панегирика — оды — отмечал В. М. Живов (см.: Живов В. М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 656).

²⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 69.

ведью (проповедь, очевидно, и служила источником ситуационно обусловленных евангельских цитат). Таким образом, появляется понятие „высокопаторжественных дней“, т. е. церковных празднований дня рождения, тезоименитства, вступления на престол и коронации императора. Эти дни становятся официальными церковными праздниками, которые отмечаются в месяцесловах»²⁵. Успенский и Живов отмечают, что это касается не только самих императоров и императриц, но и их семей: «Как в церкви наряду с господскими праздниками отмечаются праздники богородичные и отдельных святых, так и в возникшем в XVIII в. императорском культе отмечаются основные события не только жизни императора, но и императрицы, и наследника, и вообще членов царствующего дома: к высокопаторжественным дням относятся дни рождения и тезоименитства всех великих княгинь и княжен»²⁶.

Важно подчеркнуть, что интересующие нас церковные «слова-проповеди», посвященные различным важным событиям жизни императора или императрицы и имеющие, как правило, характер панегирика, не отделялись проповедниками XVIII века от других проповедей: эти тексты никогда не противопоставлялись проповедям, посвященным собственно церковной и литургической жизни; одним из доказательств этого является тот факт, что и те и другие публиковались в одних и тех же сборниках проповедей, т. е., в частности, у Гедеона Криновского «Слово на день коронации Елизаветы Петровны» могло соседствовать, например, со «Словом в неделю о блудном сыне».

Итак, в исследовании, посвященном ораторской прозе середины XVIII века, целесообразно рассмотреть прозаический панегирик в форме торжественного слова, адресованный императору или императрице, — единственный жанр²⁷, представленный как в свет-

²⁵ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 171.

²⁶ Там же. С. 172.

²⁷ Учитывая сложность и недостаточную теоретическую разработанность в современной литературоведческой науке понятия «жанр», мы будем использовать это понятие в двух значениях — в более широком (*жанр панегирика*) и в более узком, в значении жанровой разновидности (*жанр церковного панегирика* и *жанр светского панегирика*). Примером такого «двойного» использования термина «жанр» может служить ода — и ода вообще, и ее жанровые разновидности (торжественная ода, гораццианская ода, анакреонтическая ода и др.) традиционно именуются «жанрами».

ской, так и в церковной литературе этого периода²⁸. Представляется, что сопоставление двух типов панегириков (светских и церковных) могло бы ответить на вопрос о том, существовала ли какая-нибудь принципиальная разница между церковными и светскими похвальными словами в рассматриваемый период, а также подготовить необходимую почву для дальнейших исследований проблематики, поэтики и эволюции русской ораторской прозы XVIII века.

1.3. Тематические группы церковных и светских ораторских произведений XVIII века

Прежде чем обращаться непосредственно к анализу панегирических проповедей и светских панегириков, необходимо кратко рассмотреть вопрос о том, какое место занимали выделенные нами по тематическому принципу ораторские произведения в ораторской прозе XVIII века в целом.

Всю ораторскую прозу рассматриваемого периода довольно четко можно разделить на две большие группы — светскую и церковную. Каков принцип разграничения произведений одной и другой группы? Произвести такое разделение, руководствуясь чисто тематическим принципом, невозможно, так как священнослужители могли сочинять слова, посвященные светскому событию (например, многие слова Феофана Прокоповича), а светские лица могли использовать церковную тематику (например, «Слово похвальное блаженной памяти преосвященнейшему Афанасию епископу Ростовскому и Ярославскому, / Сочиненное Ярославской семинарии риторики и греческого класса учителем Сергеем Предтеченским»). Можно выделить два решающих фактора для определения «светскости» или «церковности» слова:

1) социальный статус автора — авторами церковных слов являются духовные лица (или благословленные этими духовными лицами церковнослужители); авторами светских слов — профессора Академии наук, преподаватели высших учебных заведений, писатели;

²⁸ Здесь мы не учитываем надгробные слова. Дело в том, что надгробные слова в основном все же существовали в виде церковных проповедей. Примеры «светских» надгробных слов в ораторской прозе XVIII века крайне немногочисленны (см. п. 1.3).

2) условия произнесения ораторского произведения — в отличие от светских слов, церковные слова любой тематики по сути были частью церковного богослужения и могли произноситься в церкви²⁹ или в другом месте, где совершалось богослужение (например, на кладбище или при заложении храма).

Итак, церковным словом мы будем называть связанное с церковным богослужением ораторское произведение, автором которого являлось духовное лицо, а светским — не связанное с богослужением слово, написанное несвященнослужителем³⁰.

И среди церковных, и среди светских слов выделяется довольно много тематических групп ораторских произведений. Рассмотрим эти группы на материале анализа заголовков ораторских произведений XVIII века³¹.

В таблице 2 отражены выявленные нами на основании анализа заголовков тематические группы церковных слов.

1. Большинство церковных слов, рассмотренных нами, приурочены к какой-либо дате (кроме п. 7, 16, 17). Это могут быть события церковного календаря, Новый год, дата военного/политического/культурного события или царские дни.

²⁹ Информация об этом часто содержится в самом заголовке церковной проповеди (или в приписке в конце текста). Например: «Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпетербурхе в церкви Живоначальной Троицы чрез честнейшего отца ректора Прокоповича». Что же касается светских слов, сведения о месте произнесения (торжественное Академическое собрание, собрание Московского университета) содержатся в их заголовках значительно реже.

³⁰ Следует отметить интересный «пограничный» случай — «слово», произнесенное в церкви светским лицом: Арсеньев Я. А. «Слово на торжественный день славного мира России с Оттоманскою Портою, празднованного во второй день сентября 1793 года / *Говоренное в Костромском Успенском соборе, риторики учителем, а нынешим префектом Семинарии, и философии учителем Яковом Арсеньевым* [курсив наш — Е. М.]». Можно предположить, что префект семинарии, не будучи священнослужителем, мог быть церковнослужителем (например, чтецом), и ему было дано право произнесения «слова» в соборе.

³¹ Основным источником, который был использован для анализа заголовков, стала база данных Российской национальной библиотеки «Русская книга гражданской печати XVIII в. в фондах библиотек РФ», которая отражает полный репертуар отечественных книжных изданий XVIII столетия. В число отобранных для анализа ораторских произведений вошли отдельно издававшиеся с 1708 по 1800 год «слова». Мы пренебрегаем теми словами, которые выходили в составе сборников, собраний сочинений, а также немногочисленными примерами ораторских произведений, в заголовках которых не содержится наименование «слово».

Таблица 2

Типы церковной ораторской прозы XVIII века

№	Тематическая группа	Пример	Количество	% от общего числа заголовков
1	2	3	4	5
1	Слово по случаю события из жизни императора или императрицы или похвала царствующей особе ³²	Гавриил (Шапошников). Слово на высокотожественный день коронования императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския / Проповеданное синодальным членом Гавриилом архиепископом, Санкт-Петербургским и Ревельским, и архимандритом Святотроицкаго Александроневского монастыря в придворной церкви 1773 года. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1773.	57	26,0
2	Слово надгробное	Амвросий (Серебренников). Слово надгробное, / Сочиненное преосвященным Амвросием архиепископом Екатеринославльским и Херсонеса-Таврического при погребении в Бозе почивающего светлейшего князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического. — [Яссы, 1791].	27	12,3
3	Слово в день церковного праздника или важной даты церковного календаря	Анастасий (Братановский). Слово на день Преображения Господня / Говоренное в Императорском Шляхетном корпусе в лагерьной церкви онаго же корпуса иеромонахом Анастасием, 1792 года августа 6 дня. — СПб.: [Тип. сухопут. кадет. корпуса, 1792].	39	17,8
4	Слово, посвященное церковно-	Платон (Левшин). Слово сказыванное в кафедральном Тверском соборе при случае первого вступления в тверскую паству в архиерео-пре-	16	7,3

³² Следует отметить, что так называемые «царские дни» тоже неоднородны: дни тезоименитства (хотя в заголовке это может и не отмечаться) являются по своей сути церковными праздниками и этим принципиально отличаются от других царских дней — дня рождения, коронации и восшествия на престол.

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5
	му вопросу или событию	стольный град Тверь, / Преосвященным Платоном архиепископом тверским и кашинским, и архимандритом Свято-Троицкия Сергиевы лавры; 1771 года, маяя дня. — [СПб.: Тип. Акад. наук, 1771].		
5	Слово благодарственное императрице по случаю церковного события	Алексеев Петр Алексеевич. Слово благодарственное ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержице всероссийской, при освящении Московскаго Архангельскаго собора, возобновленнаго по повелению ея величества, / Сказыванное того ж собора протоиереем Петром Алексиевым ноября 8 дня, 1772 года. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1772].	2	0,9
6	Церковная тема + светское событие	Гавриил (Бужинский). Слово о промысле Божии, вообще ко всему свету, и особливо к России / Сказыванное в Шлиссельбурге при высочайшем присутствии государя Петра Перваго, в день воспоминания взятия Шлиссельбурга 11 октября 1720 года Гавриилом Бужинским <...> — СПб.: [Тип. Воен. коллегии], 1776.	4	1,8
7	Церковное «философское» слово	Иоасаф (Заболотский). Слово о том, что не надобно бояться смерти, / Сказыванное в Заиконоспасском училищном монастыре тоя Академии проповедником иеромонахом Иоасафом ноября дня 1775 года. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1775].	12	5,5
8	Только светское (политическое/культурное) событие	Парфений (Сопковский). Слово о новом учреждении правления, его важности, силе и порядке / Сказыванное при открытии Полоцкаго наместничества в соборной Богоявленской церкви, что при благочестивом монастыре в Полоцке, синодальным членом Парфением епископом Смоленским и Дорогобужским, маяя 7 дня, 1778 года. — СПб.: Печ. при Арт. и инж. шляхет. кадет. корпусе, у содержателя типографии Х. Ф. Клезна, 1779.	29	13,3

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4	5	
9	«Общая» тема + событие из жизни императора или императрицы	Дамаскин (Семенов-Руднев). Слово о любви к отечеству: В высокаторжественный день коронавания ея императорского величества, всемилоостивейшия государыни Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския. В Большом Успенском соборе сентября 22 дня, 1776 года / Сказыванное Московскоя академии префектом и философии профессором иеромонахом Дамаскиным. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1776.	9	4,1	
10	«Общая» тема + церковный праздник	Иоасаф (Заболотский). Слово о действии мужества, / В день Александра Невскаго, при высочайшем присудствии ея императорскаго величества и его императорскаго высочества, проповеданное в Москве в Даниловом монастыре Московскоя академии проповедником иеромонахом Иоасафом. 30 августа, 1775 года. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1775].	7	3,2	
11	Слово на Новый год	Стефан (Калиновский). Слово на новый год / При высочайшем присутствии благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея императрицы Елисаветы Петровны всея России в Санктпетербургскоя придворной церкви ея величества генваря 1 дня 1742 года проповеданное Стефаном епископом псковским, и архимандритом Троицким александроневским. СПб.: При Имп. Акад. наук, [1742].	8	3,7	
Другие случаи	12	Церковный праздник + событие из жизни императора	Платон (Левшин). Слово в день первоверховных апостолов Петра и Павла, и тезоименитства его императорского высочества. — [СПб.: Тип. Акад. наук, 1773].	2	4,1
	13	Надгробное слово + политическое событие	Платон (Левшин). Слово при случае совершаемых молитв над гробом Петра Великаго: По причине одержания флотом российским над оттоманским флотом во Архипелаге славныя победы, 1770 года июня 24 дня. — [СПб.: Тип. Акад. наук, 1771].	1	

Таблица 2 (окончание)

1	2	3	4	5	
Другие случаи	14	Общая тема + слово на Новый год	Виктор (Ладыженский). Слово о добрых намерениях, сколь они приятны Богу, и сколь делают человека в жизни его щастливым, а в рассуждении других полезным делают / В новый год при высочайшем присутствии ея имп. высочеств проповеданное в придворной Зимняго дворца церквы Курскаго Богородицкаго Знаменскаго монастыря архимандритом Виктором 1 генваря 1775 года. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1775	2	
	16	Благодарственное слово Богу	Левшин Александр Георгиевич. Слово благодарственное ко всевышнему, по причине уменьшения моровой заразной язвы. [М.: Сенат. тип., 1772].	2	
	17	Без темы	Ирней (Клементьевский). Слово. — [СПб.: Печ. при Св. правит. синоде, 1790].	2	
Всего рассмотренных заголовков			219	100	
«В присутствии» (специальное упоминание в заголовке о том, что слово произнесено в присутствии лица императорской фамилии)		Иоанникий (Орловский). Слово, в кавалерский праздник военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия / Сказыванное, при высочайшем присудствии ея императорского величества и их императорских высочеств, в придворной церкви Артиллерийскаго инженернаго шляхетнаго кадетскаго корпуса иеромонахом, и Греческой гимназии верхняго греческаго класса учителем, Иоанникием. — СПб.: Тип. тогоже Корпуса, 1778.	50	22,8	

2. По нашим подсчетам, выявляется довольно парадоксальная ситуация: оказывается, что собственно церковные темы в меньшем количестве случаев являются поводом для произнесения слова, чем царские дни или вообще светские события: слов, посвященных царским дням (п. 1), оказывается больше, чем слов на церковные праздники и недели (п. 3); слов, посвященных исключительно светским (политическим/культурным) событиям (п. 8), оказывается больше, чем слов, связанных с церковными вопросами или событиями (п. 4);

и даже если рассматривать «пограничные» группы, в заголовках которых отражены сразу две темы, оказывается, что процент слов на общефилософские темы, «приуроченных» к царским дням (п. 9), больше, чем процент таких же слов, приуроченных к церковным праздникам (п. 10).

3. 22,8% рассмотренных нами заголовков содержат специальное упоминание о том, что данное слово произнесено «в присутствии» императора, императрицы или лиц императорской фамилии.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание: анализируя заголовки, мы обращаемся только к текстам, изданным гражданским шрифтом. Между тем церковные проповеди XVIII века могли издаваться как в гражданской, так и в «церковной» орфографии — кириллическим шрифтом они печатались в Московской синодальной типографии³³. Причем Е. И. Кислова — автор ряда исследований о языке проповедей елизаветинской эпохи, — говоря о придворной проповеди, отмечает, что проповеди, произнесенные в присутствии императрицы, издавались в Московской синодальной типографии чаще, чем в типографии Академии Наук в Санкт-Петербурге³⁴. Но «проповеди, произнесенные в присутствии императрицы» — это в том числе и интересующие нас слова, произносившиеся по случаю события из жизни императора или императрицы. Таким образом, можно предположить, что при обращении к проповедям, изданным в Московской синодальной типографии, выявленная нами общая тенденция к «экспансии» императорской проблематики сохранится.

Теперь обратимся к светским словам. Типология светской ораторской прозы (по заголовкам произведений) представлена в таблице 3.

³³ См., например: *Бурькин А. А.* Гражданский шрифт // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2003. С. 272. — Автор статьи, в частности, отмечает наметившееся в середине XVIII века распределение функций издания разных видов литературы между отдельными типографиями: выпуск светских книг был сосредоточен в типографии Академии наук, указы печатались в петербургской Сенатской типографии, церковные книги — в Московской Синодальной типографии (Там же). Наш материал позволяет несколько скорректировать это замечание — видно, что значительное число церковных проповедей печаталось в типографии Академии наук и других «гражданских» типографиях.

³⁴ *Кислова Е. И.* Грамматическая норма языка проповеди елизаветинского периода (1740-е гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 5.

Таблица 3

Типы светской ораторской прозы XVIII века

№	Тематическая группа	Пример	Количество	% от общего числа заголовков
1	2	3	4	5
1	Слово по случаю события из жизни императора или императрицы или похвала царствующей особе	Тредиаковский В. К. Панегирик или Слово похвальное всемилостивейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоанновне / Чрез всеподданнейшаго ея величества раба Василия Тредиаковского сочиненное, и ея имп. величеству в день тезоименитства ея поднесенное февраля в 3 день 1732 года; Ныне же повелением ея императорского величества напечатанное. — [СПб.]: Санктпетербург. тип, 1732.	18	25,4
2	Научная/ общественная/ политическая тема	Ломоносов М. В. Слово о происхождении света новую теорию о цветах представляющее / В публичном собрании Императорской Академии наук июля 1 дня 1756 года говоренное Михайлом Ломоносовым. — Печатано в Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, [1756].	9	12,7
3	Научная/ общественная тема + событие из жизни императора/ императрицы	Зыбелин С. Г. Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней, / В публичном собрании Императорского Московского университета, на высокаторжественный день восшествия на всероссийский престол ея императорского величества, всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, говоренное онагож Университета медицины доктором и публичным ординарным профессором Семеном Зыбелиным, июня 30 дня, 1773 года. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1773.	30	42,2
4	Философская тема + событие из	Снегирев М. М. Слово о пользе нравственного просвещения: На всерадостный день тезоименитства его императорского величества, всепресветлейша-	12	16,9

Таблица 3 (окончание)

1	2	3	4	5
	жизни императора/ императрицы	го, державнейшаго, великаго государя, императора и самодержца всея России, Павла Перваго, / Говоренное в торжественном собрании Императорского Московского университета коллежским ассессором и философии профессором публич[ным] экстраорд[инарным] Михайлом Снегиревым, июня 30 дня 1787 года. — М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, [1787].		
5	Слово надгробное	Слово надгробное при погребении тела в Ахтырской соборной церкви: преставльшейся в Москве на самый светлый праздник востания Христа спасителя, графини Марьи Родионовны Паниной, урожденной фон-Веддель, супруги генерал-аншефа и всех российских орденов кавалера графа Петра Ивановича Панина, / Произнесенное одним из студентов Ахтырского училища, 1775 года, мая 4 дня. — [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775.	2	2,8
Всего рассмотренных заголовков			71	100

1. По сравнению с церковными словами, здесь представлено меньше как самих слов, так и тематических типов.

2. Как видно, научная тема — это единственная тема, представленная в светском красноречии и не представленная в церковном. Академическая речь (п. 2, 3, 4) в большинстве случаев приурочена к царскому дню (п. 3 и 4)³⁵.

3. Интересно, что процент слов, непосредственно посвященных царским дням, примерно такой же, как среди церковных слов, — 25%. С другой стороны, значительно больше слов (по сравнению с церковными), не будучи прямо связаны с панегирической тематикой, приурочены к какому-либо из царских дней.

Таким образом, анализ заголовков, с одной стороны, демонстрирует разнообразие тематических типов светских и особенно церковных ораторских слов XVIII века, с другой стороны, показывает, сколь значительную роль играли в ораторской прозе этого перио-

³⁵ Вероятно, большинство таких слов — это речи, произносимые на ассамблеях в Академии наук.

да царские дни. Если даже слово непосредственно не адресовано императору или императрице, упоминание о царствующей особе часто сохраняется — путем приурочивания произнесения слова к событию из жизни императора (и в светских, и в церковных словах) или подчеркиванием того, что слово произнесено в императорском присутствии (в церковных словах).

В церковных словах XVIII века царские дни не просто являются частью церковного календаря. «Императорская» проблематика стремится подчас вытеснить собственно церковные вопросы из заголовка проповеди или же существовать наряду с ними³⁶. В заголовках светских слов наблюдается та же тенденция: «императорское» начало активно проникает в академические речи (87% рассмотренных нами заголовков светских слов так или иначе связаны с царскими днями).

³⁶ Разумеется, это одно из следствий процесса сакрализации монарха, которая, по словам Б. А. Успенского и В. М. Живова, «распространялась на весь синодальный период, и в течение всего этого времени вступала в конфликт с традиционным религиозным сознанием» (*Успенский Б. А., Живов В. М.* Указ. соч. С. 194).

Глава 2

ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ ПРОПОВЕДЬ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

2.1. Проповедь и церковное богослужение. Двойственная природа проповеди

Церковная проповедь была и до сих пор остается важнейшим элементом церковного богослужения. Однако, как отмечают историки проповеди, ее роль на протяжении двухтысячелетнего периода истории Церкви существенно менялась. Необходимость проповеди была заложена уже в Новом завете; согласно Евангелию, одной из заповедей Иисуса Христа, обращенной к ученикам, была заповедь: «Проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк., 16, 15). Правда, в этой заповеди можно видеть скорее указание на проповедь в миссионерском смысле, нежели на проповедь церковную. Однако, несмотря на это, уже в древней Церкви существовала проповедь, произносимая предстоятелем или кем-то из священнослужителей, как правило в связи с прочитанным за литургией отрывком.

Ю. И. Рубан в своей статье «Проповедь: слово или послесловие?» анализирует место (статус) проповеди в структуре Божественной литургии, исходя из наблюдений над тем, как менялось отношение к проповеди в истории Церкви. Если в течение первых четырех-пяти веков христианства проповедь была органически слита со строем древней литургии, входила в систему богослужения и занимала в нем строго определенное место (в первой части литургии — литургии оглашенных — непосредственно после чтения Евангелия), то уже после V века проповедь становится «литургической роскошью» и ее место переносится на конец литургии¹. Собственно го-

¹ См.: *Рубан Ю. И.* Проповедь: слово или послесловие?: (К постановке вопроса о месте проповеди в православном богослужении) // Санкт-Петербургский церковный вестник. 2005. № 4 (64). С. 30–32. — В качестве причин такого изменения функции проповеди автор называет следующие: 1) люди стали приходить в церковь только для того, чтобы послушать проповедника, таким образом проповедь

воря, такую дополнительную, несколько обособленную от самого богослужения роль играет проповедь и в современной Православной церкви.

С одной стороны, проповедь — это часть литургии, непосредственно связанная с отдельными частями богослужения (евангельским чтением, праздничными песнопениями и т. д.), а с другой стороны, — отдельное произведение, текст которого принципиально отличается от богослужебного текста. Эти отличия касаются главным образом следующего:

а) текст богослужения имеет своим адресатом Бога, Богородицу или святых (в зависимости от рода богослужения), в то время как проповедь имеет своим адресатом слушателей, присутствующих за богослужением;

б) богослужебные тексты — это тексты канонические, в определенном порядке записанные в богослужебных книгах, в то время как проповедь есть произведение авторское, сочиненное проповедником к определенному дню и вследствие этого однократно произносимое. В следующем году в этот же день богослужение будет совершаться такое же (если этот день не связан с переходящим циклом церковных праздников), но проповедь может произноситься (даже тем же самым проповедником) абсолютно другая;

в) богослужение в Русской православной церкви совершалось и до сих пор совершается на церковнославянском языке, в то время как проповедь обычно произносится на современном слушателям русском языке².

Проповедь обладает своего рода двойственной природой — это и устный и письменный текст одновременно. Об устном характере проповеди как о неотъемлемой черте этого жанра писал С. С. Аверинцев, рассматривая происхождение проповеди. Исторически проповедь восходит к жанру «гомилии» (греч. «беседа»). Исследователь отмечал: «Терминологическое преемство указывает и на преемство

«затмила собой» главную часть литургии — Евхаристию; 2) падение института оглашенных (людей, готовящихся к принятию крещения и не имеющих права присутствовать в храме во время совершения Евхаристии); 3) постепенно литургийный текст, наполняясь символизмом, сам стал «источником поучений» и частично заменил устную проповедь (см.: Там же. С. 32–33).

² Эта особенность появляется только с середины XVIII века. Об эволюции языка русской проповеди см.: *Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 376–402.*

жанровое. К художественной, риторически отделанной проповеди непосредственно, без всяких модификаций и сдвигов приложимы правила, нормы и критерии отчасти „совещательного“ рода красноречия <...>, отчасти „эпидейктического“ рода»³.

По отношению к устному и письменному языку все проповеди можно разделить на два различных типа:

1) проповедь, записанная и затем выученная наизусть или прочитанная священнослужителем;

2) проповедь устная, или импровизационная, которая в основном звучит в церкви в наши дни.

Вот что писал об такой проповеди выдающийся проповедник и апологет XIX века архиепископ Амвросий (Ключарев): «В теории и в учебниках словесности и даже в высших руководствах красноречия вообще, и церковного в особенности, на этот род слова встречаются только неопределенные указания и намеки; руководящие образцы живого слова указываются только у ораторов древности, а из нашего времени только в парламентских речах знаменитых государственных людей Европы <...> Приемы, какие *начинают ныне употреблять* [курсив наш. — Е. М.]⁴ кое-где в наших учебных заведениях для приучения воспитанников к живой речи, вообще робки <...> Ораторов этого рода, появляющихся в нашем отечестве, можно назвать самородками и самоучками»⁵. По всей видимости, такой проповеди в XVIII веке просто не существовало, тем более не могло ее быть среди «официальных» панегирических проповедей.

Вероятно, механизм «производства» церковных ораторских произведений XVIII века был таким: проповедь писалась заранее, выучивалась наизусть или прочитывалась, а затем — в некоторых случаях — издавалась⁶. Но и в изданном тексте проповеди можно обна-

³ *Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 249.*

⁴ Книга архиепископа Амвросия (Ключарева) «Искусство проповеди» впервые вышла в 1884–1985 годах на страницах журнала «Вера и разум».

⁵ *Амвросий (Ключарев), архиеп. Искусство проповеди. М., 2006. С. 25.*

⁶ Кстати, опубликованными могли быть только проповеди первого типа: опубликовать импровизационную проповедь, даже если она произносилась, было невозможно чисто практически. Но есть еще одна важная причина, не обусловленная относительно низким уровнем технического прогресса в XVIII веке. Вот что писал по этому поводу архиепископ Амвросий: «Кто упражнялся довольно в импровизациях и пробовал записывать дома со всей точностью произнесенные им речи, тот знает, что это не только трудно, но даже и невозможно <...> при

ружить черты устной и письменной природы проповеди. В дальнейшем мы постараемся, анализируя проповеди середины XVIII века (естественно, письменные тексты), понять, как отражается в тексте эта двойственность. Пока же следует отметить, что сам факт того, что некоторые проповеди XVIII века дошли до нас в виде письменных текстов, говорит о том, что проповедь была важнейшей частью словесной культуры этого времени. Доказательством этого может служить, например, то, что значительное число проповедей издавались отдельными книгами.

Природа проповеди «двоится» и еще в одном отношении — в плане ее восприятия. В одном из исследований XIX века, посвященном проповеди, автор (Ю. Самарин), говоря о разных сторонах проповедничества Феофана Прокоповича, пишет: «Феофан Прокопович — оратор гораздо выше Феофана — проповедника»⁷. Это значит, что в проповеди обнаруживаются два пласта, тесно между собой взаимосвязанные, — идейный (проповеднический, публицистический) и ораторский (художественный, эстетический). Особенно художественный элемент развит в сфере торжественного красноречия; анализируя риторические концепции Феофана Прокоповича, Р. Лахманн писала: «В случае торжественной речи четко определенная сфера ораторского расширяет свои границы в направлении поэтического»⁸.

Здесь необходимо сделать одну важную оговорку: дело в том, что вообще понятие художественности, отсутствующее в эстетике в XVIII столетия, еще не стало тем «разграничителем», который отделяет литературу художественную от нехудожественной. С другой стороны, очевидно, что ораторские произведения (в частности, проповедь) воспринимались в эту эпоху как литературные тексты, их публикации были фактом литературной жизни того времени. Недаром проповеди XVIII века нашли отражение и в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (СПб., 1772), значительную часть которого составляют статьи о церковных авторах; в этой связи стоит также упомянуть статью А. П. Сумарокова «О Российском Духовном красноречии», в которой он пи-

записывании импровизации она обращается в сочинение и перестает быть тем, чем была» (Там же. С. 44).

⁷ Самарин Ю. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М., 1844. С. 154.

⁸ Лахманн Р. Демонтаж красноречия. СПб., 2001. С. 175.

сал: «Я в проповедниках вижу собратий своих по единому их риторству»⁹. Еще одним косвенным доказательством того, что ораторская проза не отделялась от других видов словесности, является представление о риторике (красноречии) как об особом дискурсе, имеющем отношение к словесной обработке абсолютно любого материала. Как писал Ломоносов, «материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете»¹⁰. Неудивительно поэтому, что Ломоносов, следуя этой логике, включал в сферу риторики всю словесность — и прозу, и поэзию.

Исходя из всего вышперечисленного, мы считаем, что к церковным ораторским произведениям XVIII века все же можно подходить с позиций литературоведческого анализа, имея в виду важную роль церковной проповеди как элемента словесной культуры XVIII столетия и ее двойственную природу.

2.2. Русская церковь и церковная проповедь в XVIII веке

История проповеди XVIII века, естественно, самым непосредственным образом связана с историей Русской церкви этого периода.

XVIII век — это начало синодального периода истории Русской церкви, периода, когда роль Церкви в российском государстве и обществе принципиально меняется. А. В. Карташев писал: «Особый Синодальный Период не схоластическая условность, а естественно сложившаяся, своеобразная по своей новизне эпоха в развитии Русской Церкви. И дело тут не в одной, и притом канонически дефективной, новизне формы высшего управления русской церковью, а в новизне правового и культурного принципа, внесенного в русскую историю с Запада, глубоко изменившего и исказившего нормальную для Востока „симфонию“ между церковью и государством <...> Было бы противно исторической правдивости закрывать глаза на властно держащую бразды церковного правления руку светских правителей и убаюкивать себя клерикальной иллюзией, будто ничего не изменилось в православной Руси, и церковь не утратила ни своего прежнего примата, ни своего стиля и колорита.

⁹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. 6. М., 1787. С. 275.

¹⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л., 1952. С. 96.

На самом деле все изменилось настолько радикально, что и у церковного историка любого настроения и направления отнята всякая возможность по-прежнему излагать историю по каким-то возглавлениям церкви»¹¹.

Эти изменения связаны, разумеется, в первую очередь с церковной реформой Петра I — одной из самых последовательных и принципиальных его реформ. Протоиерей Георгий Флоровский писал: «В системе Петровских преобразований Церковная реформа не была случайным эпизодом <...> Это был властный и резкий опыт государственной секуляризации <...> Опыт этот удался. В этом весь смысл, вся новизна, вся острота, вся необратимость Петровской реформы»¹².

Говоря о церковной политике Петра, В. М. Живов подчеркивал, что церковная реформа возникла не на пустом месте: «Конгломерат <...> противостояний — священства и царства, западного просвещения и его православной перелицовки, религиозной ксенофобии и иноземных новшеств, московской традиции и киевской традиции — создает то религиозно-культурное пространство, в котором Петр начинает свою реформаторскую деятельность»¹³. Живов отмечает, что церковная политика Петра — это, с одной стороны, наследие XVII века, в частности в том, что он актуализирует два сформировавшихся еще в XVII веке противостояния — «священство vs. царство» и «иноземное vs. местное»: «Радикализуя противостояние священства и царства, иностранного и традиционного, Петр действовал в рамках того репертуара ролей, которым светская власть располагала и до него, так что в этом плане — несмотря на демонстративный разрыв с традициями — у царя-преобразователя просматривается преемственность с деятельностью его предшественников. В данном случае манипуляция с доставшимся Петру наследством достаточно прямолинейна. Она состоит в гипертрофии абсолютистских полномочий монарха»¹⁴. С другой стороны, церковная политика Петра содержит принципиальные инновации — здесь Живов рассматривает такие семиотически значимые яв-

¹¹ *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 311, 312.

¹² *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 82.

¹³ *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 40–41.

ления петровской эпохи, как публичные бесчинства и кощунственные церемонии, введение нового летоисчисления и, разумеется, саму суть церковной реформы — упразднение патриаршества и переход церковного управления под власть самодержавного монарха¹⁵.

В своей церковной политике Петр вначале пытается опереться на украинских архиереев, которые, по словам В. М. Живова, «могли быть естественными агентами вестернизации и модернизации в церковной сфере»¹⁶. Он начинает раздавать украинцам архиерейские места, а после смерти патриарха Адриана делает одного из них — митрополита Стефана Яворского — «Экзархом, Блостителем и Администратором патриаршего стола»¹⁷.

Однако уже в середине 1710-х годов Петр начинает понимать, что Стефан не станет агентом его преобразований; как отмечает В. М. Живов, «благодаря прежде всего деятельности Стефана Яворского противостояние киевских и московских традиций перестало быть столь острым, и в отношении к реформистским замыслам Петра духовные из великорусов и из украинцев выступали как единая оппозиция»¹⁸. И Петр «переключается» на Феофана Прокоповича.

С помощью Феофана у Петра появляется конкретный план церковной реформы — план создания Духовной коллегии, которая затем трансформируется в Святейший Правительствующий Синод. А. В. Карташев так писал о Феофане и Петре в связи с церковной реформой: «Петр в своей ломке староцерковной теократии по-своему был очень осторожен, медлителен и даже не вполне уверен. Голова Феофана для него была максималистическим рефлектором его преобразовательных вожделений. Никто другой впоследствии <...> не договаривался до столь радикальных выводов, как Феофан Про-

¹⁵ *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого... С. 34–68.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ А. В. Карташев отмечает неуместность такого наименования: «Экзарх значит „уполномоченный“ патриарха, своего или стороннего. В данном случае не было патриарха, который бы назначил Стефана своим экзархом. Его назначил царь Петр, и выходило чистое вторжение царской власти, хотя бы по имени и только по символу, в область внутренних иерархических взаимоотношений» (*Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 330).

¹⁸ *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. С. 55–56. Об этом же писал и А. В. Карташев: «Стефан из чужака постепенно превратился в столпа старомосковской ортодоксии» (*Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 335).

копович. Идеологическое разрушение Феофаном православно-канонического строя осталось в нашей истории никем не повторенным фортиссимо»¹⁹. Специфическую роль Феофана в петровской церковной реформе отмечал и В. М. Живов: «<...> коллегиальный принцип является общим для всех институциональных реформ Петра. Прокопович находит способ, как репрезентировать этот принцип в традиционных церковных терминах, превратив Духовный коллегиум в соборное правление, и как вместе с тем облечь обособление создаваемого неканонического порядка в подобие православного дискурса <...> Феофан в превосходной степени владеет мастерством дискурсивной манипуляции и риторического принуждения. Наиболее наглядно это выражается в скрытой риторической полемичности и его проповедей, и его ученых трактатов <...> и его законодательных проектов»²⁰.

В главе 1 мы отмечали, что в XVIII веке на качественно иной уровень выходит процесс сакрализации монарха. Б. А. Успенский и В. М. Живов отмечают, что процессы сакрализации монарха, которые первоначально были обусловлены византинизацией русской культуры при Алексее Михайловиче, не прекращаются и в эпоху ориентации на западные образцы: «В XVIII в., т. е. в эпоху активной европеизации русской культуры, эти процессы идут crescendo: при Петре I сакрализация монарха не только не ослабевает, но, напротив, резко усиливается <...> Если для более раннего времени (применительно ко второй половине XVII в.) можно говорить об относительном сходстве русской и византийской ситуации, то в XVIII в. русская культурная ситуация заметно отличается от византийской — именно в сторону большей сакрализации монарха. Как раз теперь окончательно оформляется то отношение к монарху, которое характерно для всего императорского периода русской истории»²¹.

При Петре произошло принципиальное изменение роли монарха: как пишут авторы статьи «Царь и Бог», «царь стал восприниматься как глава церкви, и это имеет непосредственное отношение к сближению царя с Богом. Византийское восприятие монарха и присвоение ему места в церковном календаре входило в прямое взаимодействие с насаждаемыми при Петре протестантскими пред-

¹⁹ Карташев А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 343.

²⁰ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого... С. 56–57.

²¹ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 151.

ставлениями о монархе как главе церкви»²². В этой связи уместно указать на высказывание протоиерея В. Зеньковского об отношениях Церкви и государства в XVIII веке, которое нам представляется некорректным: «Церковные круги <...> стали видеть в государственной власти инородную, чужую для себя сферу <...> Сфера Церкви есть сфера внутренней жизни, а отношение к власти касается периферии, а не существа церковности»²³. Дело в том, что и само «существо церковности» тоже в какой-то степени пострадало от реформы. В связи с этим, оценивая последствия петровской религиозной реформы, В. М. Живов писал: «Религиозное дисциплинирование слилось с государственным дисциплинированием, или, иными словами, стало лишь религиозным аспектом общего государственного принуждения. Христианское благочестие — теоретически, по крайней мере, — превратилось в элемент гражданской благонадежности; оно сделалось не столько проявлением индивидуальной веры, сколько исполнением требований, предъявляемых к верно-подданному императору»²⁴.

Все эти радикальные изменения, разумеется, не могли не повлиять и на церковную проповедь, панегирическая составляющая которой резко возрастает (и это подтверждается выявленным нами соотношением между панегирическими и собственно церковными проповедями). Вот как характеризует проповедь XVIII века Э. Л. Афанасьев: «Односторонне было бы определить это столетие как время большого молчания Церкви, ибо порой, временами из уст церковных риториков вырывались громогласные орации, и нация порой еще расслышывала их. И, все-таки, на многие темы и идеи твердой рукой уже был положен тяжелый высочайший запрет и попутно строго указано, чего касаться заповедано. И Церковь, — еще так недавно в победе, еще так недавно в столь бурно громокипящих спорах, в огненных перепалках обсуждающая темы национальной значимости, — голос свой утишает. При размышлении о проповеди, при обдумывании состава и содержания церковных проповедей второй половины XVIII столетия это не стоит забывать. Отныне Церковь только хвалит или просто молчит»²⁵.

²² Там же.

²³ Зеньковский В., прот. История русской философии. С. 62.

²⁴ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого... С. 68.

²⁵ Афанасьев Э. Л. Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: горизонты взаимопознания: Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. М., 2003. С. 621, 622.

Начало XVIII века в истории России неразрывно связано с петровскими преобразованиями. Все царствование Петра I представляет собой непрерывный ряд реформ, касающихся внешней и внутренней жизни русского государства. Не могла остаться вне внимания этих преобразований и церковная проповедь. Петр I видел задачу проповеди в примирении народа со своими нововведениями, которых большинство населения не понимало и не принимало, в убеждении людей, что в новых формах общественной и частной жизни нет ничего греховного, а совершаемые в ней изменения несут пользу и государству, и народу. По воле Петра I, проповедники и обязаны были с церковной кафедры разъяснять необходимость и важность совершаемых в государстве реформ. Таким образом, тематическая палитра проповеди при Петре I расширяется.

Новый период в развитии русской проповеди связан с именем архиепископа Феофана Прокоповича, который продемонстрировал принципиально новый подход к проповеди — как в теоретических сочинениях («Духовном регламенте», «Богословских уроках» и др.), так и на практике. При Феофане русская проповедь изменилась в двух отношениях — и тематически, и стилистически. Как отмечают исследователи, Феофан оказал большое влияние не только на современников (Симона Кохановского, Гавриила Бужинского, Феофила Кролика, Стефана Яворского, Иоанна Максимова), среди которых было немало его подражателей, но и на многих последующих проповедников²⁶.

В проповедях Феофана к истинам веры и правилам христианской нравственности были прибавлены предметы нерелигиозного характера — государственные и социальные реформы. Иногда даже эти темы выходят на первый план — как отмечала Н. Д. Кочеткова, Феофан «выступает не столько как православный христианин, борющийся за чистоту веры, сколько как политический деятель, оценивающий события с точки зрения государственных интересов»²⁷. И. А. Чистович писал, что «ни одно из событий петровского царствования, ни одна из одержанных им побед, ни одна из важных реформ его правления не прошли без того, чтобы Феофан не отозвался на них словом с церковной кафедры», и тут же отмечал

²⁶ См.: Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 605; Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 26, 32.

²⁷ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 57.

принципиальную особенность проповедей Феофана — «эти слова похожи на панегирики»²⁸.

В статье Н. Д. Кочетковой поднимается проблема влияния проповедей Феофана Прокоповича на различные жанры светской литературы XVIII века. Исследовательница обращает внимание на то, что, несмотря на выделение Феофаном в теории трех различных видов церковного красноречия — изъяснительного (панегирики и торжественные речи), совещательного (проповедь христианской морали) и обличительного, — на практике он часто смешивал эти три вида красноречия в одном и том же слове. Н. Д. Кочеткова отмечает: «Прокопович признает правомерность использования разных стилей в одном и том же произведении. При неразработанности системы прозаических жанров в русской литературе того времени эта стилистическая свобода, допускавшаяся Прокоповичем, имела принципиальное значение <...> Многоплановость, которая была характерна для проповеди Прокоповича, создавала некоторую „перегрузку“ жанра, и эта „перегрузка“ могла быть ликвидирована за счет развития других жанров, принимавших на себя некоторые функции прежней проповеди <...> Оставаясь в пределах одного жанра, Прокопович сумел наметить основные темы, которые стали впоследствии разрабатываться в разных литературных жанрах»²⁹ (к этим жанрам относятся, в частности, похвальное слово, торжественная ода, духовная ода и даже сатира — исследователи находят в проповедях Феофана Прокоповича значительное количество «неуместных» сатирических элементов, нарушающих целостность его проповеди). Кроме того, Н. Д. Кочеткова, говоря о влиянии проповедей Феофана на светскую литературу того времени и связывая ораторскую прозу Феофана с сформировавшейся литературой классицизма, делает еще один важный вывод: «„Высокие“ жанры классицизма (похвальное слово и ода) были связаны с ораторской прозой Прокоповича и идейно, и стилистически»³⁰.

Прокоповичу принадлежит переосмысление функции жанра проповеди и функции ораторского искусства как такового. Об этом писала Р. Лахманн: «Силу *persuasio* для проведения в жизнь петровских реформ Прокопович оценивает выше, чем оружие и многочисленное войско. Обучение ораторскому искусству становится, таким

²⁸ Чистович И. А. Указ. соч. С. 605.

²⁹ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича... С. 62–64, 66.

³⁰ Там же. С. 80.

образом, общественным делом <...> Начинается слияние общественно-политического и общественно-религиозного пространства <...> Своими проповедями, которые частично были превращены им в *laudationes* Петра I, России и Петербурга, Прокопович сам продемонстрировал убеждающую силу речи, которая не аргументирует, а лишь оценивает свой предмет <...> Речь по поводу какого-либо праздника (именины, свадьба, смерть, прибытие, отъезд высокопоставленных особ, благодарность в адрес последних) выносится за пределы круга наивысших чинов и получает семейно-общественную, частно-публичную функцию»³¹. По словам Р. Лахманн, Феофан «стремится представить проповедь как жанр, который ничем не отличается от светских и подчиняется тем же самым правилам *argumentatio*»³². В «*Ars rhetorica*» Прокопович ясно формулирует политическую концепцию проповеди, говоря о том, что виды аргументов в проповеди — те же, что в политических речах³³. Таким образом Феофан Прокопович полностью десакрализует жанр проповеди³⁴.

В церковной ораторской прозе Феофана Прокоповича, помимо политических тем, появляется еще одна новая тема — тема науки и просвещения, которая стала одной из центральных в светской ораторской прозе XVIII века. А. С. Елеонская отмечает, что «Феофан Прокопович отразил <...> „реально-утилитарный взгляд на науку“ самого Петра. <...> Высказывания Прокоповича как нельзя больше отвечали задачам времени. Немаловажно, что идеи просвещения, как отмечает Н. Д. Кочеткова, проникают даже в проповеди Прокоповича, посвященные собственно богословским проблемам»³⁵.

При Феофане русская церковная проповедь изменилась стилистически. Феофан всячески высмеивал изошренность и барочную затейливость проповедей Стефана Яворского и его единомышленников³⁶, ориентирующихся на южнорусско-польские риторические традиции.

Следует отметить, что вообще роль украинцев в истории Русской церкви и проповедничества XVII–XVIII веков была уникаль-

³¹ Лахманн Р. Указ. соч. С. 169–170, 176, 177.

³² Там же. С. 209.

³³ См.: Там же.

³⁴ Там же. С. 172.

³⁵ Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 218.

³⁶ См.: Чистович И. А. Указ. соч. С. 38–39.

ной. Еще в середине XVII века в ходе реформ патриарха Никона в Московской Руси появились ученые киевские монахи (Арсений Зитановский, Епифаний Славинецкий, Дамаскин Птицкий и др.), которые прибыли в Москву главным образом для исправления богослужебных книг. Среди прочего киевские монахи принесли с собой и традицию живой проповеди, которой в Москве в тот момент просто не было. Неудивительно, что поначалу они были восприняты настороженно и с опаской. Однако постепенно киевские проповедники победили нерасположенность к себе москвичей. Скоро киевские ученые монахи стали занимать и епископские кафедры, особенно со времени утверждения на престоле Петра I. Гомилетики, характеризуя особенности проповеди, которую принесли с собой украинские проповедники, называют ее «схоластической» (основными представителями этого направления считаются Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий; в меньшей степени Дмитрий Ростовский и Стефан Яворский)³⁷.

Феофан Прокопович пытался отталкиваться от схоластической барочной традиции проповеди. По словам Р. Лахманн, «<...> новое определение функций риторики подразумевает <...> несогласие с проповеднической практикой Яворского и Бужинского, причем по крайней мере Яворский является представителем традиции, испытавшей сильное влияние барокко»³⁸. Полемизируя с южнорусской барочной традицией, с «напыщенным и цветистым стилем», Феофан, как писала Р. Лахманн, ориентируется на *decorum* («приличие») как на гарантию меры, уместности и разумности речи и поэтому не допускает «ничего чужеродного: ни слишком старого, ни слишком нового, ни неясности, ни чрезмерности, ни беспорядочности»³⁹. При этом исследователи отмечают, что проповеди Феофана отличаются от предшествующих, во-первых, большей выразительностью, а во-вторых — большей простотой, понятностью, доступностью для рядового читателя и слушателя⁴⁰.

³⁷ См., например: Ветелев А., прот., Козлов М. Е. Учебный курс по истории проповедничества Русской православной церкви. Загорск, 1990. С. 61–63. — качества определяющих признаков «схоластической» проповеди гомилетики называют следование правилам формальной логики, софистику, обилие аллегорий, явное преобладание формы (языка, стиля, композиции проповеди) над содержанием (см.: Там же. С. 63–73).

³⁸ Лахманн Р. Указ. соч. С. 209.

³⁹ Там же. С. 178, 180.

⁴⁰ См.: Панегирическая литература петровского времени. С. 34.

Рассматривая эволюцию проповеди Феофана, Н. Д. Кочеткова писала: «Светская тематика явно начала преобладать в проповедях Прокоповича, относившихся к петербургскому периоду его деятельности, когда он сам стал участником петровских реформ. В киевский же период Феофан как проповедник придерживался еще, в основном, правил, предписывавшихся схоластической наукой»⁴¹. Здесь следует отметить одну важную, с нашей точки зрения, вещь. Действительно, проповеди Феофана Прокоповича и тематически и стилистически отличаются от барочных проповедей (и это отмечают все исследователи). Но при этом следует признать, что и в петербургский период его деятельности барочная традиция сохраняла свою актуальность. Более того, очевидно, что именно барочная традиция оказала влияние на всю панегирическую традицию XVIII века (как церковную, так и светскую): как отмечала Л. И. Сазонова в своем исследовании о литературной культуре России XVII века, «укрепляющийся российский абсолютизм так же, как абсолютизм во многих других европейских странах, обращался к эстетике барокко»⁴². Это проявляется в конкретных приемах, используемых ораторами. Вот один из многочисленных примеров, которые приводит Л. И. Сазонова: «Панегирическая поэзия широко оперирует антономасией <...>, когда имя собственное употребляется вместо нарицательного, например, *Самсон* вместо *сильный*, или *Соломон* вместо *мудрый*. В „Привилегии на Академию“ Медведев [Сильвестр Медведев, придворный поэт эпохи Федора Иоанновича и царевны Софьи. — Е. М.] называет царевну Софью Семирамидой, Новой Деборой, сопоставляет с византийской царевной Пульхерией и английской королевой Елизаветой. В „Слове“ Феофана Прокоповича на погребение Петра Великого (1725) — каскад уподоблений: „Се оный твой, Россие, Сампсон..., Сей твой первый, О Россие, Иафет... Се Моисей твой, о Россие! Се твой, Россие, Соломон... Се же твой... и Давид, и Константин...“ <...> Те же уподобления, ставшие уже обязательными при изображении монарха, Ломоносов адресует новому императору Петру III с призывом отстоять интересы России в войне с Пруссией: „Сампсон, Давид и Соломон / В Петре тобою обладают / И Голияфов презирают“»⁴³. Еще одна общая барочная особенность панегириков разных эпох — использование сходства ме-

⁴¹ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича... С. 55–56.

⁴² Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 425.

⁴³ Там же. С. 219.

жду царем (императором) и его небесным покровителем по признаку имени. Об этом также писала Л. И. Сазонова: «Сходство по признаку имени, описываемое как двойничество, зеркальное удвоение прототипа, дало жизнь столь популярному и типичному для традиций барокко жанру *тезоименного приветствия*, где прославление святого переходит в славословие прямому адресату <...> Такую форму имеют стихи Симеона Полоцкого царю Алексею Михайловичу „в день тезоименнаго защитника его святаго Алексея человека Божия“»⁴⁴. Вот один из более поздних подобных примеров — из слова одного из крупнейших проповедников елизаветинской эпохи Гедеона Криновского. В одной из своих проповедей («Слово в день Святых и Праведных Захарии и Елисаветы, который купно есть день Тезоименитства Ея Императорскаго Величества Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския») автор переходит от прославления святых праведных Захарии и Елисаветы к похвале императрице: «Восприяв же такое намерение, обратим очи наши и к соименной праведной оной Елисавете, сей венценосной деве. О коль велико *и* [курсив везде наш. — Е. М.] Твое достоинство! О коль многия *и* Твоя похвалы, дражайшая наша имянинница!»⁴⁵

Вернемся к истории русской церкви и проповеди XVIII века и рассмотрим основные особенности церковной проповеди послепетровского времени⁴⁶. В царствование Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны новые церковные реформы шли под знаком секуляризации⁴⁷. В частности, несколько раз реформировался Синод с целью еще большего подчинения его светской власти. В 1726 году аппарат синодального ведомства был разделен на два «аппартамента» — первый, состоящий из шести архиереев, отвечал за «духовные

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Гедеон (Криновский), еп. Собрание поучительных слов, при высочайшем дворе сказыванных ... Епископом Гедеоном. 4-е изд. Ч. 6. М., 1855. С. 24.

⁴⁶ В отличие от проповедей петровской эпохи, проповеди аннинского, елизаветинского и екатерининского времени изучены значительно меньше с филологической и культурологической точки зрения. Поэтому для их общей характеристики мы будем в основном опираться на церковно-гомилетические работы.

⁴⁷ Впрочем, на протяжении всего XVIII века церковная политика была связана с секуляризацией церковных земель. Указ о полной секуляризации недвижимых церковных имуществ был подписан Петром III в 1762 году, а в начале екатерининского царствования все черное и белое духовенство было переведено на государственное жалование. В 1786 году секуляризация была проведена в Малороссии и в Польше (См.: Карташев А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 378–456).

дела», а второй, в который входили шесть светских чиновников, ведал администрацией, хозяйством и судом бывших патриарших вотчин и отчитывался перед Сенатом. Кроме того, при Екатерине I Синод был лишен титула «Правительствующий» и фактически стал управляться не императрицей, а Верховным Тайным Советом (это продолжалось и при Петре II). При Анне Иоанновне появился еще один «промежуточный» орган — Кабинет; ему подчинялись Сенат и Синод⁴⁸. С воцарением Анны Иоанновны наступило смутное время для православной Церкви. Эпоха бироновщины ознаменовалась для церкви значительными репрессиями, в частности серией архиерейских процессов (например, дело архиепископа Феофилакта Лопатинского), в ходе которых под ничтожными предложениями подверглись преследованиям, лишились своих мест и даже жизни несколько церковных иерархов⁴⁹. Как писал А. В. Карташев, «неумолимость нажимов онемеченного правительства подтверждала создавшееся убеждение не только низшего, но и высшего духовенства, что это признак сознательного плана угнетения и истребления православия»⁵⁰.

После переворота 1741 года, возведшего на престол дочь Петра Елизавету, ситуация заметно изменилась. Об этом времени А. В. Карташев писал так: «Освобождение от кошмара бироновщины, может быть, ни одним сословием, ни одним сектором государственной машины не переживалось с таким торжеством и энтузиазмом, как православным духовенством. Распечатанные уста всегда законопослушной и долготерпеливой иерархии зазвучали с высоты кафедр перед толпами народа с такой смелостью и откровенным обличением пережитых кошмаров, как это бывает только под пером публицистов на другой день после революций»⁵¹. В этой связи Н. Д. Кочеткова, сравнивая проповеди Феофана Прокоповича с позднейшими проповедями XVIII века, подвергает сомнению точку зрения П. Морозова, что «проповедь мало-помалу утрачивает тот публицистический характер, какой был придан ей Феофаном»⁵²: «Это утверждение вызывает возражения уже потому, что в царствование Елизаветы проповедь продолжает оставаться одним из важнейших

⁴⁸ См. об этом подробнее: Там же. Т. 2. С. 378–398.

⁴⁹ См.: *Заведеев П.* История русского проповедничества с XVII века до настоящего времени. Тула, 1879. С. 72; *Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 398.

⁵⁰ Там же. С. 397.

⁵¹ Там же. С. 421.

⁵² Цит. по: *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича... С. 63.

средств идеологической борьбы: меняется только ее политическая ориентация»⁵³. Ср. явный пример «идеологической» оценки доелизаветинского времени в проповеди Кирилла Флоринского, который называет Остермана и Миниха «эмиссариями дьявольскими» (см. п. 2.5).

Историки русской проповеди отмечают, что проповедь обратила на себя особенное внимание Елизаветы. Для произнесения проповедей в придворной церкви в столицу вызывались епископы, архимандриты и священники; в великие праздники назначались для проповедничества синодальные члены. Епархиальным архиереям было предписано, чтобы в праздничные дни в кафедральных соборах и монастырях обязательно произносились проповеди наиболее подготовленными представителями духовенства⁵⁴.

Из ряда многочисленных проповедников елизаветинской эпохи наиболее выдающимися считаются митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов), архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич), архиепископ Псковский Гедеон (Криновский) и архимандрит Кирилл (Флоринский), ректор Московской академии.

В книге профессора-протоиерея А. Ветелева и профессора-игумена Марка (Лозинского) выделяются три основные тематические группы проповедей этой эпохи:

- 1) панегирическая проповедь (панегирики Елизавете Петровне как защитнице православия, освободительнице России, наследнице Петра и т. п.);
- 2) публицистическая проповедь (направленная против новых религиозных понятий, занесенных в Россию лютеранами, особенно при Анне Иоанновне, а также против деистических учений эпохи Просвещения);
- 3) нравоучительная проповедь (собственно религиозно-церковной тематики)⁵⁵.

Вторая половина XVIII века историками русской проповеди характеризуется как эпоха нравственно-практической проповеди. Во второй половине XVIII столетия (правление Екатерины II) проповедь окончательно входит в ряд обыкновенных явлений и становится необходимой существенной частью богослужения не только в придворных церквях и кафедральных соборах, но и в монастырях

⁵³ Там же. С. 63–64.

⁵⁴ См.: *Заведеев П.* Указ. соч. С. 73.

⁵⁵ *Ветелев А., проф.-прот., Марк (Лозинский), проф.-игум.* История русской проповеди X–XX вв. Загорск, 1972. С. 126.

и приходских церквях. Развитию русской проповеди способствовал подъем уровня высшего и среднего духовного образования, в чем немалая заслуга принадлежит Московским Духовным школам. В церковно-исторических работах подчеркивается, что проповедь указанной эпохи как по содержанию, так и по своему внутреннему и внешнему характеру заметно отличается от проповедничества первой половины XVIII столетия. Она приобретает нравственно-практический характер и меньше интересуется политическими событиями. По форме проповедь стала отличаться большей простотой и безыскусственностью⁵⁶.

Наиболее видными проповедниками этой эпохи были святитель Тихон, епископ Воронежский (Тихон Задонский), митрополит Московский Платон (Левшин), киевский протоиерей Иоанн Леванда, а также архиепископ Астраханский Анастасий (Братановский), архиепископ Белорусский Георгий (Конисский), митрополит Петербургский Гавриил (Петров-Шапошников).

В заключение данного раздела отметим, что кроме церковно-исторических и культурологических работ, о которых шла речь выше, проблемы русской проповеди XVIII века затрагиваются в лингвистических работах по истории русского литературного языка — в частности, в книге В. М. Живова⁵⁷, а также в работах Е. Будде, Л. Л. Кутиной, Е. И. Кисловой и др.⁵⁸ В книге В. М. Живова, где прослеживается эволюция языка духовной литературы XVII–XVIII вв., исследователь создает периодизацию истории языка проповеди, в общем совпадающую с периодизацией проповеди в историко-церковных работах:

а) допетровское время (языком проповеди является стандартный церковнославянский язык);

б) петровская эпоха, период 1730–1740-х годов (языком проповедей и гомилетической литературы является введенный Фео-

⁵⁶ См.: *Заведеев П.* Указ. соч. С. 82–83.

⁵⁷ *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века.

⁵⁸ См.: *Будде Е.* Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX в.). СПб., 1908; *Кутина Л. Л.* 1) Феофан Прокопович: Слова и речи: Проблема языкового типа // *Язык русских писателей XVIII века.* Л., 1981. С. 7–46; 2) Феофан Прокопович: Слова и речи: Лексико-стилистическая характеристика // *Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики.* Л., 1982. С. 5–51; *Кислова Е. И.* Грамматическая норма языка проповеди елизаветинского периода (1740-е гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

фаном Прокоповичем и Гавриилом Бужинским гибридный русифицированный церковнославянский язык);

в) 1750–1770-е годы (появляются проповеди, написанные на русском языке, — проповеди Гедеона Кривовского, Гавриила Петрова, Платона Левшина; язык проповеди сливается в значительной степени с языком светской литературы, и это приводит к формированию единого для светской и духовной словесности литературного языка)⁵⁹.

Кратко рассмотрев общие особенности и этапы эволюции русской проповеди XVIII века, обратимся непосредственно к церковным панегирикам середины XVIII века и рассмотрим примеры панегирических проповедей пяти выдающихся придворных проповедников середины XVIII века — Гедеона (Кривовского), Амвросия (Юшкевича), Кирилла (Флоринского), Гавриила (Петрова-Шапошникова) и Платона (Левшина). С целью описания модели панегирической проповеди середины XVIII века в работе будет рассмотрено по одной проповеди каждого из этих авторов.

2.3. «Слово на день коронации Елизаветы Петровны» епископа Гедеона (Кривовского)

Анализ панегирических проповедей середины XVIII века мы начнем со «Слова на день коронации Елизаветы Петровны» епископа Гедеона (Кривовского), самого крупного проповедника елизаветинской эпохи.

Гедeon Кривовский (1726–1763) родился в Казани в семье пономаря, осиротел в младенческом возрасте. В 1738 году поступил в Казанскую духовную семинарию, которую окончил в 1750 и был в ней оставлен учителем (по другим сведениям, учился в семинарии до 1746 года, а потом был в ней учителем в течение пяти лет). Желая получить полное богословское образование, в 1751 году бежал в Петербург, а оттуда направился в Москву. В Славяно-греко-латинской академии Гедeon слушал курс богословия, а в декабре 1751 года Синод разрешил ему читать проповеди. И. И. Шувалов представил молодого талантливого проповедника императрице; Гедeon прочел в ее присутствии проповедь, понравилась Елизавете Петровне и в январе 1753 года в сане иеродиакона был назначен придворным проповедником. Елизавета Петровна благоволила ему; его проповеди стали выходить отдельными томами по именному

⁵⁹ *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. С. 376–402.

указу (т. 1 — 1755, т. 2 — 1756, т. 3 — 1758, т. 4 — 1759; всего в четырех томах — 100 проповедей). С 1757 года Гедеон стал архимандритом Саввино-Сторожевского монастыря, с 1758 — член Синода и настоятель Троице-Сергиевой лавры. В 1761 году, будучи архимандритом Троице-Сергиевой лавры, он был назначен епископом Псковским, оставаясь при этом придворным проповедником и синодальным членом. Епископ Гедеон скончался в 1763 г.⁶⁰

Успех карьеры Гедеона, который стал придворным проповедником, когда ему не было еще тридцати лет, связан с новаторством, которое проявилось в его проповедях по сравнению с проповедниками петровской эпохи. Главное, за что ценили проповеди Гедеона, — это «ясность и простота мысли, живость фантазии, точность и простота слога, доступного для понимания самого простого слушателя»⁶¹. В одной из церковно-исторических работ о стиле проповедей Гедеона говорится следующее: «Красота слога, ясность речи, живость воображения и счастливый дар произношения составляют характеристические черты проповеднической деятельности Гедеона Криновского. Чтобы сделать мысль свою понятною для всех и живо запечатлеть ее в сердцах своих слушателей, он прибегает к примерам, сравнениям и картинным изображениям. Примеры заимствуются им и из св. истории, и из истории гражданской, и из религии языческой, и из истории естественной. Он не пренебрегает никакими средствами, дозволенными церковному оратору, чтобы сделать мысль свою ясною и убедительною для слушателей»⁶². А. П. Сумароков в своей статье «О Российском Духовном красноречии» дает творчеству Гедеона противоречивую характеристику: «<...> сожалетельно то, что мало было в нем силы и огня, и что он по недостатку пылкости часто наполнял проповеди свои историями и баснями, сим бедным запасом истинного красноречия. Приятность, нежность, тонкость были ему свойственны, и после Феофана опустошенный Российский Парнас, или церковь, лишенная риторския сладости, смертью великаго Архиепископа, обрадовала

⁶⁰ См.: Николаев С. И. Криновский Григорий Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 2: К–П. СПб., 1999. С. 151–152; Заведеев П. Указ. соч. С. 86–107; Поторжинский М., прот. Русская гомилетическая христоматия с краткими биографиями русских пастырей-проповедников и характеристиками их проповедничества (XVII–XIX вв.). Киев, 1899. С. 169–172.

⁶¹ Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. 1875. № 2. С. 105.

⁶² Заведеев П. Указ. соч. С. 106–107.

Россию сим Гедеоном, мужем великаго во красноречии достоинства»⁶³.

В лингвистических работах отмечается одна важная новаторская особенность проповедей Гедеона: в его ораторских произведениях отсутствует система маркированных церковнославянских элементов, что позволяет считать проповеди Гедеона русскими по языку (т. е. именно в проповедях Гедеона Криновского происходит переход от «гибридного» языка петровской эпохи к русскому)⁶⁴.

Рассмотрим один из церковных панегириков Гедеона Криновского, произнесенных им в честь дня коронации Елизаветы Петровны. Панегирик посвящен годовщине коронации императрицы, которая состоялась 26 апреля 1742 года в Москве. Год написания проповеди Гедеона Криновского в сборнике его проповедей не указан; можно предположить, что она была написана между 1753 (когда Гедеон стал придворным проповедником) и 1755 годом (когда был издан первый том его «Собрания разных поучительных слов»).

Выше мы отмечали двойственную природу проповеди, которая свойственна ораторской прозе вообще (как церковной, так и светской). Поскольку предметом нашего исследования являются проповеди XVIII века, мы, естественно, лишены возможности анализировать *устный*, нацеленный на произнесение и звучащий в храме после богослужения текст проповеди (как это было бы возможно при исследованиях современной проповеди); нам остается лишь исследовать *письменный* вариант. Но в этом письменном тексте обнаруживаются черты устного ораторского произведения или указания на его устный характер. Прежде всего, это проявляется в названиях самих слов или сборников, в которых они публиковались. Так, например, слово епископа Гедеона опубликовано в сборнике, который называется «Собрание поучительных слов, при высочайшем дворе <...> сказыванных [курсив наш. — Е. М.] Епископом Гедеоном». Кроме того, в самих текстах слов можно обнаружить обращения к слушающей публике; в слове Гедеона Криновского такое обращение содержится в первом же предложении слова: «Ныне-то исполнилось сие премудраго сына Сирахова слово, *слушатели* [курсив наш. — Е. М.] благочестивии!»⁶⁵

⁶³ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. Ч. 6. С. 281.

⁶⁴ См.: Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. С. 395.

⁶⁵ Гедеон (Криновский), еп. Собрание разных поучительных слов, при высочайшем дворе ея императорскаго величества сказыванных придворным Ея Вели-

Интересно, что, с другой стороны, ораторские произведения могли восприниматься современниками лишь как *написанный текст*. Любопытное свидетельство этого находим у Сумарокова в статье «О Российском Духовном красноречии», в которой он кратко рассматривает достоинства самых известных проповедников своего времени — Феофана (Прокоповича), Гедеона (Криновского), Гавриила (Петрова) и Амвросия (Юшкевича). Об этом последнем, чьи проповеди на момент написания статьи не были еще изданы, Сумароков пишет следующее: «Во окончании всего нельзя мне еще в такое же тонкое [как в случае с предыдущими тремя авторами. — Е. М.] рассмотрение войти, из единых напечатанных речей Амвросиевой о сем Авторе: а по слуху единому, как я прилежно слова ни слушаю, анатомить его сочинение трудно...»⁶⁶. Еще один фактор, различающий в XVIII веке проповедь произнесенную и проповедь изданную, выделяет Е. А. Погосян в своей книге о русской оде. Она обращает внимание на обстоятельства первой публикации «Слова похвального о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича и на реакцию автора на сам факт публикации (в предисловии, обращенном к монарху): «Инициатива публикации слова, предназначенного автором для *однократного исполнения*, принадлежит монарху. Публикация делает бытование этого произведения, как выражается Прокопович, „многократным“. Кроме того, расширяются границы его бытования — оно должно быть известно за пределами коллектива верующих, к которому Прокопович обращался в церкви, и не только подданным Петра, но и в других государствах. Таким образом, в глазах Прокоповича факт публикации меняет статус Слова — из проповеди оно становится панегириком»⁶⁷.

Важнейший признак проповеди как *письменного текста* — это само определение «слово», которое появляется в заглавии уже изданного текста. Второй важный признак — это эпиграф⁶⁸, который

чества проповедником Иеромонахом Гедеоном: В 4 т. Т. 1. СПб., 1755. С. 264. — Далее в п. 2,3 при цитировании «Слова» страницы данного издания указываются в тексте в скобках.

⁶⁶ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. Ч. 6. С. 284.

⁶⁷ Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. С. 24.

⁶⁸ Этот термин мы употребляем условно, оставляя за скобками вопрос о принципиальных отличиях «эпиграфа» к церковной проповеди и традиционного литературного эпиграфа, введенного в широкий литературный оборот лишь в на-

является традиционным элементом церковного слова и обычно играет ключевую роль в произведении. Как отмечают гомилетики, «слово, как правило, предваряется заглавным стихом (эпиграфом), который должен иметь самое непосредственное отношение к содержанию проповеди. Этот стих обычно содержит указание на рассматриваемый предмет, который составляет главное начало для мыслей и суждений проповедника. Чаще всего в качестве заглавного стиха используются выдержки из Священного Писания или богослужебных текстов. Полагать в основание церковной речи подобные стихи — обычай древний, свидетельствующий, что по своему существу проповедь есть изъяснение Священного Писания и учения Церкви»⁶⁹.

В начале своего слова Гедеон Криновский помещает эпиграф из неканонической книги Ветхого завета — из Книги Иисуса, сына Сирахова: «В руце Господни власть земли, и потребнаго воздвигнет во время на ней» (Сираха, 10, 4); этот эпиграф неоднократно повторяется в тексте слова. Восшествие на престол Елизаветы Петровны осмысливается автором как иллюстрация, конкретный пример, доказывающий истинность библейского изречения: автор делает упор на то, что восшествие на престол Елизаветы — следствие благого промысла Божьего: «Надобно нам, Россияне, теперь помышлять, что бездна щедрот и благоутробия Божия нам в сей день отворилась, когда дал нам Бог Государыню по сердцам нашим, дал Государыню, которой подлинно по силе помянутых слов Сираховых необходимо время сие требовало» (с. 265–266). Гедеон приводит примеры подобного проявления божественного промысла из Ветхого завета, также доказывающие истинность эпиграфа (Навуходоносор, Иисус Навин, Саул, Давид и Соломон). Далее автор, обращаясь к россиянам, вспоминает Россию времен Петра, «и именем и делами Великаго», и сопоставляет это время с эпохой последующей смуты, когда, по его словам, «умножается внутреннее беспокойство, наследие Петрово в руки чуждых и незнаемых людей

чале XIX века (см., например: Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. С. 851).

⁶⁹ Феодосий, еп. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1994. С. 144. — Ср. упоминание об этом традиционном элементе церковной проповеди в «Кратком руководстве к риторике» Ломоносова: «Все проповеди располагаются обыкновенно по ординарной форме <...> Пред вступлением полагается приличный к самой предлагаемой материи текст из священного писания» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 69).

преходит, Церковь бедствует...» (с. 270; эти события автор опять-таки связывает с промыслом Божиим: «прогневала ты, Россия, Бога; и надобно стало правосудному гневу Божию наказать тебе за многия и тяжкия твоя прегрешения» — с. 271). Восшествие Елизаветы осознается как окончание излияния на Россию «фиала ярости» Божьей, ибо, как объясняет Гедеон словами Псалтири, Господь «не до конца прогневайся, ниже в век враждуй» (Пс. 102, 9); в определенном смысле воцарение Елизаветы воспринимается как возвращение к петровской эпохе: Бог, по словам автора, «наполнил лишние, когда пресекавшееся законное престола Петрова наследие чудным Своим промыслом возвратил дщери Петровой <...> возродил <...> надежду еще как бы ожившего в семени своем видеть непобедимейшаго того Императора» (с. 272). Проповедь заканчивается призывом к России признать, что «великия в сей день и несказанныя <...> излились свыше щедроты» (с. 274) и обращением к императрице.

Основной задачей панегирика, произносимого в церкви духовным лицом, было, во-первых, подчеркнуть наличие божественного закона (в том числе и перед самой императрицей) и, уже во-вторых, — восхвалить императрицу. Именно поэтому в слове Гедеона Криновского так важен элемент дидактики; в нем содержатся многочисленные обобщения и отступления от основной темы (прославление императрицы); вспоминаемое событие воспринимается лишь как частный случай в цепи мировой истории, осуществляемой промыслом Божиим. Именно поэтому автор постоянно ищет аналогичные этому события в древней истории (в основном в книгах Ветхого завета).

Приступая к анализу формы церковного слова епископа Гедеона, обратимся в первую очередь к характеристике, которую дает автор собственной стилистической ориентации. Вот что писал Гедеон в предисловии к сборнику своих проповедей: «Да понесет великодушно Ваше Священнейшее Императорское Величество, что сия, никакой внешней красоты не имеющая (хотя по внутреннему своему содержанию и пребогатая), убогаго труда моего книга пред Высочайшим Лицем Вашим предстать дерзновение приняла»⁷⁰. Вместе с тем очевидно, что эта подчеркнутая ориентация на содержание и декларируемое невнимание к форме есть особый риторический прием — В. П. Зубов обнаруживает у Гедеона элементы именно

⁷⁰ Гедеон (Криновский), еп. Собрание поучительных слов... Ч. 1. С. 1.

«внешней красоты»: Гедеон «был мастером восклицаний, эмоционального построения периода — с анафорами, итерациями, нагромождением эпитетов и т. д.»⁷¹.

В рассматриваемом слове Гедеона можно обнаружить важные черты «ораторского стиля». Первый же абзац слова интересен с точки зрения риторического оформления речи:

«Ныне-то исполнилось сие премудраго сына Сирахова слово, слышатели благочестивии! Ныне истина его всем нам открылась явственно: ныне, говорю, как увидели мы Всероссийскую корону на главе Первой Елисаветы. Не тая ли бо се Елисавет, Императорскою увенчана диадимом, как едино небесное светило, в очах наших блистает, которья имя во тьме вечнаго у всех забвения положить неприязненная рука чрез столько времени старалась? не тая ли се Елисавет отечества Материю теперь зовется, которая по злым неприятельским умыслам отечества в скорости лишиться имела? не тая ли се Елисавет, нося в руке своей Самодержавствия знаки, торжествует, которая недавно от тяжких и нестерпимых утеснений своих врагов горько плакала и стенала? О глубина богатства, премудрости и разума Божия!» (с. 264–265).

Как видно, абзац представляет собой тщательно продуманную в синтаксическом и композиционном плане структуру: первое и последнее предложения представляют собой риторические восклицания, в середине — три риторических вопроса с анафорой, причем все они имеют одну и ту же схему: каждый из трех риторических вопросов — это сложное предложение, построенное по принципу градации (главная часть предложения содержит глагол настоящего времени, а придаточное со словом «который» — глагол прошедшего времени; таким образом, в каждом вопросе реализуется оппозиция «теперь — раньше»). Вообще риторические вопросы и восклицания, анафоры и другие виды повторов, градация и синтаксический параллелизм играют организующую роль в слове Гедеона Криновского. Но этот достаточно сложный синтаксический рисунок текста вовсе не затемняет смысл; напротив, синтаксические приемы направлены на акцентирование наиболее важных мыслей слова. Например, градация, с помощью которой несколько раз в проповеди актуализируется важная смысловая оппозиция «было — стало», позволяет подчеркнуть важную для многих

⁷¹ Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001. С. 91.

проповедников елизаветинского времени мысль о том, что с воцарением Елизаветы Петровны наступила новая эпоха, принципиально отличная от предыдущего, неблагоприятного для Церкви, периода. Как кажется, риторические вопросы и восклицания, столь часто встречающиеся в проповеди Гедеона Криновского, связаны с устным характером ораторского произведения. Особенно явно это видно при рассмотрении восклицаний: большинство восклицаний в слове (и связанных с ними риторических вопросов) содержат в себе обращение, например: «Теперь уже к тебе я обращаюсь, о Россия! Помнишь ли ты, в каком находилась состоянии за несколько лет пред сим временем?» (с. 269). Эти риторические приемы, которые можно считать признаками «декламационно-лирического стиля», свойственного всем елизаветинским проповедникам⁷², также косвенно участвуют у Гедеона в прояснении смысла проповеди, делая ее менее монотонной.

В целом стиль проповеди Гедеона отличают относительная простота на словесном уровне (в его проповеди почти нет метафор) и обилие синтаксических фигур речи, направленных на прояснение смысла (подчеркивание смысловых акцентов), а также моделирующих в письменном варианте ситуацию устного произнесения проповеди. Вероятно, именно благодаря этим особенностям поэтики современники воспринимали проповеди епископа Гедеона как образец точности и простоты мысли и слога.

2.4. «Слово в день рождения императрицы Елисаветы Петровны» архиепископа Амвросия (Юшкевича)

Среди торжественных слов-панегириков значительную долю занимают слова, посвященные дням рождения императора или императрицы. Рассмотрим одно из таких слов, посвященных дню рождения Елизаветы Петровны и произнесенных архиепископом Амвросием (Юшкевичем) 18 декабря 1741 года.

Центральная тема слова архиепископа Амвросия — та же, что и в слове Гедеона Криновского. Это тема промысла Божьего. На нее прямо указывает в начале слова эпиграф из Евангелия от Матфея: «Весть отец ваш, ихже требуете» (Мф. 6, 8; в русском переводе — «знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду»). Вступление проповеди тематически связано с эпиграфом, в нем взаимоотношения Бога и

⁷² *Зубов В. П.* Указ. соч. С. 91.

людей сравниваются со взаимоотношениями детей и родителей; проповедник задает риторический вопрос: «Может ли отец, или мать родная, запомнить о детях своих, и не помянуть их?» — и сам же на него отвечает: «Кажется, таких родителей сыскать весьма трудно. Но хотя бы в свете такие немилосердые отцы, или матери и сыскаться могли, которые бы о детях своих попечения не имели, и об оных не помнили; однако Бог всемогущий не в пример тому делает, всегда о человеке промышляет»⁷³. В подтверждение этой мысли автор приводит несколько примеров из Священного писания Ветхого завета (Агарь и Измаил, Моисей, Давид). Интересно, что иллюстрации довольно разноплановы: если два первых примера буквально подтверждают приведенную цитату (Агарь бросила своего сына Измаила в пустыне, но Бог спас его; то же самое — в случае с Моисеем), то имя Давида упоминается в связи с доказательством другого проявления Божьего промысла, имеющего непосредственное отношение к теме слова: «Не меньший промысел показал Бог и на Давиде, когда, за его незлобие и превеликую кротость, восхотел возвести на Престол Израильский» (с. 4). Подробно описав историю взаимоотношений Давида и Саула, Амвросий переходит к главному предмету повествования: «Но на что нам ходить далече, и искать образцов и примеров промысла Божия? Мы его явственно, и почти чувствительно, видим в ТЕБЕ, ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ САМОДЕРЖИЦА НАША⁷⁴» (с. 5). Автор делает акцент на абсолютной легитимности правления Елизаветы: «Ежели посмотрим на все законы, то есть, на естественный, гражданский и божественный, по которым наследие твердо и непременно потомкам остается, тех всех существенных свойства, даже до последней черты, в наследии Империи Всероссийския, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА имеются» (с. 7). Самое важное доказательство легитимности восшествия на престол Елизаветы Петровны — то, что она «рождена <...> от обоих коронованных Лиц, от обоих законовладельных Самодержавных Героев и Монархов» (с. 7). Похвала родителям Елизаветы Петровны начинается с риторического вопроса: «Есть ли в Свете уголок такой, есть ли народ такой дикой и незнаемой, чтоб до него не дошел

⁷³ *Амвросий (Юшкевич), архиеп.* Слово в высочайший день рождения императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1741. С. 3. — Далее в п. 2.4 при цитировании этого издания страницы указываются в тексте в скобках.

⁷⁴ При выделении некоторых отрезков текста панегириков заглавными буквами мы сохраняем авторский шрифт (здесь и далее).

слух дел и славы ПЕТРА Великого, и чтоб не знал он, кто и что был в России ПЕТР Первый, кто и что была ЕКАТЕРИНА?» (с. 7). Последняя фраза своеобразным меняющимся рефреном проходит через целый фрагмент проповеди, композиционно завершая абзацы: «И тут познаешь, кто был ПЕТР, кто была и пособствовавшая ему во всем ЕКАТЕРИНА»; «Сие все тебе покажет, кто был ПЕТР, кто была ЕКАТЕРИНА»; «Но в чем толь крайнюю силою трудился, и что так великим прилежанием приобретал ПЕТР; во всем том неотступно присутствовала, и все то также приобретала и ЕКАТЕРИНА» (с. 8–9). Интересно, что, перечисляя многочисленные достоинства и заслуги Петра (статус императора, дела просвещения, военная и церковная реформы, внешняя политика), автор как бы автоматически присоединяет к ним и Екатерину I.

Еще раз подчеркивая законность воцарения Елизаветы Петровны, Амвросий подкрепляет свои мысли аргументами из Священного писания, в частности он обращается к книге Чисел, из которой приводит такие строки: «Человек, аще умрет, и не будет сына ему, да возложите причастие его на дочь его» (с. 10). «И что ж сего яснее и довольнее? — восклицает проповедник, — Что лучше нас в том утвердить может, как то, что Сам Господь Бог милосердный и неложный определить изволил?» (с. 10). Автор полемизирует с безбожниками, утверждающими, что Елизавета обязана своим возвышением фортуне или слепому случаю. Доказывая наличие божественного промысла, Амвросий приводит еще несколько библейских цитат, причем как общих («Без мене не можете творити ничесоже» — Ин. 15, 5), так и конкретных, имеющих отношение к царской власти («Владеет Вышний царством человеческим, и емуже хочет дает е» — Дан. 4, 29; «Аз помазах тя на царство во Израили» — 4 Цар. 9, 3). И только здесь, когда уже больше половины проповеди произнесено, автор затрагивает тему, непосредственно вынесенную в заглавие слова, — день рождения императрицы Елизаветы. Автор обращается к церковному календарю и обнаруживает, что день рождения императрицы попадает на день памяти мученика Севастиана, чье имя «толкуется на нашем языке, достоин чести, но чести не простыя, чести такая, которая Самому токмо всевышнему Богу достоин, и по нем лице его на земли носящим наместникам его, помазанным Государям» (с. 11). Действительно, в переводе с греческого *Севастиан* означает «досточтимый, достойный поклонения, почитаемый». Это обстоятельство, с точки зрения автора, лишний раз доказывает Божий промысел в отношении воцарения Елизаветы.

Описав то «терние», через которое вынуждена была пройти Елизавета после смерти своих родителей, автор рисует идеальную картину дворцового переворота 1741 года — своего рода драматургическую сценку: «И как ОНА твердо в Бога веровала, как несомненно на него надежду полагала, так по ЕЯ вере Господь и зделал: послал ЕЙ сердце мужественное, влиял дух ПЕТРОВ, даровал храбрость Иудифину, которою внутрь возбуждаемая, и Господем своим аки непреборимым оружием защищаемая, пошла к надежным своим, и давно уже того желающим, солдатам, и объявила им свое намерение, и кратко им сказать изволила: *знаете ли, ребята, кто я? и чья дочь?*» (с. 12). Описав печальное состояние государства Российского по сравнению со временем Петра и Екатерины, наследница обращается к солдатам с вопросом: «Кому ж верно служить хотите? Мне ли, природной Государыне, или другим, незаконно Мое наследие похитившим?» (с. 12). Солдаты же в ответ «все единогласно закричали»: «ТЕБЕ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЬНЯ, за ТЕБЯ последнюю каплю крови излить готовы; мы того давно желаем и ожидаемся, ныне время благополучное, ныне день приспел Российскаго спасения» (с. 12). И, как замечает автор, завершая описание сцены разговора, «сие сказавши, и ко Кресту святому приложившись, начали о имя Господне исправлять дело свое, и зделали то в один час, что иные делали чрез многия лета, и со многим кровопролитием» (с. 12).

Заключает проповедь обширная похвала Елизавете Петровне. Снова обращаясь к библейским текстам, автор сравнивает Елизавету и Есфирь и замечает, что Елизавета достойна даже большей похвалы, чем героиня библейской истории, поскольку «оная [Есфирь. — Е. М.] народ свой свободила от врагов токмо внешних, и явных; Наша же преславная Победительница избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных» (с. 13). Описав этих «врагов внутренних и сокровенных» (многочисленные недостатки аннинского царствования), Амвросий еще раз возносит благодарность Елизавете и завершает проповедь традиционной молитвой о здравии и благополучии императрицы.

Стиль проповеди Амвросия Юшкевича в целом воспринимается как менее ясный, чем стиль проповеди епископа Гедеона. Причин здесь несколько: во-первых, здесь, несмотря на наличие большого числа риторических вопросов и восклицаний, организующих все части проповеди, значительно менее выдержана синтаксическая стройность (в частности, периодически встречаются инверсии),

меньше синтаксических параллелизмов; и во-вторых, проповедь сложнее и в содержательном и композиционном плане — в частности, здесь больше сопоставлений с библейскими сюжетами и поэтому гораздо больше отступлений от «магистральной» линии проповеди — линии эпитафия. Кроме того, в этой проповеди встречаются характерные для начала XVIII века стилистические смещения. Говоря о петровских заслугах, в частности об основании новой столицы, автор пишет: «Аще мы умолчим, камение возопиют, домик ПЕТРА Великаго засвидетельствует, сколько он положил здесь трудов и потов на создание сего града» (с. 9). Стоящие рядом предложения («камение возопиют» и «домик Петра Великаго засвидетельствует») стилистически противостоят друг другу. Еще один пример — приводимое нами выше описание разговора Елизаветы с солдатами, в котором фраза «знаете ли, ребята, кто я?» стилистически противопоставлена речи автора и большей части речи самой Елизаветы и солдат. Важный фактор, влияющий на ясность стиля, — соотношение церковнославянизмов и русизмов в языке проповеди. Церковнославянских элементов в проповеди архиепископа Амвросия несколько больше, чем у Гедеоны Криновского. Характерный пример их маркированного использования — похвала императрице в конце проповеди, напоминающая по своему строению церковный акафист: «Предстает ныне пред лице ТВОЕГО Величества вся Россия, и под ноги ТВОИ победительныя с глубочайшим смирением упадая, всеподданнейшее приносит благодарение, купно же и Иудифины похвалы ТЕБЕ восписуя глаголет: ТЫ еси похвала России, ТЫ веселие отечества нашего, Ты честь людей наших, ТЫ сотворила зело мужески, яко рука Господня укрепи ТЯ, и будещи благословенна во веки» (с. 15–16).

2.5. «Слово в день рождения Елисаветы Первья» архимандрита Кирилла (Флоринского)

Еще одно слово, посвященное дню рождения императорской особы, — «Слово в день рождения Елисаветы Первья» знаменитого проповедника елизаветинской эпохи архимандрита Кирилла (Флоринского). Этот панегирик был произнесен 18 декабря 1741 года в Успенском соборе в Москве — в тот же день, что и слово Амвросия (Юшкевича) в придворной церкви в Санкт-Петербурге (в обоих словах информация о дате произнесения содержится в заголовке на титульном листе издания). Известно, что 18 декабря 1741 года Елизавета была в Петербурге (в Москву, где должна была состоять-

ся коронация, она выехала 23 февраля 1742 года), поэтому слово Кирилла Флоринского произносилось без нее. Интересно, что, несмотря на это, в этом слове присутствуют «обращения» к императрице.

Рассмотрим подробнее проповедь архимандрита Кирилла. Она состоит из двух частей (вступительной и основной), каждая из которых открывается эпитафием из Псалтири «СИЛЬНО НА ЗЕМЛИ БУДЕТ СЕМЯ ЕГО» (Пс. 111, 2). Как кажется на первый взгляд, этот эпитафий имеет непосредственное отношение к царскому роду, «избранному семени», однако в контексте псалма эта строка имеет несколько иное, обобщающее значение. В русском переводе начало псалма следующее: «Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди его. Сильно будет на земле семя его; род правых благословится» (Пс. 111, 1–2).

Интересно самое начало проповеди. Оно сильно отличается от других рассмотренных нами проповедей, в которых автор непосредственно в начале формулировал свою основную, развивающуюся в дальнейшем мысль о божественном промысле. Ср. а) начало проповеди Гедеоны Криновского (после эпитафия «В руце Господни власть земли, и потребнаго воздвигнет во время на ней»): «Ныне-то исполнилось сие премудраго сына Сирахова слово, слышатели благочестивии!»⁷⁵; б) начало проповеди Амвросия (Юшкевича): «Отец наш есть Бог премилосердый, и ведает совершенно, чего мы требуем»⁷⁶. В отличие от этих примеров, Кирилл Флоринский начинает свою проповедь длинным периодом в духе схоластической риторики Стефана Яворского: «Якоже подражатели натуры Живописцы, хитростию своею краски смешивая, телес чувствуемых кистью образы пишут и, на единой картине различныя наводя шары, разноличная естества изображают, например, Человека, всяко животное, поля, горы, равнины и юдоли; текущие воды, дубравы, травы, древесая; на древах листвия, цветы и плоды; грады, палаты, брани и рати, Героев, воинства, копия, щиты, шлемы, изощренныя мечи; оружейные машины; победителей и побеждаемых, гонящих и убегающих; секущих и секомых, стоящих и падающих; воплощих и немощствующих, узвляемых и чермныя крове потоки; Царей и простолюдинов; Царский престол и на нем Царя сидяща, а варвара

⁷⁵ Гедeon (Криновский), еп. Собрание разных поучительных слов... Т. 1. С. 264.

⁷⁶ Амвросий (Юшкевич), архиеп. Слово в высочайший день рождения императрицы Елисаветы Петровны. С. 3.

на подножии стенища; сокращенно сказать, вся, яже очима видят, руководством своей науки начертавают, прикрашивают и оживляют»⁷⁷. Далее автор уподобляет этим живописцам святых, а в особенности «Скиптродержавного Псалмографа Давида», который изображает различные явления при помощи слова. Кирилл Флоринский делает акцент на противопоставлении, которое красной нитью проходит через всю Псалтырь, — противопоставление блаженного (праведного) и нечестивого мужа. Рассмотрев несколько псалмов (Пс. 1, 9, 10, 14, 36, 91, 100), в которых так или иначе раскрывается эта тема, автор восклицает: «О пречудный живописче Давиде! Чудные краски твои! <...> Воистину бо живо изобразил еси праведна и нечестива» (с. 4). Особенно пристально автор рассматривает 111 псалом, в котором содержится пророчество о «Великом муже и семени его» и который является прекрасным подтверждением того события, которое является предметом проповеди. Только в конце третьей страницы, после обширных отступлений, автор наконец обращается к предмету своего повествования — «в сей день прозябе в свет Российский, по Прародителем от Царских, по Родителем же от чресл ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИКАЯ ПРАВОВЕРНАЯ ЕЛИСАВЕТ» (с. 5). Автор переносит царствование Елизаветы Петровны на ситуацию, описанную в псалме Давида, он повторяет эпитафию и проецирует его содержание на современность: Великий муж — это Петр, а Елизавета — Великая Дщерь, «семя», в которой «оживотворяются» Петр и Екатерина. Но этим не исчерпываются аналогии автора. В последней строке первой части проповеди автор обращается ко Христу: «Ты семя Авраамле и Давидово, богочеловече Христе, отверзи уши наши слышати, очи видети, сердце разумети» (с. 6). В этом обращении тема «сеятель — семя» получает поистине вселенское звучание, так как даже богочеловек Христос был семенем Авраама и Давида. Таким образом, невольно выстраивается параллель «Петр — Елизавета», «Авраам/Давид — Христос».

Вторая (основная) часть слова начинается с вновь повторяемого эпитафия, оформленного как заголовок (после отступа по центру страницы). После этого следует достаточно подробный анализ возможных толкований ключевого образа проповеди — «семени». С точки зрения натуральной философии, пишет автор, «семя есть

⁷⁷ Кирилл (Флоринский), архим. Слово в день рождения государыни Елисаветы Первья. СПб., 1741. С. 3. — Далее в п. 2.5 при цитировании этого издания страницы указываются в тексте в скобках.

всякой раждаемой вещи первейший состав» (с. 6); у этого слова есть и непрямой, мистический смысл: по словам Кирилла Флоринского, «семя духа». В Священном писании и святоотеческой литературе «семенем обыкоша нарицати не еже по натуре, но еже из союза и содружества веры и добродетелей раждаемо бывает»; апостол Петр называет семенем «послушание до смерти крестныя, кропление крове и воскресение от мертвых Христова», а также употребляет это слово в значении «истинной живой веры»; кроме того, как замечает автор, понятие «семя» тесно связано с темой божественного промысла и предопределения — «всяк рожденный человек от священного слова семя нарецися может» (с. 10). В качестве примера этого последнего толкования автор приводит обещание, данное Богом Давиду: «и будет, егда скончуются дние твои и уснеши с отцы твоими, и поставлю семя твое по тебе, иже будет от чрева твоего, и уготоваю Царство его. Аз буду ему во Отца, и той будет ми в сына» (с. 10). И далее Кирилл Флоринский снова употребляет характерный для него прием аналогии, уподобления; он говорит, что ничто не возбраняет применить этот исторический пример к современным реалиям и предположить, что с точно с такими же словами, как к Давиду, Бог мог обратиться и к Петру Великому. Более того, автор даже логически пытается обосновать это свое предположение: «Употребить сего нам в пример отнюдь ничто не возбраняет: ибо в очесех наших сия Богом уже содеяшася, и живая в нас история, зане видим семя ПЕТРОВО — истинно благочестивую ЕЛИСАВЕТ, скипетр, державу и престол ВЕЛИКАГО ПЕТРА, Отца своего и нашего, наследствующую» (с. 10). Подобный прием аналогии использует Кирилл Флоринский и далее, анализируя смысл известной евангельской притчи о сеятеле, проецирует ее содержание на реальные исторические события: «Сеявый в нас доброе семя есть ПЕТР ВЕЛИКИЙ, село есть Россия, доброе семя — сынове Российскаго Отечества верни, паче же всех по превосходству и по преимуществу Дщерь Царска и Императорска ЕЛИСАВЕТ, наследница престола ПЕТРОВА. А плевелы под видом токмо сынове отечества вещью же порождения Эхиднина, изрыгающие утробу матери своея России, да чужестранцы, пришлецы, ПЕТРОМ насеянных в России расхитители, правоверия ругатели <...>» (с. 12). Еще одна аналогия — сравнение семени Петра с зерном горчичным, которое, по словам евангелиста Марка, «когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укры-

ваться птицы небесные» (Мк. 4, 31–32). В Евангелии горчичное зерно является образом Царствия небесного: «Чему уподобим Царствие Божие? Или какую притчею изобразим его? Оно — как зерно горчичное...» (Мк. 4, 30–31). Таким образом, у Кирилла Флоринского можно усмотреть соотнесение Царствия небесного с Российской империей, а Петра — с Богом⁷⁸.

Еще один важный образ, возникающий в проповеди Кирилла Флоринского, — образ сна, в котором пребывала Россия после смерти Петра Великого. И сейчас, когда «семя Петрово проросло», «оживотворился ПЕТР» и проснулась вся Россия. Далее автор подробно перечисляет заслуги Петра, но делает это в необычной форме — в виде прямой речи Елизаветы. К этой прямой речи, состоящей из нескольких анафорически начинающихся (словами «Не мой ли Отец») риторических вопросов, автор дает лишь один короткий комментарий (нечто вроде авторской ремарки в драме: «ЕЛИСАВЕТ ВЕЛИКАЯ нас о Отце истории учит» — с. 15). Постепенно прямая речь переходит в несобственно-прямую, и анафоры, начинающие характеристики Петра («Не мой ли Отец»), уже следуют вообще без слов автора. Автор появляется только после того, как все основные заслуги Петра перечислены: «Истинна вся суть сия, о Бога и Святых любящая Матерь наша! Твой Отец насаил их же семя сильно и плодито» (с. 16).

Традиционным в церковных словах, посвященных Елизавете, является оппозиция «прошлое — настоящее», и Кирилл Флоринский не отходит от этой традиции. Он со всей силой своего обличения обрушивается на Остермана и Миниха, сравнивая их с «эмиссариями дьявольскими» и с языческими богами Дием (Зевсом) и Гермием (Гермесом), которые «в России были кумиры златые <...> но уже сокрушишася о камень ПЕТРОВ» (с. 19–20). Кирилл Флоринский находит в Библии еще одну историю, «соответствующую» истории временного отстранения Елизаветы от престола, — историю царя Иоаса, который скрывался в течение шести лет от Гофолии, истребившей в борьбе за власть весь царский род, но потом все же занял

⁷⁸ Аналогии и сравнения можно найти почти на каждой странице проповеди, и они касаются не только евангельских сопоставлений. В частности, есть сопоставления исторические: судьба Елизаветы сравнивается с историей греческой царевны Пульхерии, сестры императора Феодосия, которая «хитрокозненным коварством от соцарствования братня разлучена и в диаконисы посвященна быть имеше» (с. 17).

полагавшийся ему по праву царский трон (4 Царств. 11). Описав воцарение Иоаса, автор восклицает: «О Россияне, дремавшие доселе, не в наш ли век содеяся сия история?» (с. 20).

Как и Амвросий Юшкевич, Кирилл Флоринский обращается к календарным сопоставлениям: он вспоминает день восшествия на престол Елизаветы Петровны — 25 ноября. Автор пишет: «Не Священномученика ли Петра Александрийскаго в двадесять пятый день Ноемврия день память совершаем? Ему же в темнице виден Господь Иисус Христос, оболчен в хитон бел, но раздран сверху яже до низу, его же обема рукама на персях стискаая, и свою наготу покрывая, вопрошающе ПЕТРУ: Кто ти Спасе ризу раздра, благоизволи сице отвечати: Арий безумный раздра ми ризу, яко раздели от мене люди моя, иже стяжал кровию моею: не приемли того в сообщение правоверных» (с. 21). Смысл этого «совпадения» в том, что Елизавета Петровна предстает не только как законная наследница русского престола, но и как защитница истинной православной веры от еретиков аннинского времени, от протестантов Остермана и Миниха (их образы на протяжении проповеди несколько раз соотносятся с образом еретика Ария).

В самом конце проповеди, после похвалы императрице, Кирилл Флоринский вновь обращается к центральной теме своего произведения. Давая наставление императрице, он вновь подчеркивает прямое ее происхождение от Петра Великого и надеется на успех царствования Елизаветы, «обратися бо Империя Российская и бысть паки семени ПЕТРОВУ» (с. 22).

Как и в предыдущих примерах, в проповеди Кирилла Флоринского мало метафор, организующую роль играет синтаксический уровень — сравнения, сопоставления, риторические вопросы и восклицания, анафоры. Однако стилистически (как, впрочем, и тематически) проповедь Кирилла Флоринского значительно сложнее, чем обе предыдущие рассмотренные нами проповеди. Во-первых, по сравнению с другими рассмотренными нами панегириками, проповедь Кирилла Флоринского отличается большим числом цитат (данных с отсылками, помещенными в отдельном столбце параллельно основному тексту), причем не только из Священного писания Ветхого и Нового завета, но и святоотеческой литературы (в частности, из бесед Иоанна Златоуста). Усложненность создается также тем, что в проповеди достаточно сильно проявляет себя схоластическая традиция ораторского искусства — это и стилистические смешения (например, в ряде однородных членов: «экспе-

римент натуральный, добрая совесть, а паче в блаженных мужех Дух Святой живущий, свидетельствуют <...> — с. 5), и многочисленные инверсии, и запутанный латинизированный синтаксис (например: «уверовати Бога глаголавшего Петру Великому еще живу сице» — с. 10), и причудливые сравнения, сопоставления и аналогии (например, весьма произвольные примеры с семенем — см. выше). Как отмечала А. С. Елеонская, в слове Кирилла Флоринского, где применяется символично-аллегорический способ изображения действительности, отчетливо видна ориентация на барочную проповедь⁷⁹.

Язык проповеди архимандрита Кирилла содержит довольно много церковнославянизмов и является, по терминологии В. М. Живо́ва, гибридным церковнославянским⁸⁰.

2.6. «Слово в день коронования Екатерины Алексеевны» архимандрита Гавриила (Петрова-Шапошникова)

В 1761 году, когда было написано «Слово», Гавриил (Петров-Шапошников) был ректором Московской духовной академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря. В 1763 году он стал епископом Тверским. В 1765 году уполномочен быть депутатом от духовенства в Комиссии по сочинению нового Уложения, в 1769 — член Священного Синода. С 1770 года он архиепископ Санкт-Петербургский, а с 1775 — и Новгородский. В 1783 году был пожалован в митрополиты и послужил в этом сане вплоть до 1799 года, когда был отставлен за отказ принять мальтийский крест. Известность Гавриила в обществе основана была на его речах и проповедях, которые в большинстве своем остались неизданными. Русские писатели ценили талант митрополита Гавриила и дорожили его обществом. В частности, А. П. Сумароков в статье «О Российском Духовном красноречии» так отзываясь о его литературных трудах: «Гавриил, Архиепископ Петербургский, есть больше сочинитель разумнейших философских диссертаций, нежели публичных слов. Красота плавного и важного его склада приносит ему пред всем просвещенным светом достойную любезного имени его похвалу. Гавриил подобен реке, без шума наполняющей берега свои, и порядочным течением не выходящей никогда из границ своих»⁸¹. В

⁷⁹ См.: Елеонская А. С. Русская ораторская проза... С. 222.

⁸⁰ См.: Живо́в В. М. Язык и культура в России XVIII века. С. 377–402.

⁸¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. Ч. 6. С. 281–282.

своих проповедях митрополит Гавриил, по выражению Сумарокова, «пленяет разум»⁸².

«Слово в день коронования Екатерины Алексеевны» архимандрита Гавриила посвящено коронации императрицы Екатерины, которая состоялась в Москве 22 сентября 1762 года.

Перед эпитафией, которым начинается слово архимандрита Гавриила, автор проповеди поместил краткую молитву, которая традиционно произносится священнослужителем перед началом проповеди: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Аминь» (это символически указывает на то, что произносимое священником с амвона — выражение Божьей воли, а не его собственной).

Следующий непосредственно за молитвой эпитафией напрямую связан с событием, которому посвящено произведение: «Царя чтите, сие бо есть угодно пред Богом». Сделаем одно небольшое отступление в связи с этим эпитафией. После него, как обычно, стоит отсылка к источнику (1 Петр. 2. 17), указывающая на то, что текст эпитафии взят из Первого соборного послания апостола Петра. Однако если мы откроем источник, мы обнаружим, что текст эпитафии взят не из одного (семнадцатого) стиха второй главы послания, а из двух (семнадцатого и девятнадцатого). Приведем три стиха апостольского послания полностью:

«17 Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, **царя чтите.**

18 Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым.

19 **Ибо то угодно (Богу)**, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Петр. 2. 17–19).

Видно, что текст эпитафии составлен Гавриилом из двух частей различных стихов послания, и смысл исходного текста несколько искажается, поскольку теряется контекст фразы. Гавриил произвольно разрушает синтаксическую структуру предложений, делая главное предложение «ибо то угодно Богу», от которого зависит последующее придаточное, само придаточным и присоединяя его к другому предложению. Как видно, смысл данного библейского отрывка в том, что Богу угодно, чтобы человек, даже несправедливо страдая от власть имущих, со смирением переносил скорби и почитал власть имущих (в том числе и царя), а вовсе не в том, что нужно чтить царя, потому что это угодно Богу. Эпитафия искусственно «сконструирована» специально для того случая, по поводу ко-

⁸² Там же. С. 283.

торого сочинено «Слово», и особенности панегирического дискурса исключали возможность полностью взять оригинальный текст послания. Этот пример свидетельствует о довольно свободном обращении проповедников XVIII века с текстом Священного писания, если этого требовала «ситуация проповеди»⁸³.

Проповедь архимандрита Гавриила состоит из вступления и основной части, граница между частями — повтор эпитафия.

В первом же предложении вступления в максимально «общем виде» — в виде своеобразного естественнонаучного и философского рассуждения — появляется традиционная для проповеди тема божественного промысла: «Естьли сей свет сам собою нам доказывает, что он от Премудраго Творца произведен, то человеку благоразумному не остается сомнения ни малаго в том, что все твари к известному концу созданы, и ни одной нет, которая б без всякаго намерения была произведена <...> Тяжелыя вещи обыкновенно стремятся к низу, легкия тяжестию воздуха подымаются в верхъ; огонь согревает, сожигает, растопляет; вода прохладжает, мочит; плодови́тыя древа всякое по своему роду произносит плоды, а бесплодныя покрываются только листьями»⁸⁴. Понимать божественный промысел, согласно архимандриту Гавриилу, — это высший смысл существования разумного человека: «На что разум, когда не к чему человеку себя клонить и править? На что воля, когда нечего избирать? На что чувства, когда нечего понимать? И самой разум нас к тому ведет, и Священное Писание открывает, что Всевышний человека <...> к тому создал, чтоб он, имея разум, понимал Его Святую Волю, и свою свободу на то определял, что Богу угодно» (с. 3). Одно из проявлений божественного промысла — наличие в обществе государственной и церковной иерархии: «Святая Всевышняго судьба <...> премудро устроила инаго в свете Государем, инаго подданным, инаго Пастырем, инаго пасомым» (с. 4).

Основная часть проповеди Гавриила строится как разъяснение эпитафия, раскрытие его смысла на примере конкретного факта российской истории. Снова в церковном панегирике мы видим, что

⁸³ В данном случае «ситуация проповеди» особенно требовала подобного эпитафия, поскольку слово написано в 1761 году и по сути нацелено на оправдание узурпации императорской власти Екатериной.

⁸⁴ *Гавриил (Петров-Шатошников), архим.* Слово в высокотожественный день коронования императрицы Екатерины Алексеевны. М., 1763. С. 3. — Далее в п. 2.6 при цитировании этого издания страницы указываются в тексте в скобках.

конкретный факт, конкретное событие осмысливается как иллюстрация, пример некоей высшей закономерности, определяемой божественным промыслом. Эпитаф несколько раз повторяется в тексте проповеди, и главная тема напрямую связывается с темой промысла Божьего: «Когда я рассуждаю о предписанном нам почтении Государей, то во-первых, мне на мысль приходит оное Божие благоволение, по которому все Цари от Бога поставляются в свете» (с. 4), — пишет автор, интерпретируя библейские слова. По мысли автора, царь есть орудие Божие на земле: «Бог Промысел Свой над нами, хотя часто не посредственно сам оказывает, но особливо как бы средство некоторое в правлении государства употребляет Царей» (с. 4).

Как и в предыдущих рассмотренных нами примерах, здесь имеются отсылки к примерам из Ветхого завета: «*Ввышний владеет царством человеческим*»⁸⁵; но, для исполнения Своей Святой воли и пречудных советов особливых избирает людей, *ему же хочет дает е*. Не он ли помазал Давида меньшаго всех братьев? Не Он ли избрал на царство Соломона? Не Его ль Промыслом возведен Езекия? В какой опасности находилось потомство Охозиино? Не ко всеконечному ли уже пресечению все племя Царское готовилось? Но Бог соблюл избранного им Иоаса. Священное Писание такими примерами преисполнено. Свыше дается всякому власть Царская, *несть власть, аще не от Бога*» (с. 4).

В проповеди Гавриила отчетливо выдержан традиционный переход от «общего» к «конкретному» — от исторических примеров и формулировок неких общих закономерностей к основному предмету проповеди, к императрице Екатерине: «В ветхом завете были Цари истиннаго благочестия рачители. Но по неверию Иудейскому в пришедшаго искупителя, то царство пресеклось. Были таковыя ж Цари Греческия, но и их, по неведомым нам Божиим судьбам, царство престало. Ныне обойдем мыслию нашею целой свет, инде владетели во всеконечном неверии, инде ересьми заражены. Одна только как крин между всеми благочестием процветает несравненная МОНАРХИЯ наша» (с. 6). Императрица выступает не только как хорошая правительница, но и как единственный во всем мире оплот истинной веры⁸⁶.

⁸⁵ Здесь и далее — курсив автора, обозначающий цитаты из библейских книг.

⁸⁶ Очевидна здесь аналогия со знаменитой теорией старца Филофея «Москва — третий Рим».

Почитание императрицы является своего рода общественной обязанностью каждого гражданина — эта мысль в проповеди формулируется с помощью многочисленных обращений к России, к «сынам Российским» и т. д. «Бог определил над нами царствовать благочестивейшую нашу Монархиню; он узаконил и почтение к Онаой» (с. 7) — таков главный вывод проповеди Гавриила.

С точки зрения стиля, отличительной чертой проповеди архимандрита Гавриила является обилие анафорических конструкций, например: «Сколько б в окрестных народах изобилие и богатство какого либо общества зделало зависти? Сколько властолюбие воздвигло б врагов жаждущих одного плена и порабощения? Сколько от разногласия произошло б вражды и всеконечного разрушения?» (с. 5) В проповеди также часто используется синтаксический параллелизм: «Бог избирает на сие великое достоинство, для отвращения горестных приключений, людей прозорливых; для защищения от врагов, людей мужественных; для приведения общества в порядок, людей премудрых; для призрения и благодетельствования, людей милосердых» (с. 5). Кроме того, в слове архимандрита Гавриила встречаются риторические вопросы и риторические восклицания, которые часто появляются в тексте вместе, образуя своеобразные «скопления». Ср.: «Сей испытуай сердца и утробы обещания наша знает, но исполнения не видя, не осудит ли нас? не отмстит ли нам? Ужаснитесь! Страшно есть впасти в руки Бога жива» (с. 8).

2.7. «Слово в день тезоименитства вел. кн. Павла Петровича» митрополита Платона (Левшина)

Московский митрополит Платон (Левшин) (1737–1812) — самый знаменитый проповедник эпохи Екатерины II, Павла I и начала царствования Александра I. Гомилетики называют его представителем нравственно-практического направления в русской проповеди того времени⁸⁷. Протоиерей Георгий Флоровский отмечал ярко выраженную просветительскую направленность проповедей митрополита Платона: «В проповедях Платона очень живо чувствуется вся искренность и напряженность его личного теплого благочестия. В искусственных формах красноречия все же чувствуется упругость воли и убеждения <...> Платон был не столько оратором,

⁸⁷ См., например: *Ветелев А., проф.-прот., Марк (Лозинский), проф.-игум.* Указ. соч. С. 82.

сколько именно учителем, — о просвещении думал он больше и прежде, чем о красноречии <...> У него есть твердая воля убедить и просветить, отсюда выразительность и ясность его речи»⁸⁸. С другой стороны, в его проповедях исследователи обнаруживают определенную преемственность по отношению к барочной традиции панегирической проповеди елизаветинской эпохи⁸⁹. В. П. Зубов писал: «Платон был прирожденным придворным проповедником. Он впитал весь дух придворного панегиризма и весь поверхностный мифологизм придворного стиля»⁹⁰.

Платон, окончивший Московскую Академию, был взят в учителя риторики в Троицкую семинарию. Когда иеромонах Платон был ректором Троицкой семинарии, его заметила императрица Екатерина и поручила ему обучение Закону Божию наследника престола. Императрица, которая очень ценила его ораторский талант, говорила: «Отец Платон делает из нас все, что хочет — хочет он, чтобы мы плакали — мы плачем...»⁹¹. А. В. Карташев так писал о фигуре митрополита Платона: «После „птенцов гнезда Петрова“, в числе коих был и Феофан Прокопович, не было еще, да и не могло явиться на церковной кафедре около трона подобного же по свободе слова и орлиному парению мысли, оратора, как Платон»⁹².

Рассмотрим одну из проповедей митрополита Платона — «Слово в день тезоименитства вел. кн. Павла Петровича». Слово было произнесено 29 июня 1764 года, в день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла, и сочетает в себе тематику праздника и событие царского дня.

Название слова — «Слово в день тезоименитства» — позволяет считать его примером панегирика, посвященного царскому дню. Однако реальное соотношение панегирического и дидактического в этой проповеди довольно необычно: вспоминает автор о «виновнике торжества» лишь в самом конце проповеди — о нем идет речь

⁸⁸ *Флоровский Г., прот.* Указ. соч. С. 110–111.

⁸⁹ *Зубов В. П.* Указ. соч. С. 91.

⁹⁰ Там же. С. 96.

⁹¹ *Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 452.

⁹² Там же. С. 492. — В подтверждение своих слов А. В. Карташев отмечает знаменитую речь митрополита Платона, сказанную на придворном благодарственном молебне по поводу Чесменского боя в Петропавловском соборе, когда Платон подошел к гробнице Петра Великого и обратился к нему, как к живому, с патетическим обращением: «Но встань теперь, Великий Монарх, отечества нашего отец! Восстань и воззри на любезное изобретение твое!..» (Там же. С. 493).

только в последних двух абзацах, из которых собственно похвала (обязательная часть панегирика) составляет всего один абзац. Причин такого строения слова, вероятно, несколько: с одной стороны, это особенность индивидуальной манеры митрополита Платона, отмеченная отцом Георгием Флоровским; с другой стороны, как кажется, имеет значение, что речь обращена не к царствующему императору, а к наследнику престола⁹³, которому было всего 10 лет (Павел I родился в 1754 году).

Отгалкиваясь от празднуемого события (дня первоверховных апостолов Петра и Павла), автор выбирает эпиграф из Евангелия от Матфея: «Дам тебе ключи царства небесного» (Мф. 16, 19). Митрополит Платон особо подчеркивает, что эпиграф взят из евангельского чтения службы праздника: «Нынешнее Евангелие в уши всякому из нас велегласно вопиет: „дам тебе, дам тебе ключи царства небесного“» (с. 97). Таким образом, слово Платона Левшина выполняет основную, исконную функцию церковной проповеди — комментарий к прочитанному за литургией евангельскому отрывку.

Автор строит проповедь как комментарий к эпиграфу, обобщая и расширяя смысл этой цитаты. Первое предложение проповеди дает понять слушателям, что избранный в качестве эпиграфа стих из Евангелия имеет отношение к каждому из них: «Стоящим нам в храме сем милосердая Божия рука подает невидимо ключи, которыми могли бы себе отворить врата небесныя, и взойти в храм вечнаго блаженства» (с. 97). Далее образ «ключей» объясняется более конкретно: «Под именем ключей разумеется власть вязать и решить» (с. 97). И эта власть, по словам митрополита Платона, дана, во-первых, Церкви (право крестить, отпускать грехи, отлучать от Церкви), а во-вторых, — государям. Они «ключем решения отверзают <...> подданным своим благополучия храм, и правительства своего трудами приобретают нам вождеденный покой», и они обладают «ключом вязания», которым «отсекаются гнилые члены о здраваго общеста тела, и сим ключем связывается своеволие развращенных нравов» (с. 99).

⁹³ Слово содержит специальное упоминание о том, что Павел присутствовал при произнесении проповеди, — «Сказано в Царском Селе, в присутствии Его Императорского Высочества, 1764 г., июня, 29 дня» (*Платон (Левшин), митр.* Полн. собр. соч. Платона (Левшина), митрополита Московского: В 2 т. Т. 1. М., 1913. С. 97. — Далее в п. 2.7 при цитировании «Слова» страницы данного издания указываются в тексте в скобках).

Как и в проповеди архимандрита Гавриила, у митрополита Платона встречается очень важная для XVIII века мысль о том, что государь имеет прямое отношение не только к светской власти и управлению государством, но и к церковным и духовным вопросам: «Государям Бог вручил не токмо ключи царства земнаго, но и царства небеснаго: ибо государи, как о спокойном врученных себе пребывании, так и не меньше и о вечном их спасении попечение иметь должны. Они своим высоким примером вдыхают всем любовь к благочестию, *снабжают церковь достойными пастырями* [курсив наш. — Е. М.], распоряжают и щедро содержат училища к просвещению всех познанием спасительныя истины, и тем отворяют нем двери к блаженству вечному» (с. 100).

Эта мысль отражала реальное положение вещей с церковным управлением всего Синодального периода, когда император или императрица (!) фактически оказывались главой Церкви. Вот что писал по этому поводу В. М. Живов: «Хотя Петр не присваивает себе титула главы церкви, но не подлежащим сомнению образом апроприрует этот статус, причем не только практически <...> но и символически, как об этом ясно свидетельствует присяга членов Синода <...> Единожды узурпировав власть патриарха и истребив те знаки патриаршей власти, которые могли бы сделать восстановление патриаршества осуществлением сохраненного символического потенциала, Петр придал реставрации канонического порядка (избранию патриарха) новую значимость. Для будущих поколений любая попытка реставрации оказывалась равносильной покушению на ограничение самодержавной власти императора»⁹⁴. Как отмечает Живов на основании анализа соответствующих источников, сам Петр не называл себя главой церкви, хотя фактически уже управлял ею; по мере роста сакрализации монарха российские императоры и императрицы начинают так себя называть (впервые — Екатерина II в частной переписке, а в 1797 году Павел I узаконивает этот титул в Акте о престолонаследии)⁹⁵.

После упоминания о «полномочиях» государей митрополит Платон, естественно, обращает внимание на царствующую императрицу Екатерину II, которой возносит похвалу, а затем вновь возвращается к теме, заявленной в самом начале проповеди («ключей», которыми обладает каждый человек), и произносит поуче-

⁹⁴ Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого... С. 58–59.

⁹⁵ Успенский Б. А., Живов В. М. Указ. соч. С. 154.

ние: «Дал же Господь Бог и всякому человеку ключи, ключ вязать самого себя, и ключ решить: чрез сие разумею я свободу человеческую <...> Когда, смущаемые страстями, предпочитаем мы худое добруму: тогда сами себя связываем; развязываем же самих себя, когда охотно пленяемся красотой добродетели» (с. 100). На этом проповедь можно было бы и закончить, но вдруг автор вспоминает о наследнике и почти механически присоединяет к слову еще два заключительных абзаца. Вот начало первого: «Рассуждая о разных ключах и о тех, кому они поручены, не слышим ли мы, что наипаче Тебе, пресветлейший Государь Наследник, дражайший наш именинник, наипаче Тебе Божественный глас вопиет: „дам тебе ключи царства небеснаго“!» (с. 101). И далее автор, используя несобственно-прямую речь, приводит этот «Божественный глас»: «О, дар вождь денный и достойный Твоих высоких дарований! дам ключи, с которыми, при руководстве дражайшей Родительницы Твоей, Всеагустейшей Монархини Нашей, взойдешь в храм премудрости, и отверзешь сокровища учений; дам ключи, которыми уготоваешь себе невозбранный вход в сердца всех; дам ключи, которыми откроешь неиспытанныя Таин Божиих судьбы; дам ключи, которыми во оное время отверзешь России врата к славе <...>» (с. 101). После этого краткой похвалой и призывом к наследнику благодарить Бога проповедь заканчивается.

Таким образом, видно, что в этой проповеди Платона (Левшина) панегирический элемент почти вытесняется дидактическим и философским содержанием. По-видимому, на такое содержание слова наложил отпечаток, в частности, тот факт, что Платон был учителем Закона Божия цесаревича Павла Петровича⁹⁶, и поэтому отношения «учитель — ученик» могли вступать в конфликт с традиционной панегирической сакрализацией.

Не исключено, что тенденция к вытеснению панегирического начала дидактическим свойственна в целом проповедям митрополита Платона, однако это, безусловно, требует проверки на более широком материале.

2.8. Выводы

Рассмотрение пяти панегирических проповедей середины XVIII века отчетливо демонстрирует, что, несмотря на особенности

⁹⁶ Кукушкина Е. Д., Лихоткин Г. А. Левшин Петр Георгиевич // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 2. С. 201.

индивидуальной манеры проповедников, церковный панегирик обладал некими константными признаками. Попытаемся выделить эти признаки.

1. Проповедь (в частности, панегирическая), как уже отмечалось, имеет двойственную природу и содержит черты и устного и письменного текста одновременно. Признаками письменного текста в наших примерах можно считать эпиграф, а также точные отсылки к источникам цитат. На устный характер проповеди указывают как лексические особенности (в названиях слов или сборников и в самом тексте — обращения к слушателям), так и — косвенно — некоторые грамматические формы, в частности глаголы 2-го лица единственного числа настоящего времени и повелительного наклонения. Ср., например, формы глагола в слове Амвросия Юшкевича: «Но *обратися* [курсив везде наш. — Е. М.] еще на воинство Российское и *рассмотри* его искусство, *испытай* мужество, *приникни* в его силу, всему свету удивительную и ужасную, *спроси* ж, от кого оно ныне то имеет, чего прежде и не видало? <...> И тут *познаешь*, кто был ПЕТР, кто была и пособствовавшая ему во всем ЕКАТЕРИНА»⁹⁷.

2. Анализ форм глаголов и местоимений, встречающихся в рассмотренных нами проповедях, позволяет поднять вопрос о субъектной структуре панегирической проповеди. Она оказывается чрезвычайно разнообразной. Автор проповеди может выступать от лица «я» и от лица «мы» (последнее используется значительно чаще), он может обращаться к слушателям («вы»), к России («ты»), к Богу («Ты»), к императрице («Ты» или «Вы» — обращение, которое используется только в официальном титуле). Об императорской особе речь может вестись как в 3-м лице, так и в 1-м (в прямой или несобственно-прямой речи).

3. С точки зрения стиля, во всех рассмотренных нами примерах неизменно сохраняется одна общая особенность: незначительное число тропов и обилие синтаксических фигур речи. Усложненность текстов проповеди на синтаксическом уровне оказывается значительно большей, чем на словесном.

4. Рассмотренные панегирические проповеди обладают рядом общих черт на тематическом уровне. При этом одни темы, как кажется, характерны для жанра проповеди в целом — прежде всего это тема промысла Божьего, «мотив инварианта» (рассматриваемое

⁹⁷ Амвросий (Юшкевич), архиеп. Указ. соч. С. 8.

событие воспринимается как частный случай какой-то закономерности), идеализация и сакрализация образа монарха, поиски проповедниками различных исторических и календарных соответствий, а также элементы дидактики, которые неизбежно присутствуют в рассмотренных нами церковных панегириках, обусловлены, как отмечалось выше, самой телеологией церковной проповеди и за счет которых в некоторых случаях панегирический элемент редуцируется до минимума (как, например, в проповеди Платона Левшина). Другие общие для некоторых из рассматриваемых проповедей темы в той или иной степени отражают историческую эпоху — елизаветинское время (тема легитимности правления Елизаветы Петровны, оппозиция «было — стало» и др.) или вообще весь Синодальный период (образ императора — главы Церкви).

Интересно, что общими для разных проповедей оказываются не только темы и мотивы, но и целые сюжетно-композиционные ходы (эпиграф, «драматургические» элементы, несобственно-прямая речь и др.). Неотъемлемой частью каждой проповеди являются целые эпизоды, заимствованные из Священного писания⁹⁸, и во всех рассмотренных нами проповедях они играют одну и ту же роль — роль иллюстраций, доказывающих истинность мыслей проповедника и включающих описываемые события в цепь Священной истории. Композиционно эти «примеры» предшествуют той части слова, в которой речь идет о России, и в проповеди всегда присутствует особый переход от «предыстории» к «истории». Ср. «простые переходы» у Гедеоны Криновского («Теперь уже к тебе я обращаюсь, о Россия!»⁹⁹) и у Амвросия Юшкевича («Но на что нам ходить далече, и искать образцов и примеров промысла Божия?»¹⁰⁰). Более сложный тип перехода от библейской истории к современности встречается в проповеди Кирилла Флоринского. Он состоит в буквальном перенесении на исторические события XVIII века притчи о сеятеле.

⁹⁸ Это обстоятельство важно, кстати, для характеристики языка проповеди; как отмечает В. М. Живов, «в проповеди постоянно встречаются цитаты из Св. Писания, которое приводится по каноническому церковнославянскому тексту; в русскоязычную проповедь это привносит момент двуязычия <...> Цитаты представляют собой элемент чужого текста и не определяют характер языка текста авторского» (*Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века*. С. 394).

⁹⁹ *Гедедон (Криновский), еп.* Собрание разных поучительных слов... Т. 1. С. 269.

¹⁰⁰ *Амвросий (Юшкевич), архиеп.* Указ. соч. С. 5.

Говоря о тематике, нельзя не отметить и еще одну важную черту панегирических проповедей — их публицистичность. Недаром три из пяти рассмотренных нами текстов связаны с важными политическими событиями: слова Амвросия (Юшкевича) и Кирилла (Флоринского) произнесены в первый год царствования Елизаветы Петровны, меньше чем через месяц после дворцового переворота; с дворцовым переворотом связано и слово Гавриила (Петрова-Шапошникова) 1761 года, которое по сути представляет собой оправдание преступления Екатерины II.

5. С точки зрения композиции, рассмотренные нами слова строятся по образцу хрии (сложного аргумента, положение которого развернуто и обосновано рядом доводов, обеспечивающих защиту положения от возможных возражений). Из пяти панегириков слово Гедеоны Криновского максимально соответствует той структуре хрии, которая описана М. В. Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию»: «Хрия состоит из осьми частей, которые суть: 1) приступ, 2) парафразис, 3) причина, 4) противное, 5) подобие, 6) пример, 7) свидетельство, 8) заключение. В первой части похвален или описан быть должен тот, кто оную речь сказал или дело сделал, что соединяется с темою хрии. Во второй изъясняется предложенная тема чрез распространение. В третьей присовокупляется довольная к доказательству темы причина. В четвертой предлагается противное, то есть, что предложенному в теме учению в противность бывает, тому противное действие последует. Пятую часть составляет подобие, которым тема изъясняется, купно и подтверждается. Шестая часть доказывает примером историческим. Седьмая утверждает мнением или учением древних авторов, которое сходствует с предложенною темою. Осьмая часть содержит в себе краткое увещательное заключение всего слова»¹⁰¹.

В первом же предложении проповеди Гедеоны (непосредственно после эпиграфа) декларируется основная мысль («приступ»): «Ныне-то исполнилось сие премудраго сына Сирахова слово, слышатели благочестивии!» Далее тема разворачивается более подробно в виде ряда риторических вопросов («парафразис») и формулируется «причина»: Бог даровал России императрицу, «которой <...> необходимо время сие требовало»¹⁰². Эта же причина в обобщенном виде предстает как некий закон («Хочет ли Он возвысить и

¹⁰¹ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 296–297.

¹⁰² С. 265–266.

прославить какое государство, дает ему Царей крепких и непобедимых»¹⁰³), и этот закон имеет «обратную сторону» («противное»): «Хочет ли <...> понизить за гордость или другой какой грех, тоежде дает <...> Царей немощных и боязливых»¹⁰⁴. Далее, опуская «подобие», Гедеон переходит к «примерам» и «свидетельствам» и приводит многочисленные исторические примеры (из древней истории, в частности описанной в книгах Ветхого завета), которые доказывают основную мысль его проповеди. И, наконец, словами «Теперь уже к тебе я обращаюсь, о Россия!»¹⁰⁵ начинается заключительная (довольно обширная) часть проповеди.

Другие рассмотренные нами слова композиционно несколько сложнее, чем слово Гедеона. Количество элементов хрии и последовательность их расположения в этих произведениях неодинаковы¹⁰⁶, и, помимо хрии, в данных проповедях можно обнаружить другие приемы «расположения». Так, например, слово Амвросия Юшкевича начинается классическим силлогизмом с двумя посылками (1-я — «Отец наш есть Бог премилосердый», 2-я — «Может ли отец <...> запомнить о детях своих, и не помиловать их?») и выводом («Бог всемогущий <...> всегда о человеке промышляет»¹⁰⁷).

б. Кроме всего вышперечисленного, в композиционно-сюжетном отношении выделяется еще одна важная общая особенность рассмотренных церковных панегириков — повторение и даже «нагнетание» одних и тех же сюжетных витков, подобно тому, как это происходит в кумулятивной сказке. О типе кумулятивного сюжета писал В. Я. Пропп: «Основной композиционный приём кумулятивных сказок состоит в каком-то многократном, всё нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким обра-

¹⁰³ Гедеон (*Криновский*), еп. Собрание разных поучительных слов... Т. 1. С. 266.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 269.

¹⁰⁶ Впрочем, это также вполне соответствовало теории. Ср. у Ломоносова: «Хрия разделяется еще на полную и неполную, на порядочную и непорядочную. Полною называется та, которая все семь частей имеет; неполная — которая некоторых частей в себе не имеет. Порядочная хрия называется, когда в ней части по предписанному порядку расположены, а непорядочная, когда части не так одна за другой следуют, как выше показано. Сие отъятие и смешение имеет место только в средних частях, а первая и последняя оным не подвержены, для того что приступ и заключение хрии ни в иных местах положены, ни от ней отделены быть не могут» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 298).

¹⁰⁷ *Амвросий (Юшкевич)*, архиеп. Указ. соч. С. 3.

зом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке»¹⁰⁸. Нечто похожее обнаруживается и в проповеди. В рассмотренных нами примерах часто встречаются случаи, когда отправной точкой («приступом» в терминологии Ломоносова) для рассуждений проповедника является декларация некоей мысли, которая затем развивается, но через некоторое время вместо какой-то новой мысли (вывода) вновь повторяется мысль исходная. Вот один такой пример из проповеди Кирилла Флоринского. В конце вступительной части он формулирует важную мысль: «<...> пишуца Образ Отца Великаго в том же да усматриваете и Дщерь Великую. А егда услышите о Великой Дщере, тогда да разумевайте оживотворяющася ПЕТРА ВЕЛИКАГО и ЕКАТЕРИНУ в ЕЛИСАВЕТЕ»¹⁰⁹. И эта же мысль через несколько страниц снова формулируется, но уже как итог, вывод: «Возведи, о Россие, очи твои и виждь! Се аз Семя Отца Твоего ПЕТРА Великаго седох на престоле твоём. Се во мне оживотворися ПЕТР, жива бысть ЕКАТЕРИНА»¹¹⁰. Подобные повторы «затормаживают» сюжет ораторского произведения, делая его статичным и сводя всю проповедь к нескольким идеям, которые несколько раз повторяются в течение проповеди, причем иногда эти ключевые идеи формулируются теми же словами (к такого рода повторам, кстати, примыкают и отмеченные нами в нескольких проповедях повторы эпиграфов). Эта особенность церковных панегириков удивительно напоминает выявленные Н. Ю. Алексеевой особенности торжественных од XVIII века: «В конце оды наше знание об изображаемом в ней предмете не больше, чем в начале. Одописец с самого начала, уже после приступа, заявляет основные свои „представления“, а дальше по-разному их обыгрывает, не добавляя к ним никакого нового знания»¹¹¹. В проповеди, конечно, не совсем так: несмотря на то, что самая важная ее мысль сформулирована в самом начале в виде эпиграфа, в ней все же есть некое сюжетное развитие, некая логически выстроенная последовательность мотивов, аргументов и идей (см. п. 3). Содержание проповеди, в отличие от содержания оды, легче пересказать. Панегирический «восторг» лишь в определенные моменты прорывается в ре-

¹⁰⁸ *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 293.

¹⁰⁹ *Кирилл (Флоринский)*, архим. Указ. соч. С. 5–6.

¹¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹¹ *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 200.

чи проповедника: в проповеди он не играет той организующей роли, какую он играет в торжественной оде. Но, по сути, церковный панегирик, так же, как и ода, «не знает развития мысли»¹¹², и заключительный вывод оказывается тем же, что и первоначальная посылка.

Глава 3

СВЕТСКИЙ ПРОЗАИЧЕСКИЙ ПАНЕГИРИК СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

3.1. Светская ораторская проза в литературе русского Средневековья и раннего Нового времени

В существующей научной литературе, в которой затрагиваются проблемы русской ораторской прозы XVIII века, встречается ошибочное мнение о том, что создателем русской светской ораторской прозы был М. В. Ломоносов. Так, например, П. Н. Берков писал: «Ломоносову принадлежит честь создания ораторского искусства, точнее, русского светского ораторского искусства»¹. Между тем, если проследить историю развития русской ораторской прозы, то окажется, что еще в литературе древней Руси (в XII веке) существовала светская ораторская проза — ораторские произведения, написанные светскими лицами. Один из крупнейших исследователей древнерусской литературы И. П. Еремин писал: «„Золотой век“ древнерусского красноречия — XII век, уже в XIII–XIV вв. этот род литературы приходит в упадок <...> В XI–XII вв. перед нами иная картина: красноречие занимает одно из первых мест в литературе; ораторские жанры — ведущие жанры в литературном обиходе; полной жизнью живет и развивается красноречие не только церковное, но и светское»². Далее И. П. Еремин приводит традиционную классификацию ораторских произведений: «Все дошедшие до нас памятники *церковного и светского* [курсив наш. — Е. М.] красноречия Киевской Руси по содержанию своему и по форме четко делятся на два разряда: памятники красноречия *дидактического* и памятники красноре-

¹ Берков П. Н. М. В. Ломоносов об ораторском искусстве // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956. С. 71.

² Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 65.

¹¹² Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 201.

чия <...> *эпидиктического* (торжественного)³ (произведения первого типа традиционно назывались «беседами» или «поучениями», для текстов второго типа использовался термин «слово»). Однако, рассматривая конкретные примеры древнерусского ораторского искусства, И. П. Еремин не упоминает ни об одном примере светского эпидиктического красноречия; примеры ораторских произведений, написанных светскими людьми, содержатся только в разделе, посвященном красноречию дидактическому (например, «Поучение» Владимира Мономаха). С большой долей вероятности можно предположить, что светских торжественных слов в древнерусской литературе не было — светская ораторская проза существовала еще в древнерусской литературе как проза дидактическая, а торжественное красноречие имело только одну разновидность — церковную.

Качественно новый период развития русской литературы, существенным образом повлиявший на развитие светского красноречия XVIII столетия, — это вторая половина XVII века, эпоха, которую Л. И. Сазонова назвала «ранним Новым временем». В это время (а также в петровскую эпоху) получает развитие придворная литература и различные панегирические жанры (прозаические, поэтические и даже драматические)⁴. Характеризуя эту эпоху, Л. И. Сазонова писала: «Господствующий в придворной литературе стиль барокко был призван придать большую пышность и видимость величия российскому абсолютизму. Между политической идеологией и культурой устанавливается прямая связь, в наиболее очевидной форме проявившаяся в придворном церемониале»⁵. С придворным церемониалом были связаны и похвальные слова XVII — начала XVIII века, несмотря на обилие «светских» тем, существовавшие в форме церковной проповеди и произносившиеся духовными лицами. Но в петровскую эпоху появляется совершенно новое в русской культуре явление — гражданский панегирик. В уже упоминавшейся нами работе Б. А. Успенского и В. М. Живова описаны те качественные изменения, которые происходят в панегирической литературе петровской эпохи: «В петровское царствование панегирическая литература переносится из дворца, где она была достоянием

³ Там же. С. 65–66.

⁴ См: Сазонова Л. И. Литературная культура России: Раннее Новое время. М., 2006. С. 363–518; Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 5–38.

⁵ Сазонова Л. И. Указ. соч. С. 364–365.

узкого придворного круга, на площадь и становится важнейшим элементом идеологического перевоспитания общества. Литература при этом органически соединяется со зрелищем (триумфом, фейерверком, маскарадом и т. п.), задача которого — подчеркнуть неограниченный характер самодержавной власти. Подобные торжества <...> являются необходимой частью культурного строительства новой императорской России, повторяясь из года в год в течение всего XVIII в., — панегирическое действо становится государственным мероприятием <...> Возвеличивание монарха осуществляется при этом прежде всего за счет религиозных моментов, возносятся императора над людьми, панегиристы ставят его рядом с Богом. Эти религиозные моменты могут отсылать как к христианской, так и античной традиции, которые здесь свободно сочетаются, подчиняясь законам многоплановости, присущей вообще барочной культуре. <...> Панегирические торжества, таким образом, не должны поэтому иметь никакого сходства с церковными обрядами, для которых чужда игра смыслами и которые предполагают тем самым прямое, а не метафорическое понимание. <...> Таким образом, создается особый гражданский культ монарха, вписывающийся в барочную культуру»⁶. Б. А. Успенский и В. М. Живов рассматривают один из любопытнейших примеров панегирических торжеств петровского времени — триумфальный въезд Петра в Москву в 1704 году по случаю завоевания Ливонии — и анализируют описание этого триумфа, составленное префектом московской Славяно-греко-латинской академии Иосифом Туробойским. Автор описания «специально объясняет, что данная церемония не имеет религиозного значения, а есть особое гражданское торжество: „<...> сия не суть храм, или церковь во имя некоего от святых созданная, но политическая, сиесть гражданская похвала труждающимся о целости отечества своего“»⁷. В отличие от своего современника Феофана Прокоповича, который просто переносит в проповедь «светскую» тематику, Иосиф Туробойский обосновывает необходимость особого типа панегирика — светского панегирика (в форме триумфа). Интересно, что обоснование необходимости такого панегирика принадлежит духовному лицу (Иосиф Туробойский был монахом, в 1708 году он стал архимандритом Симонова монастыря).

⁶ Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 174–175.

⁷ Там же. С. 175.

В XVII веке и в петровскую эпоху, несмотря на бурное развитие различных жанров панегирической литературы, светское торжественное слово так и не появляется. Светский панегирик в форме торжественного слова — это, безусловно, открытие середины XVIII века. Но совершил это открытие вовсе не М. В. Ломоносов, как полагал П. Н. Берков. Перед нами очередной пример присвоения Ломоносову «наград» за заслуги В. К. Третьяковского. Первым из известных прозаических панегириков, написанных светским лицом, является незаслуженно оставленный без внимания многими исследователями русской ораторской прозы XVIII века панегирик В. К. Третьяковского — «Панегирик или Слово похвальное Всемилостивейшей Государыне Императрице Самодержице Всероссийской Анне Иоанновне чрез всеподданнейшего Ея Величества раба Василья Третьяковского сочиненное, и Ея Императорскому Величеству в день Тезоименитства Ея поднесенное февраля в 3 день 1732 года. Ныне же повелением Ея Императорского Величества напечатанное в Санктпетербургской Типографии Академии Наук». С этого слова мы и начнем анализ светских панегириков середины XVIII века. Помимо слова Третьяковского, мы рассмотрим по одному ораторскому произведению М. В. Ломоносова, Н. Н. Поповского и А. П. Сумарокова. Выбор авторов обусловлен следующими обстоятельствами: Третьяковский интересен как основатель светского панегирика, Ломоносов — как создатель «канонического» панегирика, Поповский — как продолжатель «магистральной» ломоносовской линии, Сумароков — как писатель, в ораторской прозе которого происходят качественные деформации торжественного слова.

3.2. «Панегирик или Слово похвальное Анне Иоанновне» В. К. Третьяковского

Панегирик Анне Иоанновне был написан Третьяковским по случаю переезда императрицы вместе со своим двором из Москвы в Петербург. В 1732 году слово и ряд сопровождающих его текстов были опубликованы отдельным изданием. В книгу вошло посвящение императрице, само слово, три стихотворных панегирика («Стихи всемилостивейшей государыне императрице самодержице все-российской Анне Иоанновне по слову похвальном»; «Эпиграмма, произнесенная пред ее императорским величеством, когда впервые сподобился я быть допущен до священнейшей ее императорского величества руки» и «Стихи ее высочеству государыне царевне

и великой княжне Екатерине Иоанновне, герцогине Маклембург-Шверингской, для благополучного ее прибытия в Санкт-Петербург, сочиненные и ее высочеству поднесенные»), а также «Речь поздравительная Ея Императорскому Величеству по благополучному Ея прибытию в Санктпетербург».

Посвящение (аналог эпитафии), предшествующее панегирику, представляет собой цитату из «Энеиды» Вергилия: «Честь, Имя и Хвалы Твоя жить будут вечно». Характерно, что для светского панегирика эпитафия выбирается также из светского произведения — библейский контекст, характерный для церковной проповеди, сменяется контекстом античности.

Панегирик Третьяковского строится как обращение к Анне Иоанновне, причем обращает на себя внимание чередование местоимений «ты» и «Вы» (последнее используется, как и в проповедях, только в титуле императрицы). Ср. самое начало слова: «Когда первое лице твое, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА, САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ, сподобился я видеть, и припадая к стопам ВЕЛИЧЕСТВА ВАШЕГО должность всеподданнейшего раба пред тобою учинить, тогда всемилостивейше повелеть мне изволила, чтоб каковое нибудь слово я сочинил. Исполняя оное ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА повеление изложил я слово, но слово похвалы ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА гласящее»⁸.

Формулировка заголовка панегирика Третьяковского («Слово <...> Ея Императорскому Величеству в день Тезоименитства Ея поднесенное»), а также отсутствие в тексте обращений к слушающей аудитории позволяет предположить, что, вопреки мнению Е. А. Погосян⁹, это слово не произносилось — оно было императрице поднесено. С. И. Панов и А. М. Ранчин одним из факторов, различающих торжественные слова и торжественные оды, считают обстоятельства их презентации: оды подносились и читались «про себя», а торжественные слова произносились вслух перед аудиторией¹⁰. На примере слова Третьяковского видно, что это не всегда так. О

⁸ Третьяковский В. К. Панегирик или Слово похвальное Анне Иоанновне. СПб., 1732. С. 1. — Далее в п. 3.2 при цитировании этого издания страницы указываются в тексте в скобках.

⁹ См.: Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. С. 38.

¹⁰ См.: Панов С. И., Ранчин А. М. Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 176–177.

том, что само «Слово похвальное» не произносилось, свидетельствует и тот факт, что в издание 1732 года включена специальная «Речь поздравительная», которая точно была произнесена перед императрицей. Информация об этом содержится в самом тексте речи: «Хотя ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и один токмо *произношу* [курсив наш. — Е. М.] теперь пред вами слово; но, без сомнения, всех горячая желания и радости полная сердца приношу ВЕЛИЧЕСТВУ» (с. 16). Как видно, в произнесенной речи Третьяковский использует местоимение «вы» в обычном обращении к императрице (не в официальном титуле), и это является еще одним важным фактором, разграничивающим поднесенное «слово похвальное» и произнесенную «речь поздравительную». Получается, что обратиться к императрице на «ты» Третьяковский мог себе позволить только в письменном тексте (прозаическом или поэтическом — в стихотворных панегириках также можно обнаружить местоимение «Ты»), а в устном прямом обращении он считал правильным использовать этикетное «вы».

Третьяковский указывает на причину, побудившую его написать панегирик, — это заказ самой императрицы. Поэтому императрица Анна Иоанновна является единственным адресатом слова, мы не найдем никаких обращений ни к слушателям, ни к России. Но все-таки определенное «расширение» субъекта высказывания в слове присутствует. Третьяковский «говорит» не для какой-то аудитории, но от имени этой «аудитории». Еще одно «смещение» местоимений — «я» и «мы». В начале слова Третьяковский употребляет местоимение «я», апеллируя к своему личному опыту и лично от себя обращаясь к императрице (в основном «я» используется, когда в слове затрагивается тема создания панегиристом своего собственного текста или когда имеют место рассуждения о панегирике вообще). В середине слова Третьяковский переходит на «мы», показывая, что то, о чем говорится в панегирике, есть не только его личная точка зрения. Это позволяет автору выйти за рамки частного личного высказывания.

Слово Третьяковского состоит из четырех частей, которые графически отделены друг от друга, — вступления, двух частей и заключения.

Во вступлении автор раскрывает обстоятельства написания слова и, ссылаясь на собственное достоинство, отмечает, что этот панегирик поднесен «не от Сената и благородных, не от главных над Клиром и над Войском, но от последнего ВЕЛИЧЕСТВУ ВА-

ШЕГО всеподданейшаго» (с. 2). В этой фразе Третьяковского можно видеть противопоставление им своего слова традиционным словам-проповедям, произносимым церковными иерархами («главными над Клиром»). В отличие от панегирической проповеди, перед нами панегирик нового типа — слово простого подданного императрицы.

Далее Третьяковский помещает довольно пространное рассуждение о смысле похвалы императрицы. Похвала — это неотъемлемая часть жизни царствующей особы. «От всех похвалами возносьма быть долженствуешь» (с. 2). При этом неоднократно в слове встречается мотив обожествления монархини, она достойна «не человеческих, но небесных хвал» (с. 7), поскольку «сродное Богу на земли носит Имя» (с. 11). С этим связана еще одна мысль Третьяковского — о невозможности «адекватной» похвалы: «И хотя б кто премудрейший был, но похвалить достойно тебе не может» (с. 2). С другой стороны, подчеркивается и человеческая природа императрицы, которой тяжело переносить постоянные похвалы: «Знаю, что ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО не толь о том радуется, коль то сносит: понеже тяжко есть мерности твоей, что повсюду имя твое хвалами возносится» (с. 2).

Третьяковский довольно-таки схематично делит сам панегирик на две части, и в тексте оговорены принципы этого деления: в первой части показывается, что императрица «внешними дарованиями изящна», во второй — что «внутренними еще изящнейша» (с. 3).

Начинает панегирик Третьяковский с похвалы предков Анны Иоанновны — царя Алексея Михайловича, отца императрицы Иоанна Алексеевича, «котораго доброта всему свету известна», и, конечно, императора Петра, «делом и словом Великаго» (с. 4). Говоря о внешнем облике Анны, Третьяковский пишет: «Бог <...> главу тебе дал достойную венца, руце достойныя Скиптра, всего тела стан достойный Порфиры» (с. 4). Автор ссылается на два «мнения» — придворное (цитирует стихи, написанные для иллюминации по случаю вшествия императрицы в Санкт-Петербург: «О живописцы! искусством твоим неподражаема есть АННА; // Хочешь ли подобную изобразить Анне? То изобрази богиню» — с. 5) и народное (автору не раз приходилось слышать высказывания простых людей: «То то есть прямая царица! То то бодрая императрица!» — с. 5). Ссылка на народное мнение в панегирике не случайна. Е. А. Погосян, рассматривая примеры развития темы народа в оде, писала, что идея «гласа народа» как «гласа Божия» была универсальной и фундаменталь-

ной для эпохи¹¹. Подчеркивая внешние достоинства императрицы Анны, Тредиаковский явно приукрашивает реальность — известно, что Анна Иоанновна была малопривлекательна¹². Это типичный пример характерных для панегирика «готовых представлений» о действительности, панегирик «изображает предмет не таким, каким он видится несовершенному глазу, а исходя из высшего о нем знания»¹³.

В конце первой части панегирика Тредиаковский переходит к характеристике заслуг императрицы Анны. Это сопровождается переходом к местоимению «мы», и спокойная интонация сменяется взволнованной: «Обретаю и в августейшем Имени ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА промысл Божий ко благополучию Российскому, ибо благодать знаменующее, не кому иному, как всем нам многи благодати принесло. Кто печаль нашу на радость преложила, когда лишились мы младаго Монарха в цвете своая жизни с горестию от нас отъятого? Самодержица АННА <...> Кто мир и тишину ныне нам даровала? Все сие Самодержица АННА. О Имене достойнаго Самодержицы Всероссийския! И Самодержицы Всероссийския достойныя Имене!» (с. 6) Характерно, что в панегирике Тредиаковского 1732 года уже появляется традиционный для ломоносовских од и торжественных слов топос «мира и тишины».

Вторая часть панегирика, посвященная «внутренним дарованиям» (добродетелям) императрицы, начинается с «недоумения»: «Не знаю, которую должно положить в начале, не знаю, которою окончить долженствую. Все вижду равны, все велики, все высоки, все тебе врожденны» (с. 8). Переходя к характеристике добродетелей императрицы Анны, автор использует часто встречающийся в одах Ломоносова мотив: императрицу хвалит весь народ, все сословия и чины Российского государства: «Славятся тобою нищие, славятся тобою богати, славятся простии, славятся Князи; прославляют ту Церкви, Монастыри, прославляет и духовный Чин» (с. 8).

Крайняя степень похвалы в панегириках середины XVIII века — это уподобление царствующей особы Петру Великому. Использует этот прием и Тредиаковский: перечислив ряд конкретных заслуг

¹¹ См.: *Погосян Е. А.* Указ. соч. С. 21.

¹² См., например: *Порфирьева А. Л.* Анна Иоанновна // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2003. С. 62.

¹³ *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 189.

Анны Иоанновны (учреждение «кадетской Академии», «исправление монет», содержание Академии наук, покровительство купечеству), он обращается к нравственным достоинствам императрицы и восклицает: «Великодушие и бодрость равна твоя есть Петровой <...> Петра Великаго в тебе самой видим» (с. 8–9). Тредиаковский делает акцент на милосердии, которое оказывается более действенным, чем суровость: «Пороки и зломыслия злобных нимало надлежащею суровостию, но единою милостию твоею искореняются и истребляются» (с. 9). При этом милосердие и мягкость императрицы сочетаются с решительностью, которую она проявляет в необходимых ситуациях. Вспоминая условия вступления Анны на престол (после коронации Анна публично разорвала «кондиции», ограничивавшие ее власть), автор выражает свою позицию по вопросу об ограничении самодержавия: «Помазании елеем царствования, елеем радости, никогда прикосновении быть не могут» (с. 10).

В церковных проповедях мы видели, что большую роль играют «актуальные» исторические (как правило, библейские) примеры, которые проповедники используют в качестве аргументов. Тредиаковский, наоборот, отталкивается от этой традиции «уподобления»: «Баснь онья Пандоры почтенныя от богов всеми дарами, тем наипаче презираем, что истинную тебе Пандору всеми дарованиями и добродетельми внешними и внутренними возвеличенную почитаем. Перестали уже мы удивляться гисторическим оним Царицам Семирамиде и Темириде; изящнейшу тебе несравненно ИМПЕРАТРИЦУ прославляем и имеем, АННО!» (с. 11).

В заключении вновь появляется тема «адекватной» похвалы, автор сетует на невозможность в слове выразить благодарение, равное благодеяниям императрицы: «Но понеже скоро преходящей речи невозможно все твое благолепотнейших похвал достойное долгопамятствию оставить, то дела твоя самыя и высокия учреждениа изряднейше проповедят» (с. 11). Слово Тредиаковского заканчивается сходным с церковным панегириком образом — автор призывает вознести молитвы за императрицу: «Возблагодарим ВЕЛИЧЕСТВУ ВАШЕМУ не толь словами, коль почтением, коль радостию, коль удивлением, коль любовию, коль верностию, коль послушанием, коль всякородными благожеланиями, коль молитвами, которые припадше на колена всяк день за распространение и целость всяя сея Империи, за здравие и спасение всяя Императорския Вашей Фамилии Всевышшему благих всех подателю БОГУ от всего нашего пролием сердца» (с. 12).

3.3. «Слово похвальное Елисавете Петровне» М. В. Ломоносова

В творчестве М. В. Ломоносова ораторская проза занимает важнейшее место; с 1749 по 1764 год им написано восемь ораторских слов:

— два похвальных слова (панегирика): «Слово похвальное Елисавете Петровне» (1749) и «Слово похвальное Петру Великому» (1755),

— четыре академических речи научной тематики: «Слово о пользе химии» (1751), «Слово о явлениях воздушных» (1753), «Слово о происхождении света» (1756), «Слово о рождении металлов» (1757) — и

— два благодарственных слова: «Слово благодарственное Елисавете Петровне на торжественной инаугурации Санктпетбургского университета говоренное» (1760), «Слово благодарственное на освящение Академии художеств» (1764).

История создания первого ораторского произведения Ломоносова — «Слова похвального Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне» — хорошо известна. Согласно регламенту Академии наук 1747 года каждый год в Академии должно было происходить три публичных ассамблеи. Однако только в январе 1749 года появилось распоряжение президента Академии наук К. Г. Разумовского об организации первой такой ассамблеи, которая приурочивалась ко дню именин императрицы Елизаветы Петровны и назначалась на 6 сентября 1749 года Г. Ф. Миллеру поручалось прочитать на ассамблее «сочинение об ученой материи», а Ломоносову — похвальную речь императрице. Речь Ломоносова была уже напечатана в Академической типографии, когда неожиданно было принято решение перенести ассамблею на конец ноября и приурочить ее к годовщине восшествия императрицы на престол. В связи с этим Ломоносову пришлось внести в свое слово ряд незначительных изменений (в том числе изменить и название). 26 ноября Ломоносов выступил на ассамблее с речью, и Разумовский преподнес ее печатный вариант императрице. Успех этого первого ораторского произведения Ломоносова был огромен: при жизни писателя оно издавалось еще четыре раза (1749, 1751, 1755, 1758 годы)¹⁴. По словам митрополита Евгения (Болховитинова),

¹⁴ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959. С. 954–956.

ва), ломоносовское похвальное слово Елисавете Петровне «было таким примером панегирического красноречия, с которым тогда нечего было россиянам сравнивать или, по крайней мере, нечего было предпочесть ему»¹⁵.

Как и рассматриваемые нами в главе 2 проповеди, ораторские слова Ломоносова, как правило, произносились вслух и поэтому ориентированы на прямое общение с аудиторией¹⁶. Так, например, полное название интересующего нас слова Ломоносова звучит так: «Слово Похвальное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Ноября 25 дня, который празднован в Императорской Академии Наук публичным собранием Ноября 26 дня 1749 года, говоренное [курсив наш. — Е. М.] Михайлом Ломоносовым»¹⁷. Точно так же, как в церковной проповеди, у Ломоносова можно обнаружить обращения к слушающей публике (первое же предложение слова содержит обращение «слушатели»).

В начале панегирика содержится описание воображаемого видения с «высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространного Ея Владычества...»; автор сразу же делает масштаб своего повествования поистине грандиозным: он мысленно «взлетает» над огромным пространством Российской империи, и с высоты «птичьего полета» ему открывается удивительное зрелище: в городах, в селах, при морях, на реках, в полях, на горах и на холмах «разные обитатели разными образами, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся» (с. 236). Здесь сразу же бросается в глаза наличие устойчивых общих мест ломоносовской торжественной оды — взгляд с высоты («парение»), изображение пространства с идеальной высоты, позволяющей увидеть многообразие российского ландшафта, «веселие народа», описание торжествующих людей разных сословий (описывается «чин священный», Российское воинство, градоначальники и граждане, земледельцы). Но, несмотря на эти

¹⁵ Евгений (Болховитинов), митр. Словарь русских светских писателей, отечественников и чужестранцев, писавших в России: В 2 т. Т. 2. М., 1845. С. 20.

¹⁶ См.: Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова и русская ораторская проза переходного времени // Ломоносов и русская литература. С. 126.

¹⁷ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 235. — Далее в п. 3.3 при цитировании «Слова» страницы данного издания указываются в тексте в скобках.

повторяющиеся общие места, нельзя не заметить и существенной разницы, которая обнаруживается при сравнении торжественной оды и торжественного слова.

Н. Ю. Алексеева так охарактеризовала основу внутренней формы торжественной оды: «Исступление, энтузиазм, восторг организуют пиндарическую оду, являясь ее внутренней формой <...> В этом состоянии поэт видит „умными очами“, „мысленным взором“ недоступное простому глазу. Восторгаясь духом в наднебесье, он парит и смотрит на все с идеальной высоты <...> Мысленному взору поэта открывается весь мир в его настоящем, прошлом и будущем, во всей его огромности и безбрежности. Это определяет пространство изображенного в оде мира: моря, горы, полюса, части света, огромная Россия — все доступно взору поэта и дано в едином фокусе его мысленного зрения»¹⁸.

В качестве иллюстрации к этому высказыванию приведем начало знаменитой ломоносовской «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» 1746 года:

На верьх Парнасских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают Муз собор.
Меня не жажда струй прозрачных,
Но шум приятный в рощах зланных
Поспешно радостна влечет:
Там холмы и древа взывают
И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться,
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает

¹⁸ Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 192. — Исследователи давно обратили внимание на то, что этот прием «взгляда сверху» характерен для произведений древнерусской литературы и использовался, в частности, в летописях (см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 346–347).

И в красны лики созывает
Спасенный днесь российский род¹⁹.

Восторг, «парение», мысленный взор поэта, который охватывает громадное пространство, — все это здесь поэтическая реальность, такая реальность, которую «видит» одописец. Начало «Слова похвального Елисавете Петровне» отчетливо демонстрирует разницу между Ломоносовым-одописцем и Ломоносовым-оратором: «Если бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в которой под благословенною державою всемилостивейшия Государыни наша покойщиеся многочисленныя народы торжествуют и веселятся о преславном Ея на Всероссийский престол восшествии, возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространнаго Ея Владычества <...> коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось!» (с. 235–236). Можно увидеть сразу два принципиальных различия. Первое касается субъектной структуры: в оде использовано местоимение «я», в слове — местоимение «мы», в оде повествователь описывает *свой* восторг, в слове автор предлагает «воспарить» слушателям. Вообще, в тексте слова встречаются оба местоимения, но местоимение «я» используется Ломоносовым только в тех случаях, когда речь идет о нем самом как о создателе слова (т. е. имеет место авторская рефлексия)²⁰. Второе отличие слова от оды заключается в следующем. В отличие от оды, в торжественном слове восторг описан как предполагаемое условие (использовано сослагательное наклонение глаголов), здесь оратор отталкивается от реальности «настоящей», от ситуации произнесения своего текста перед слушателями (это подчеркивается и наличием самого слова «слушатели»). Поэтому оратор более рассудочен и «осторожен» с одическим восторгом, чем одописец²¹. Он не

¹⁹ Ломоносов М. В. Стихотворения. Л., 1954. С. 100.

²⁰ Впрочем, в этом случае может использоваться также и местоимение «мы». Например, в последнем предложении идет речь об основной цели написанного (произнесенного) панегирика — «искреннюю ревность и рабскую ревность нашу Величеству Твоему <...> засвидетельствовать» (с. 256). Здесь Ломоносов использует местоимение «мы», в финале слова, очевидно, желая подчеркнуть, что в панегирике выражена не исключительно его точка зрения, а точка зрения «корпорации» (Академии наук) или — шире — всего российского народа.

²¹ В этой связи интересны выводы, сделанные С. И. Пановым и А. М. Ранчинным: «Поэтическое парение в оде заменяет принципы логической организации

сразу «обрушивается» на читателя (в широком смысле слова), как, например, в ломоносовской «Оде на взятие Хотина» («Восторг внезапный ум пленил...»), а постепенно как бы готовит его к переходу в иную, художественную, реальность. Второе предложение «Слова похвального» осуществляет этот переход: «Коль многообразными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градех крепче миром, нежели стенами огражденных, в селах, плодородием благословенных, при морях, от военной бури и шума свободных, на реках, избытком протекающих между веселящимися брегами, в полях, довольством и безопасностью украшенных, на горах, верьхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах, радостию препоясанных, разные обитатели разными образы, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся» (с. 236). В пределах этого предложения сослагательное наклонение глагола сменяется изъявительным, и больше частица «бы» не появляется в тексте слова. Даже когда Ломоносов вновь упоминает о «мысленном взоре», предполагаемость действия уже не подчеркивается, например: «Часто мысленный взор наш, обозрев разные торжеств образы, благословенное Ея владение в день сей украшающее, на пресветлое Ея лице обращается и рассеянный повсюду увеселения на нем едином находит» (с. 237). Однако напоминание о ситуации произнесения слова в Академии наук несколько раз появляется в тексте панегирика (например, автор упоминает «сие [курсив наш. — Е. М.], для распространения наук в России Петром Великим установленное общество» — с. 237).

речи похвального слова, которые во многом основаны на умозаключениях и силлогизмах и допускают даже очень рассудочные конструкции: „Следовательно, похвалия Петра, похвалим Елисавету“ <...> Большая рассудочность построения похвальных слов отразилась и в различиях пространственно-временной организации панегириков и од. Хотя парящий взгляд „сверху“ характеризует и панегирики и оды <...> однако пространство в ломоносовских похвальных словах локализовано в пределах России и пограничных государств <...> Смещение его с пространством мифологическим или условно-поэтическим исключается <...> Большая рассудочность построения речи похвального слова обусловила отличие панегирика от оды в самом характере их образности. Персонификации, метафоры панегирика можно условно назвать риторическими образами: они не содержат какой-либо информации, которую нельзя было бы выразить в лишенном образов тексте» (Панов С. И., Ранчин А. М. Указ. соч. С. 178–179).

В прозаическом панегирике Ломоносов пытается «аналитически» объяснить природу своего восторга, установить соотношение между реальностью поэтической и реальностью «настоящей», объяснить сам переход к «парению». Ср.: «Но, хотя естественны пределы сил человеческих не позволяют радостному взору нашему до толикаго возвышения достигнуть и толиким зрением насладиться, однако духом возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаем и всеобщия увеселения повсюду видим умными очами» (с. 237). Как видно, у Ломоносова нет того самоуничижения, которое мы видели у Третьяковского, — наоборот, он открыто говорит об источнике своего панегирического восторга — своей духовной способности «воспарить», которая существует, вопреки ограниченности человеческих сил. В отличие от Третьяковского, Ломоносов обретает уверенность в себе из самой избранной им темы: «Велико дело и меру моего разума превосходящее предприемлю, когда <...> величайшей не свете Государыне благодарение и похвалу приносить начинаю. Но, рассудив прилежно, обретаю оное легко и способно, ибо где обильнейшую материю сыскать красноречие, где обширнее распространиться разум, где быстрее устремиться искренняя ревность может, как в преславных добродетелях толь великия Монархини?» (с. 238).

Кратко перечисляя в самом начале слова достоинства императрицы, Ломоносов, как и Третьяковский, обращает внимание на гармонию внешнего и внутреннего в ее образе: обратившись к ее «пресветлому лицу», мы видим «истинное благочестие», «мужественную бодрость», «кроткое правосудие», «прозорливую премудрость», «сладчайшия уста <...> повелевающия <...> ободрить начинающия науки, не щадя своих иждивений» (с. 238). Последнее достоинство императрицы подводит к одной из главных тем «Слова похвального» и всей ораторской прозы Ломоносова — к теме науки. Исследователи уже давно обратили внимание на соотношенность каждого ломоносовского слова (в том числе и панегириков) с научной сферой²². Тема науки, заявленная в самом начале «Слова похвального», получает развитие в заключительной части, где Ломоносов, описывая роль каждой науки (астрономии, физики, географии, истории, стихотворства, философии, химии, механики, математики), доказывает, что «нет ни единого места в просвещенной Петром России, где бы плодов своих не могли принести науки;

²² См.: Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова... С. 135.

нет ни единого человека, который бы не мог себе ожидать от них пользы» (с. 252). Как отмечает А. С. Елеонская, «из средства панегирического изображения они [науки. — Е. М.] сами становятся объектом похвалы»²³.

После обширной экспозиции Ломоносов переходит собственно к основному предмету речи — к похвале императрицы. Причем похвала осуществляется не прямо, а «через благодарение». В огромном предложении-периоде череда благодарностей за конкретные благодеяния сопровождается перечислением «добродетельных свойств» «великой Монархини»: «Не снисканием многословного мыслей распространения увеличено, не витиеватым сложением замыслов или пестрым предложением речений украшено, ниже риторским парением возвышено будет мое слово, но все свое пространство и величество от несравненных свойств Монархини наша, всю свою красоту от прекрасных Ея добродетелей и все свое возвышение от устремления к Ней искрення ревности примет, ибо приносится благодарение Государыне благочестивейшей — свидетельствуют созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощения, молебства и трудные путешествия благоговения ради; приносится Государыне мужественной — свидетельствуют над внутренними и внешними врагами Ея славные победы; приносится благодарение Государыне великодушной — свидетельствуют прощенные преступления внутренних и продерзости внешних неприятелей и кроткое наказание Ея злодеев; приносится благодарение Государыне премудрой — свидетельствуют прозорливо предприемлемыя учреждения, внутреннее и внешнее спокойство утверждающия; приносится благодарение Государыне человеколюбивой — свидетельствует матернее к подданным Ея снисходительство и возлюбленная к ним кротость; приносится благодарение Государыне милосердой — свидетельствует безчисленное множество свободенных от смерти и данный Ей от Бога мечь на казнь повинных, кровию еще не обогранный; приносится благодарение Государыне прещедрой — свидетельствует преизобильное снабдение верности, избыточествующее заслуг награждение, споможение добродетельной скудости и восстановление несчастьем разоренных» (с. 239). Для современного читателя это предложение воспринимается как оксюморон — что еще можно видеть в нем, как не «риторское парение», от которого пытается в начале откеститься Ломоносов? Такой прием подчеркнут

²³ Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова... С. 136.

того мнимого «антириторизма» традиционен для ораторской прозы XVIII века, причем он встречается как в светских, так и в церковных произведениях. В частности, его можно встретить в проповедях митрополита Платона (Левшина), на что обратил внимание В. П. Зубов: «Платон любил играть в простоту, любил подчеркнуть нериторичность своей проповеди. „Да не почитаем его [наставления] молло, за одно витийствующего проповедника разглагольствование: нет здесь; да и не нужно витийство: есть одна простая истина, красна исполнением своим“. Но ясно, что этот антириторизм лишь утонченная форма риторики»²⁴. Ср. также цитированное нами в главе 2 высказывание Гедеона Криновского о книге своих проповедей, «никакой внешней красоты не имеющей».

Далее Ломоносов переходит к краткой характеристике предков императрицы (в еще одном предложении-периоде автор говорит об их «славных делах»). Перечисляя предков Елизаветы, Ломоносов использует любопытный риторический прием — фигуру умолчания (говорящий объявляет, что не будет говорить о каких-либо вещах, но, перечисляя, этим и говорит о них²⁵). Описывая заслути царя Михаила Федоровича, автор говорит: «<...> описал бы [курсив наш. — Е. М.] я ныне вам младаго Михаила, для стенания и слез праведов наших приемлющаго с венцем Царским тяжкое бремя поверженныя России, обновляющаго рассыпанныя стены, сооружающаго разоренныя храмы, собирающаго расточенных граждан, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгаящаго корень богоотступных хищников Российского престола и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исцеляющаго» (с. 240). Далее он столь же пространно рассказывает о заслугах Алексея Михайловича, Петра I и Екатерины I (все это в одном предложении, которое занимает целую страницу), после чего говорит: «<...> но слово мое к собственным добродетелям и достоинствам Монархини наша поспешает» (с. 241). Тот же прием используется и дальше: «<...> не изображаю словом блистающия лепоты лица Ея <...> ни ве-

²⁴ Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001. С. 96.

²⁵ Гаспаров М. Л. Умолчание // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 1115. — В «Кратком руководстве к красноречию» дается такое определение этой фигуры: «Умолчанием или перерывом называется неоконченный разум в слове, по котором другой начинается» (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 277).

личественной главы, к ношению венца рожденной, ни уст, щедроту источающих, ни очей, воззрением оживляющих <...> не представляю внешних Монархини наша достоинств, но внутренняя душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарования» (с. 241). Говоря «описал бы», Ломоносов на самом деле описывает, говоря «не изображаю», «не представляю» — на самом деле изображает и представляет.

Первое качество Елизаветы, на котором останавливается автор слова, — это благочестие и забота о православии в России. Здесь Ломоносов использует прием, который мы видели в проповеди, — по терминологии «Краткого руководства красноречию», фигуру «заимословия» («когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому или мертвому, или и бездушной вещи»²⁶): «Российская церковь, блистая порфирию и золотом и паче радости сияя, возвышается, окружена славою, к пресветлому жениха своего престолу и, показуя ему свое великолепие, вещает: „Так украшает меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета — украси державу и венец Ея не увядающею доброту славы“» (с. 242)²⁷.

Второе важное качество императрицы — это мужество, «которому ни внутри России вкоренившиеся, ни отвне наступающие неприятели не могли стать противу» (с. 243). Как и проповедники елизаветинского времени, Ломоносов описывает ситуацию дворцового переворота 1741 года, причем конкретные детали описания очень схожи с рассмотренным нами словом архиепископа Амвросия (Юшкевича). «Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается, когда себе представляю, что предходит со крестом Девица, последуют вооруженные воины» (с. 243) (ср. разговор Елизаветы с солдатами в проповеди архиепископа Амвросия). Еще один мотив, который мы встречали в проповеди, — мотив «оживотворяющегося» Петра. Ломоносов, описывая реакцию «приступаю-

²⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 270.

²⁷ Фигура «заимословия» используется в «Слове похвальном» несколько раз. В частности, в заключительной части слова, после похвалы наукам, автор, обращаясь к «Российским юношам», передает часть своих мыслей в виде прямой речи императрицы: «Августейшая Императрица, довольствуя вас своею казною, материки повелевает: „Обучайтесь прилежно. Я видеть Российскую Академию, из сынов Российских состоящую желаю; поспешайте достигнуть совершенства в науках: сего польза и слава отечества, сего намерение Моих Родителей, сего Мое произволение требует“» (с. 254).

щих уже к пределам нашим кичливых сопостатов» на восшествие на престол Елизаветы, пишет: «Изображался в уstraшенных умах их Петр Великий, в мужественной Своей Дщери живущий» (с. 244).

С военными победами связано третье «сродное Государыни <...> свойство» — «поступать со врагами великодушно». По мысли автора, оно проявляется и в том, что императрица долгое время, имея права на престол, оставалась в тени («изволила наследной Своей короны до времени лишаться, нежели оной достигнуть пролитием крови» — с. 245²⁸), и в том, что уже после дворцового переворота «на лютую смерть и на растерзание осужденных токмо отдалением от пресветлаго лица Своего наказует, недостойных жизни токмо самовольныя жизни лишает» (с. 246)²⁹, и даже во внешней политике («отпустив врагам своим предерзость, мир и тишину <...> возвращает» — с. 246).

Четвертое достоинство Елизаветы — мудрость — Ломоносов показывает, используя традиционный топос тишины и прием развернутой метафоры: «Искусный мореплаватель не токмо в страшное волнение и бурю, но и во время кротчайшия тишины бодрствует, укрепляет орудия, готовит парусы, наблюдает звезды, примечает перемены воздуха, смотрит на восстающия тучи, исчисляет расстояние до берегов, мерит глубину моря и от потаенных водою камней блюдется» (с. 247). Елизавета даровала России «тишину», символ идеального государства, и уже в этом, по мнению Ломоносова, заключается ее мудрость. Оратор с восторгом обращается к России со словами: «Покойся в радости, возлюбленное отечество, и безмятежным веком под кровом премудрыя Твоея Повелительницы наслаждайся» (с. 248). Здесь возникает и развивается антитеза «мы — другие», создается типичный для всего ломоносовского творчества образ незыблемого, гармоничного государства Российского, положение которого «несравненно с протчими» (с. 248). Ломоносов демонстрирует единение народа и монархини, «надежный страж Величества, — пишет он, — любовь подданных» (с. 249). В описании Елизаветы появляется почти лирическое начало: императрица, по

²⁸ Описание жизни Елизаветы до вступления на престол — также одно из «общих мест» панегириков елизаветинской эпохи. Среди рассмотренных нами церковных панегириков эта тема получила развитие в слове архиепископа Амвросия (Юшкевича).

²⁹ Здесь, по-видимому, имеются в виду приговоренные к четвертованию Остерман и Миних, казнь которых Елизавета заменила ссылкой.

словом Ломоносова, отличается от своих подданных «не кичливым воззрением, не уничтожительным гласом, не страшным повелением, но прекрасным Величеством, тихою властью, благородным снисходительством и некоторою божественною силою, вливающей несказанную радость в сердца наши» (с. 249). Автор, противопоставляя императрицу садовнику, который «только об одном истреблении терния печется», сравнивает ее с садовником, который «древа плодоносныя и процветающия травы в пристойное время орошает» и тут же расшифровывает смысл своей небольшой «притчи»: «Хотя и полезно есть строгое над повинными исполнение законов, но без награждения добродетели тщетно и больше приводит в уныние добрых, нежели злых исправляет; напротив того, награждение добродетели и снабдение заслуг при кротком наказании пороков едино сильно к исправлению нравов человеческих довольно, ибо, чувствуя себя презренных и поправленных злые и видя возвышенную добродетель, наслаждающуюся праведною своею мздою, завистью угрызаемы истают или, обратившись ревностным подражанием того же, достойными себя учинить стараться будут» (с. 250–251).

В заключительной части слова, после гимна наукам, Ломоносов подводит итог, и возникает традиционная тема церковного панегирика — тема Божьего промысла: «Таковых Монархов посылает Бог на землю, когда он смертных милует» (с. 255–256). Завершается слово обращением к императрице («Красуйся великими сими вышнего дарами, Всемилостивейшая Государыня...» — с. 256). При обращении к императрице используется местоимение «Ты», причем оно, в отличие от слова Тредиаковского, сохраняется и в официальном титуле (например, в последнем предложении слова: «Величеству Твоему»). Однако, по-видимому, у самого Ломоносова этот случай вызывал сомнения, так как первоначально в рукописи в этом месте стояло «Величеству Вашему» (с. 256). Но поскольку этот пример в слове единственный, Ломоносов, вероятно, решил унифицировать обращения и избежать смешения местоимений единственного и множественного числа (как это было у Тредиаковского)³⁰.

³⁰ Любопытно, что в поэзии Ломоносов, наоборот, в ряде случаев использует при обращении к государыне местоимение «вы», причем не в формальном назывании титула императрицы. Е. А. Погосян анализирует один такой пример — стихотворение (не оду!), посвященное Екатерине II, «О небо, не лишай меня очей и слуха...». По словам Е. А. Погосян, «оно неожиданно для Ломоносова и для панеги-

Последнее предложение ломоносовского панегирика интересно также тем, что в нем вновь поднимается тема риторики: «Наше неописанное удовольствие и крайняя благодарность хотя никоим красноречием изображены быть не могут, однако искреннюю ревность и рабскую ревность нашу Величеству Твоему сим засвидетельствовать тщимся по мере сил наших, ведая, что Бог и Божию власть на земле имеющие не столько на хитросплетения риторския, сколько на чистое усердие взирают» (с. 256). Казалось бы, Ломоносов здесь резко противопоставляет «хитросплетения риторския» и «чистое усердие». Но сама форма этого противопоставления («столько — сколько») указывает скорее на некий синтез того и другого в творчестве Ломоносова. При этом «чистое усердие», безусловно, оказывается важнее «хитросплетений риторских». Говоря о торжественных одах Ломоносова, Н. Ю. Алексеева отмечала: «Нет никаких оснований для возникшей в XIX веке легенды о заказном характере од Ломоносова <...> Русская ода была свободным выражением верности»³¹. В финале своего первого ораторского произведения Ломоносов также делает акцент на искренности, которая, несмотря на заказной характер «Слова похвального», безусловно, лежит в основе его панегирика.

3.4. «Торжественное слово на день коронации Елисаветы Петровны» Н. Н. Поповского

В истории русской литературы Николай Никитич Поповский известен как ученик и соратник М. В. Ломоносова. Деятельность этого писателя, чье литературное творчество приходится на 50-е годы XVIII века, была тесно связана с Московским университетом: Поповский был профессором красноречия на философском факуль-

рической русской традиции <...> потому, что [Ломоносов. — Е. М.] обращается к монархине на „вы“:

Блажен, кто зрит чудясь монарши дива в вас,
Блажен, кто слышит ваш, Екатерина, глас
Приятной/Любимой быть, владеть судьба вас одарила.

<...> Обращение к монархине на „вы“ в личной беседе — это обращение к ней как к лицу, персоне. Введение такого обращения в панегирический по своей идиоматике текст трансформирует объект панегирика» (Погосян Е. А. Указ. соч. С. 121).

³¹ Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 179.

тете Московского университета (он начал преподавать в университете философию), а также стал первым ректором университетской гимназии³².

«Слово Елисавете Петровне» Поповского было издано в 1756 году отдельной книгой под названием «Высочайший день Коронации Ея Императорского Величества Всемилостивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския публичным собранием празднует Императорской Московской университет». А затем, уже в 1819 году, слово было опубликовано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями». При повторной публикации изменилось название панегирика — в нем появляется традиционное жанровое заглавие: «Торжественное слово на высочайший день Коронации Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 26 апреля 1756».

В «кратком жизнеописании» сборника речей профессоров Московского университета можно найти сведения об ораторской прозе Поповского. Из напечатанных речей Поповского известны всего две — «Речь о пользе и важности философии» (которую Поповский произнес 26 апреля 1755 года при открытии Московского университета³³) и интересующий нас панегирик Елисавете Петровне; «прочия Речи, при разных Университетских торжествах им говоренныя, остались ненапечатанными»³⁴. В «кратком жизнеописании» содержится и характеристика Поповского-оратора: «Речь о пользе и важности Философии, говоренная при начале философских лекций в Московском Университете <...> отличается остротою ума, тонкостью вкуса и красотою слога. Если Ораторский слог Ломоносова был образцом силы и великолепия, то Философской язык Поповского мог служить примером ясности и чистоты. Никто из его современников не писал языком столько сходным с нынешним, уже образованным в обществе людей просвещенных <...> Торжествен-

³² См.: *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 64; *Кочеткова Н. Д.* Поповский // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осмнадцатое столетие. Кн. 2. С. 155.

³³ См.: *Кочеткова Н. Д.* Поповский. С. 155.

³⁴ Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями. Ч. 1. М., 1819. С. 8.

ное слово, произнесенное в день Коронации Государыни Императрицы Елисаветы Петровны <...> есть более подражание Красноречию Ломоносова, и поэтому первая Речь остается единственным оригинальным памятником Автора»³⁵.

При анализе «Торжественного слова на день коронации Елисаветы Петровны» выявляется немало мотивов, восходящих к ораторской прозе и одической поэзии М. В. Ломоносова (а по сути являющихся «общими местами» панегирика). Первое же предложение панегирика Поповского напоминает начало рассмотренного нами ломоносовского слова: «Сей есть пресветлый оный день, Слушатели, которой нам всеобщую радость и различные приятныя позорища торжествующия России открывает»³⁶. Особенно много в слове мотивов, связанных с образом гармоничного государства — «мир и тишина» («возсылаем хвалу Вседержителю, что благословил нас миром и тишиною» — с. 5), «внутреннее спокойствие повсюду» (с. 5), гигантский пространственный охват изображаемого: «С радостию видим во всем пространном округе нашего благополучного Отечества в безопаснейшем спокойствии трудящихся земледельцов, и то поля красующияся спеющим изобилием различных плодов, то жатвы в полном довольствии в житницы собираемья: что слышим открытыя и невоспященныя моря и реки Российскому купечеству, и бесчисленныя суда с неоцененными сокровищами и богатствами из самых далеких стран к нам возвращающияся» (с. 5). Сама императрица предстает как «надежда и основание нерушимого покоя» (с. 6).

Значительное сходство слова Поповского со стилем Ломоносова прослеживается при рассмотрении синтаксической структуры предложений в слове Поповского. Воспоминания об обстоятельствах вступления Елисаветы Петровны на престол представляют собой огромное предложение в духе ломоносовских периодов: «Ибо удивляясь неиспытанным Божиим судьбам, коим образом власть сильною насильствия рукою похищенную, долговременным правлением укрепленную и неусыпную бодростию бесчисленнаго во-

³⁵ Там же. С. 7.

³⁶ *Поповский Н. Н.* Высочайший день Коронации Ея Императорского Величества Всемилостивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския публичным собранием празднует Императорской Московской университет. М., 1756. С. 3. — Далее в п. 3.4 при цитировании этого издания страницы указываются в тексте в скобках.

оруженного воинства охраняемую почти в едино мгновение ока без сражений и кровопролития возвратил истинной Наследнице, не только к раздражению толь страшного соперника, но ниже к защите собственного своего здравия довольной силы неимеющей не купно ли представляем мы мужество и великий дух Петровой Дщери, которая не взирая на толь сильныя препятствия, на толь ужасныя сопротивления могущия и самое Геройское сердце привести в робость и отчаяние, почти против самыя судьбы ободриться не усумнилась, и с толь малым числом горящих усердием к наследной Государыне воинов нечаянным пришествием как будто внезапным громом в такой трепет и смущенное некоторое забвение привела противников, что прежде смятенных и разсыпанных стражей своих, прежде возсиявший на престол зрак Ея увидели, нежели слух возмог к ним достигнуть, о толь невероятном предприятии победоносныя Героини» (с. 4–5).

Сходной с ломоносовской является и субъектная структура слова Поповского — панегирик написан от лица «мы»; «я» появляется, когда речь идет об авторе панегирика. Ср.: «Впротчем великое бы было мое дерзновение, есть ли бы я предприял при Толиком собрании возвышать похвалами преславныя добродетели нашея всемилостивейшия Государыни; я только изъявляю радость о счастии нашем происходящем от мудраго правления и матерняго к нам Ея снисходительства» (с. 9). Для обращения к императрице используется местоимение «Ты» («вы» не встречается ни разу); всего один раз в слове упоминается императорский титул, но обращение при этом отсутствует: «Вспоминая высочайший день Коронации ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Августейшия нашея Монархини, купно представляем мы и треблаженный час божескаго о нас промысла и милосердия» (с. 3).

Слово Поповского состоит из двух частей: первая часть представляет собой собственно панегирик императрице Елизавете Петровне, а вторая посвящена годовщине со дня основания Московского университета.

В первой части, в которой перечисляются конкретные добродетели императрицы, можно обнаружить несколько почти дословных совпадений с ломоносовским панегириком. Например, Поповский выделяет три добродетели, которые уподобляют императрицу божеству: «кротость, щедрота и великодушие» (с. 10). Ср. у Ломоносова: «Ничто есть толь похвально, как кротость <...> ничем естество человеческое к божественным свойствам не подходит бли-

же»³⁷. Описывая ситуацию дворцового переворота, Поповский акцентирует внимание на том, что государыня «врученного себе меча кровию повинных не обагрила» (с. 6). У Ломоносова — «Богом предводимая Героиня наша <...> без пролития крови торжествует»³⁸. Любой может обратиться к императрице, по словам Поповского, «не как подданные к Государыне и Обладательнице, но как дети к чадолюбивой Матери!» (с. 9). Сходное описание качеств императрицы возникает и у Ломоносова: «Нет такой напасти, нет такого нещастия, которое бы великодушием Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было»³⁹. Появляется у Поповского и тема Божьего промысла (которая так же «пунктиром» проходит и через панегирик Ломоносова): «Вспоминая высочайший день Коронации ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Августейшия нашея Монархини, купно представляем мы и треблаженный час божескаго о нас промысла и милосердия» (с. 3).

Но есть у Поповского одна новая тема, которой не было у Ломоносова. В «Торжественном слове» наряду с образом императрицы Елизаветы Петровны появляется абстрактный образ «идеального доброго правителя» вообще. Например, в слове декларируется и развивается мысль о том, что мудрый государь — залог благополучного государства (с. 7; мудрый государь вообще, без упоминания «виновницы торжества»). В слове встречаются «обобщения», которые уводят в сторону от панегирической линии и представляют собой демонстрацию политических и социальных взглядов автора. Ср., например, такое высказывание: «Довольныя и достоверныя имеем примеры, что сила, слава и щастие гражданства основана только на добродетелях и мудрости властей своих» (с. 7).

Во второй части слова, посвященной годовщине основания университета, «которой прозорливая наша Государыня для всеобщия детей Российских пользы премудро учредить <...> соблаговолила» (с. 12), Поповский вновь возвращается к панегирической линии. Вновь появляется типичный панегирический «штамп»: никакое витийство, по мысли автора, не может изобразить «величества» этого благодаяния (с. 12). «Пользуйтесь Российские дети, сим великия нашея Государыни матерним благодаянием» (с. 17), — обращается автор к российскому юношеству. Однако и здесь появляются

³⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 250.

³⁸ Там же. С. 243.

³⁹ Там же. С. 255.

такие же «обобщения»: «Промысел о вперении в нас добродетели, — пишет Поповский, — самая первая *должность* [курсив наш. — Е. М.] Государей» (с. 13).

Завершает слово автор абсолютно по-ломоносовски: «Сие не витийственным красноречием украшенное, но от искренних сердец приносимое Тебе усерднейшее благодарение прими, о щедрая Мать Отечества» (с. 18). Как видно, последнее предложение почти полностью совпадает по мысли с последним предложением «Слова похвального Елисавете Петровне» (тема искренности, «витийственное красноречие» у Поповского, «хитросплетения риторския» у Ломоносова).

3.5. «Слово на день коронавания Екатерины II»

А. П. Сумарокова

В «Полное собрание всех сочинений» А. П. Сумарокова включено восемь ораторских произведений различной тематики: «Слово похвальное о государе императоре ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ, сочиненное ко дню тезоименитства Ея Императорскаго величества 1759 года», «Слово II. На день Коронавания Ея Величества Императрицы Екатерины II», «Слово III. Его Императорскому Высочеству, Государю Великому Князю, ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ; в день рождения Его, 1761 года, Сентября 20 числа», «Слово IV. Ея Императорскому Величеству Государыне ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ Императрице и Самодержице Всероссийской на Новый 1769 год», «Слово V. На Открытие Императорской Санктпетербургской Академии Художеств», «Слово VI. На заложение Кремлевского дворца», «Слово VII. О любви к ближнему» и «Слово VIII. На День Восшествия на престол Ея Величества, Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II»⁴⁰. Обратимся к одному из

⁴⁰ Только два ораторских произведения Сумарокова, как нам удалось обнаружить, выходили в свет в виде отдельных изданий: «Слово при освящении Санктпетербургской императорской Академии художеств / Во присутствии е. и. в. Екатерины Втория пред сонмом почтенных людей реченное господином Сумароковым оныя Академии почтенным членом в лето 1765 июня 28 дня» ([СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1765) и «Слово е. и. в. государыне Екатерине Алексеевне императрице и самодержице Всероссийской на 1769 год января 1 дня / Сочинение Александра Сумарокова» (СПб.: При Имп. Акад. наук, [1768]). Никакой информации о способе презентации сумароковских слов (кроме «Слова при освящении Санктпетербургской императорской Академии художеств») в нашем распоряжении нет (в собрании сочинений помещены только краткие заголовки ораторских произведений). Не исключено, что эти слова вообще не произносились и не подносились.

слов, приуроченных к царским дням, — к «Слову II. На день Коронавания Ея Величества Императрицы Екатерины II».

Первое же его предложение существенно отличается от рассмотренных нами панегириков. В начале слова у Сумарокова нет ни прямого обращения к императрице (как у Тредиаковского), ни обращения к слушающей аудитории (как у Ломоносова и Поповского). Вместо этого автор, очень коротко упомянув о поводе для своего слова (день коронации Екатерины II), помещает пространное обращение ко всей России: «Празднуя День Коронавания Твоея Повелительницы радуйся, от валов Бальтийских, до Восточныя Америки, и от льдистого Океана, до Хинския области простирающаяся Россия»⁴¹. Автор упоминает моря, «биюция во брега стран сея Монархии», «гордые реки, протекающие Северный Едем», обращается к «Наперсникам Муз», «Наперсникам Беллоны», судьям, российскому дворянству, купечеству и духовенству (с. 229). Казалось бы, перед нами общие места панегирика — «взгляд сверху» и изображение людей разных сословий. Однако модальность высказывания у Сумарокова принципиально отличается от ломоносовской. Ломоносов писал о «разных обитателях», прославляющих объект своего панегирика (императрицу), Сумароков же обращается к российским сословиям совсем с другой целью. Он не призывает к похвале императрицы, в его слове вообще похвала редуцирована до минимума — с самого начала в тексте доминирует поучение и даже обличение различных пороков и недостатков. Вот, например, обращение автора к судьям: «Судии, блюдите уставы, поражающия беззаконников и ограждающия безопасностию невинных, ибо внутренния злодеи обществу еще и внешних пагубняе!» (с. 229). Или к дворянам: «Следуй, Российское Дворянство, Богине своей, предшествующей тебе ко храму премудрости! Суэто звучит имя благородства, не имея благородных качеств <...>» (с. 229). То же самое обнаруживается, когда автор обращается к духовенству: «Проповедывайте добродетель и упражняйтесь в оной; ибо, когда заблуждается пастырь, заблуждаются и овцы» (с. 230).

В слове почти не содержится прямого восхваления Екатерины; вместо этого в нем находим много «побудительных обращений» к императрице, например: «Утверждай, Государыня, правосудие на пре-

⁴¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. 2. М., 1787. С. 229. — Далее в п. 3.5 при цитировании «Слова» страницы данного издания указываются в тексте в скобках.

столе Российском, ко безопасности нашей и для способности нам быти здоровыми и полезными членами Твоего и нашего отечества» (с. 230), «Буди, Государыня, буди всегда Материю любезному своему народу! награждай добродетель, исправляй пороки наши и рази беззакония» (с. 231) и др. Интересна модальность последнего предложения: автор высказывает пожелание, чтобы императрица стала «Материю любезному своему народу», подразумевая тем самым, что в настоящее время она таковой не является. Так у Сумарокова все достоинства императрицы представлены не в виде объективной реальности (как в панегириках Ломоносова), а как пожелание.

В слове Сумарокова обращает на себя внимание довольно странный акцент именно на недостатках, «на пороках и беззакониях», и зачастую автор демонстрирует ничем, казалось бы, не обоснованную агрессию. Вот, например, что следует за процитированным выше обращением к императрице: «Буди, Государыня, буди всегда Материю любезному своему народу! награждай добродетель, исправляй пороки наши и рази беззакония! Буди чадолюбивая Матерь, и страшный судия! Злодеи ни малейшаго помилования недостойны» (с. 231). Анализируя содержание сумароковских од, Н. Ю. Алексеева отметила в них парадоксальное сочетание мотивов: «Тема покоя здесь — дань устоявшемуся канону петербургской оды, а кровь, мщенье, ярость, беспощадность — это новое. И это сумароковское»⁴². Нечто похожее обнаруживается и в слове: по всему тексту «разбросаны» такие слова, как «злодеи», «казни», «отмщение», «возмездие», «тунеядцы», «беззакония» и др.

В слове также можно найти много «абстрактных» сентенций, сходных с высказываниями героев-резонеров в классицистической комедии (например: «Геройство есть высочайшая степень честности» — с. 231, «Кто чево достоин, тот и возмездие таковое имети должен» — с. 233, «Моральные беззакония не извиняют нас незнанием» — с. 238, и т. д.). Содержатся в слове и сентенции, которые можно воспринимать как поучение, адресованное самой императрице: «Колико мы подчинены Самодержцам, толико они подчинены истине» (с. 232). Вообще, тема «закона» и «истины» — одна из важнейших в сумароковском слове. «Самодержавию, — пишет он, — никто, кроме истины, закона предписать не может» (с. 232). Истина для Сумарокова — это некое абстрактное абсолютное начало, и это начало ставится выше монаршей власти. Таким образом, в отличие

⁴² Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 257.

от Ломоносова и других панегиристов, выстраивающих в своих словах вертикаль «Бог — императрица», Сумароков актуализирует иную вертикаль: «истина — императрица». Стремление к правосудию — один из главных идеалов для Сумарокова. «Созидди великолепный храм ненарушаемого правосудия» (с. 235) — обращается он к императрице. Четкое, безукоснительное следование закону — вот к чему автор призывает императрицу. В связи с этим интересно мнение Сумарокова по поводу помилования преступников: «Кажется мне, что надлежит умягчати законы, ежели они излишно строги, а не казни законами определенныя» (с. 232). Нарушение упорядоченной системы законов (для проявления милосердия) признается большим злом, чем казнь преступника. Такая позиция (акцент на беспелляционном исполнении закона) прямо противоположна позиции, высказанной по этому поводу Ломоносовым в «Слове похвальном Елисавете Петровне». Ср. уже цитировавшееся нами выше высказывание Ломоносова: «Хотя и полезно есть строгое над повинными исполнение законов, но без награждения добродетели тщетно и больше приводит в уныние добрых, нежели злых исправляет».

Говоря о субъектной структуре сумароковского слова, следует отметить, что и здесь встречаются отмеченные в других словах смешения местоимений «я» и «мы». Но местоимения «мы» и «наш» встречаются нечасто, и предложения с этими местоимениями теряются на фоне фраз с «общими рассуждениями». Таким образом, «солидаризация» автора с аудиторией или с народом (как это было во всех рассмотренных нами панегириках) здесь оказывается менее явной, чем в предыдущих рассмотренных примерах. Принципиальные изменения касаются также и «я». Если у Третьяковского, Ломоносова и Поповского «я» — это подданный императрицы, демонстрирующий «рабскую верность», то у Сумарокова уже и в помине нет ни самоуничтожения (как у Третьяковского), ни преклонения перед величием императрицы (как у Ломоносова и Поповского). Он осознает себя не покорным рабом императрицы, а членом общества и сыном отечества, который выражает свою личную точку зрения: «Я, как сын и член отечества, не того по рассудку моему желаю, чтобы древния законы испровержены, а новыя установлены были; но чтобы они при случаях исправляемы были» (с. 237).

3.6. Выводы

Мы рассмотрели четыре светских торжественных слова середины XVIII века. Самое раннее из них — панегирик Третьяковского

го — написано в 1732 году, самое позднее, написанное Сумароковым, появилось в 1760-е годы. Разумеется, анализа всего четырех текстов недостаточно для того, чтобы проследить хотя бы приблизительную историю светских похвальных слов. Но это и не входило в задачи данного исследования. Рассмотрение отдельных примеров панегириков разных авторов может помочь ответить на главный и пока еще мало освещенный в научной литературе вопрос: что представляет собой светский прозаический панегирик XVIII века?

1. Анализ ряда светских панегириков позволяет сделать выводы о некоторых особенностях бытования этих текстов.

Представляется важным, что торжественные слова имели два способа презентации — устное исполнение перед аудиторией (как церковные проповеди) и подношение (как торжественные оды). Это обстоятельство влияет на поэтику: в тексте слов, ориентированных на устное исполнение, помимо адресата и адресанта панегирика присутствует еще одна важная составляющая — образ «слушателя». Именно со способом презентации таких панегириков связано и выявленное нами различие между словом и одой у Ломоносова: в подносимой оде одический восторг сразу же «вырывается» в произведение, в произносимом же слове автор ориентируется на слушателей и, соотнося реальность «настоящую» с реальностью поэтической, постепенно «увлекает» их за собой (при этом несколько раз имеет место рефлексия по поводу самой ситуации произнесения). Интересно также то, что произносятся торжественные слова могли не их автором. Одно из свидетельств этого находим у А. П. Сумарокова: после одного из его торжественных слов («Слово VI. На заложение Кремлевского дворца»), опубликованных в полном собрании сочинений, следует приписка: «Речь сия говорена при заложении Кремлевского Дворца, Архитектором, Артиллерии Капитаном, Булонской и Флорентийской Академий Членом и Санктпетербургской Академии художеств Академиком, Васильем Ивановичем Баженовым»⁴³. Можно предположить, что и подносимые торжественные слова (вероятно, слово Тредиаковского было не единственным примером) могли презентоваться через третьих лиц, тем более что исследователи русской оды обнаруживают такие случаи на своем материале⁴⁴.

⁴³ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. Ч. 2. С. 275.

⁴⁴ См.: Погосян Е. А. Указ. соч. С. 89.

2. Нами была рассмотрена субъектная организация и система «действующих лиц» светского панегирика. Адресатом панегирика является царствующая особа, а адресантом — панегирист, оратор. Но обращаться автор может как от себя лично (и тогда в тексте используется местоимение «я»), так и от имени некоего коллектива (от имени «мы»). «Я» используется, когда в слове затрагивается тема создания панегиристом своего собственного текста (у Тредиаковского, Ломоносова и Поповского), либо когда автор выражает свою личную точку зрения и подчеркивает это (у Сумарокова).

В отличие от «я», сфера использования «мы» значительно шире. Само по себе использование «мы» в панегирике можно отнести к традиционным приемам ораторских слов XVIII века. Так, например, оно встречается в словах Феофана Прокоповича, в которых, по словам Е. А. Погосян, использование местоимения „мы“ имеет всегда совершенно определенный смысл, подчеркивает, что эмоцию, которую переживает повествователь, переживают с ним и окружающие»⁴⁵. Интересно, однако, кто эти «окружающие». На нашем материале выявляется, что даже в пределах одного и того же слова под «мы» могут пониматься различные субъекты. Например, в начале ломоносовского панегирика «мы» — это присутствующая при произнесении слова аудитория, а в эпизоде, посвященном описанию дворцового переворота, «мы» — это «все подданные»⁴⁶.

Местоимение «мы» часто появляется «на эмоциональных пиках» панегирика, когда используются риторические вопросы и восклицания, — мы это видели у Тредиаковского, у которого при переходе на «мы» интонация становится более взволнованной; есть такого рода примеры и в слове Ломоносова. Ср.: «Коль горячим усердием восплаются сердца наши к Вышнему и коль несомненно милосердия Его себе ожидаем, когда купно с нами предстоящую и молящуюся с крайним благоговением свою Самодержицу пред очами имеем!»⁴⁷ В этом, как кажется, можно усмотреть еще одно из отличий торжественного слова от торжественной оды, в которой исследователи тоже выделяют два разных лирических выразителя: одическое «я» и одическое «мы»⁴⁸. По словам Н. Ю. Алексеевой, «одическое „я“ выражает мысли и чувства одического поэта, который, на

⁴⁵ Там же. С. 26.

⁴⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 243.

⁴⁷ Там же. С. 242.

⁴⁸ См.: Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 193.

время забывая о своем парении, присоединяет свой голос к голосу народа, говорит от его лица, тогда появляется одическое „мы“⁴⁹. В торжественном слове (по крайней мере, у Ломоносова) «присоединение своего голоса к голосу народа» первично и более важно, чем одический восторг. Основа произносимого перед аудиторией панегирика — не восторг автора, а установка на коллективную эмоцию и сопереживание слушателей. Поэтому и восторг в торжественном слове описывается не как реальное, а как предполагаемое условие — ситуация произнесения текста перед слушателями оказывает самое непосредственное воздействие на поэтику слова.

Текст панегирика по своей структуре представляет собой речь-обращение, и субъект этого обращения может различаться. Это может быть обращение к самой императрице, это могут быть обращения к слушателям (Ломоносов, Поповский), это могут быть, наконец, риторические обращения к России (Сумароков), к отдельным группам населения — к российскому юношеству (Поповский), к различным сословиям (Сумароков) и т. д. Для обращений к императрице и упоминания в тексте слова царствующей особы в панегирике Тредиаковского характерно смешение местоимений «ты» и «вы», «твой» и «ваш». В слове Ломоносова и других рассмотренных нами словах смешение этих местоимений уже не встречается — по всему тексту используется местоимение «ты» (хотя для Ломоносова эта проблема тоже была актуальна — он колебался, прежде чем выбрать местоимение для упоминания официального титула императрицы). В рассмотренных нами словах также встречаются примеры резкого изменения «ракурса повествования»: повествование об императрице в 3-м лице (адресатом в этом случае является аудитория) неожиданно может сменяться обращением к самой императрице. Ср. один из таких примеров из слова Поповского: «Она общая Покровительница, общая Мать Отечества: мы Ея единым тщанием в безопасности и тишине блаженную жизнь провождаем. Да даст Тебе Господь, Великая Монархиня! Век по мере пространства управляемая Тобою России, по числу народов Тебя любящих, век Твоему о нас попечению, и нашему к Тебе усердию соответствующий»⁵⁰.

3. Анализируя содержание светских похвальных слов, можно условно разделить встречающиеся в них темы и мотивы на две груп-

⁴⁹ Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 193.

⁵⁰ Поповский Н. Н. Высочайший день Коронации Ея Императорскаго Величества Всемилостивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны... С. 9.

пы: 1) собственно панегирические темы и темы, связанные с похвалой царствующей особы, и 2) отступления от панегирической темы.

В состав первой группы, помимо прямого перечисления заслуг и похвалы царствующей особы, входят в первую очередь так называемые «общие места» государственного панегирика — изображение гармоничного государства и идеально соответствующего этому государству монарха, «мир и тишина», ликование жителей России, тема Божьего промысла в связи с монархом и т. д. Другие темы этой же группы образуют тематическую композицию самой похвалы и связаны с панегирическим канонem, восходящим, как замечают исследователи, еще к античным образцам. А. С. Елеонская, сравнивая «Слово похвальное Елизавете Петровне» и «Слово о пользе химии», обратила внимание на их композиционное сходство: «Похвалу Химии он [Ломоносов. — Е. М.] строит в строгом соответствии со схемой панегирического „слова“ <...> Корни этой схемы мы находим еще в античном ораторском искусстве: например, рекомендовалось прежде всего выделить рубрику „происхождение“, а затем разделить ее на части („народ“, „отечество“, „предки“, „родители“) и трактовать каждую по отдельности. Далее следовала рубрика „деяния“ также со своими подрубриками и т. д. <...> Здесь [в «Слове о пользе химии». — Е. М.] та же схема, что и в панегирике царям. Например, в „Слове похвальном... Елизавете Петровне“ автор обращается к „великим предкам“ последней — „благородному корню“ <...> а затем останавливается на „добродетелях“ и поступках на пользу России»⁵¹. Действительно, похвала предкам императриц (в особенности Петру Великому) в той или иной форме содержится в рассмотренных нами словах Тредиаковского, Ломоносова и Поповского. Содержатся в каждом из этих слов и «деяния» — начиная от описания «героических» обстоятельств вступления на престол Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. К собственно панегирическим темам в наших торжественных словах также имеет отношение ряд конкретных мотивов, например изображение отдельно внешних достоинств и отдельно внутренних добродетелей императрицы, акцент на «женском» милосердии и незлобивости (в противовес «мужской» суровости) и др.

Непосредственно связан с панегирическими темами и мотивами и образ автора-панегириста. В панегириках Тредиаковского, Ло-

⁵¹ Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова... С. 137–138.

моносова и Поповского автор — это подданный императрицы, который сетует на свое недостойнство. Наиболее ярко этот мотив представлен у Третьяковского, значительно больше «уверенности в себе» у Ломоносова и Поповского. Однако во всех трех словах можно встретить мысль о невозможности адекватной похвалы и тему искренности, которая «искупает» риторическое несовершенство панегирика.

Вторая группа тем и мотивов, встречающихся в рассмотренных нами панегириках, — это отступления от панегирической темы. Из наших примеров только слово Третьяковского можно назвать панегириком «чистой воды» — оно почти не содержит «отступлений» от основной темы. В панегириках Ломоносова и Поповского, несмотря на то, что их основной темой является похвала императрицы, содержится по одному большому «отступлению» — отступление о науках в панегирике Ломоносова и отступление о Московском университете в слове Поповского (почти вся вторая часть слова). А. С. Елеонская, анализируя «Слово похвальное Елизавете Петровне» Ломоносова, даже писала о том, что «идейно-композиционным центром „Слова...“ является похвала наукам, отодвигающая на второй план образ императрицы»⁵². Все-таки это преувеличение, образ императрицы в слове все равно оказывается на первом месте, но сам факт весьма обширного и прямо не связанного с похвалой царствующей особы отступления весьма примечателен.

4. В связи с вопросами содержания панегирика отдельного внимания заслуживает «Слово на день коронавания Екатерины II» А. П. Сумарокова. В этом слове мы почти не обнаружили тех панегирических тем и мотивов, о которых говорилось выше⁵³. Главное его отличие от панегириков Третьяковского, Ломоносова и Поповского в том, что автор здесь не изображает идеальную реальность, а декларирует перед императрицей свои взгляды. В связи с этим претерпевает изменения и модальность слова (вместо описания идеальной реальности — «пожелание» идеальной реальности и критика существующей реальности), исчезает образ автора-панегириста, редуцируется панегирическое начало, появляются абстракт-

⁵² Елеонская А. С. Ораторская проза в художественной системе М. Ломоносова // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. М., 1989. № 4. С. 53.

⁵³ Правда, Сумароков оказывался в гораздо более сложном положении, чем его предшественники: вряд ли имело смысл включать в панегирик Екатерине II похвалу предкам или упоминать об обстоятельствах ее вступления на российский престол.

ные рассуждения и дидактика. Такие «рассуждения-обобщения» мы обнаружили и в слове Поповского (образ «идеального доброго правителя»), но там они носили характер отступления от основной темы. У Сумарокова же они сами становятся основной темой слова. Возникает законный вопрос — а является ли вообще данное торжественное слово Сумарокова панегириком, похвальным словом? Представляется, что, несмотря на такую «особость» рассмотренного сумароковского слова, его все же можно считать панегириком. Во-первых, похвала (пусть даже очень редуцированная) там все же присутствует: автор говорит о «бесмертной славе» императрицы Екатерины, называет ее «Великой», в начале слова присутствует панегирический восторг (ср. цитированное нами выше первое предложение слова). Во-вторых, сам повод написания слова — день коронации — принадлежит к «панегирическим» царским дням.

Представляется, что мощное публицистическое начало в соединении с дидактикой в словах Сумарокова (эти черты характеризуют всю его ораторскую прозу) появились под влиянием его общих идеологических установок, в частности его взглядов на российскую монархию. Г. А. Гуковский охарактеризовал их так: «Он [Сумароков. — Е. М.] считает, что монарх должен быть подчинен законам чести, воплощенным в государственных законах, что он должен управлять во имя государства и силами дворянства и что дворянство должно своими правами гарантировать сохранность „свободы“ и независимость законов»⁵⁴. Исследователи находили общие черты между проповедями Феофана Прокоповича и словами Сумарокова. Основное отличие их ораторской прозы от ораторской прозы ломоносовского типа (к нему можно условно отнести и рассмотренные нами тексты Третьяковского и Поповского) в том, что цель речи — «не возбудить, а убедить слушателя»⁵⁵. Н. Д. Кочеткова писала о влиянии Феофана Прокоповича на Сумарокова: «Феофан

⁵⁴ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. С. 124. — В этой связи можно также вспомнить известную работу Г. А. Гуковского, в которой он назвал Сумарокова и поэтов сумароковского направления «дворянской фрондой». Исследователь писал: «Претендуя на роль просветителей, они облакались авторитетом книжной мудрости; но они хотели также „исправлять нравы“» (Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х гг. М.; Л., 1936. С. 31).

⁵⁵ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 77.

как моралист и полемист <...> был в достаточной степени близок Сумарокову. Существенное различие заключалось, однако, в том, что и поучение и сатира у Прокоповича включались в текст проповеди, приуроченной к какому-либо торжественному событию, в текст панегирика; Сумароков же соблюдал иерархию жанров»⁵⁶. Наше исследование демонстрирует обратное — Сумароков делал точно так же, как Феофан, внося в панегирик несвойственные ему элементы. Так разрушался панегирический канон.

Содержательные отличия слов Сумарокова от слов Ломоносова влекут за собой и отличия на уровне поэтики. Они обусловлены общими эстетическими различиями между двумя писателями. Говоря о литературном *stredo* Сумарокова, Г. А. Гуковский отметил самое главное, что отличало стиль Сумарокова от ломоносовского стиля: «На место ломоносовской искусственной повышенности тона он поставил непринужденность, на место торжественности — простоту <...> Сумароков требует простоты и восстает против гиперболизма и удаления от „естественного способа выражения“»⁵⁷. Слово Сумарокова «проще» ломоносовского и на словесном, и на синтаксическом уровне.

Сравнительный анализ синтаксической структуры ораторской прозы Ломоносова и Сумарокова был предпринят Г. Н. Акимовой. Сравнив синтаксическую организацию торжественных слов двух писателей, она пришла к следующему выводу: «Синтаксическая система ораторской прозы Сумарокова не была столь четко организована, как у Ломоносова. Наблюдаются сокращения синтаксической развернутости отдельных синтаксических звеньев, особенно на базе подчинительных связей, что и объясняет меньший размер предложения в Похвальных словах. Это прямо зависело от эстетических установок Сумарокова. К середине XVIII в. уже существовали по крайней мере две традиции красноречия, которые и служили истоками для ораторского искусства Ломоносова и Сумарокова»⁵⁸.

⁵⁶ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича... С. 76.

⁵⁷ Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. С. 48.

⁵⁸ Акимова Г. Н. Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века (на материале похвальных слов Ломоносова и Сумарокова) // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 57. — Г. Н. Акимова связывает истоки этих двух традиций со следующими факторами: истоки ломоносовского красноречия — в античной традиции, усвоенной им через латино-немецкие ораторские приемы и через древнерусское ораторское искусство, а сумароковского —

Деформации, которые происходят с панегириком в словах Сумарокова, свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII века «чистый» панегирик постепенно исчезает. Говоря о «закате» панегирической эпохи, А. С. Елеонская писала: «Под конец века ораторское „слово“ — „Слово о Ломоносове“ — зазвучало со страниц „Путешествия из Петербурга в Москву“ <...> Построенное по всем правилам эпидейктического красноречия, произведение А. Н. Радищева явилось образцом публицистической ораторской прозы. Однако сам этот вид творчества как род художественной литературы был уже исчерпан»⁵⁹.

в самом XVIII веке, в частности в его ориентации на Феофана Прокоповича (см.: Там же. С. 58–59).

⁵⁹ Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 223.

Заклучение

ПАНЕГИРИК СВЕТСКИЙ VS. ПАНЕГИРИК ЦЕРКОВНЫЙ

Подведем итоги нашего исследования, посвященного церковным и светским ораторским словам середины XVIII века. Термин «слово» как обозначение ораторских произведений любого типа широко употреблялся как в риторических теориях, так и в практике создания ораторской прозы XVIII века. Однако этот термин в силу его широкого значения не мог служить обозначением специфических жанровых признаков ораторских произведений. Согласно теории Ломоносова, слово (ораторское произведение) могло существовать в виде четырех жанров — проповеди, панегирика, надгробной речи и академической речи.

Целью данного исследования стал анализ проблематики и отдельных аспектов поэтики и бытования панегириков елизаветинской и отчасти екатерининской эпохи — церковных и светских. Церковным словом мы назвали такое ораторское произведение, автором которого являлось духовное лицо и которое было связано с богослужением, а светским — такое слово, автором которого был несвященнослужитель и которое не было связано с богослужением. Для рассмотрения двух линий в русской ораторской прозе середины XVIII века нами была выбрана для анализа «общая точка» церковного и светского красноречия — прозаический панегирик в форме торжественного слова. Правомерность приоритетного внимания именно к этой форме объясняется исключительной ролью «императорской проблематики» в ораторской прозе и — шире — в литературной культуре XVIII века.

В церковном красноречии эта форма развивается в связи с процессами сакрализации монарха, имеющими длительную историю

и вышедшими на качественно новый уровень после церковной реформы Петра I. В светском красноречии торжественное слово становится одним из основных видов государственного панегирика. Говоря о русской оде XVIII века, Е. А. Погосян писала: «В середине 1730-х гг. ода начинает вытеснять традиционные для русской панегирической культуры жанры и к 1740 г. уже безраздельно доминирует»¹. С этим можно согласиться лишь частично: да, действительно, ода вытесняет традиционные *поэтические* панегирические жанры (похвальные стихи, панегирические канты, надписи), но в 1732 году появляется новый панегирический жанр — светский прозаический панегирик в форме похвального слова (интересно, что он появляется даже на год раньше первой торжественной оды — «Оды приветственной <...> Анне Иоанновне в день <...> восшествия е. и. в. На всероссийский престол» В. К. Тредиаковского, 1733²). Похвальное слово развивается параллельно с торжественной одой и, как и ода, достигает расцвета в творчестве М. В. Ломоносова. Светское слово — значительно более «новое» явление для литературной культуры XVIII века, чем церковная проповедь. Именно поэтому рассмотренная нами в главе 1 книга статистика тематических групп ораторских произведений XVIII века (на материале анализа заголовков) демонстрирует, что церковных панегириков в литературе XVIII века было больше, чем светских³.

Мы проанализировали пять панегирических проповедей и четыре светских панегирика и описали модель панегирика церковного и модель панегирика светского. Попытаемся сопоставить эти две модели, параллельно выделяя отличительные признаки панегирика вообще.

1. В заголовках всех рассмотренных нами панегириков присутствует термин «слово». Однако и в церковной, и в светской ораторской прозе XVIII века существуют единичные примеры панегириков, в заголовках которых этот термин отсутствует. Мы видели

¹ Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. С. 17.

² См.: Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. СПб., 2005. С. 88; Погосян Е. А. Указ. соч. С. 35.

³ В действительности количество церковных панегириков, вероятно, еще больше, чем в нашем материале: за пределами нашей статистики остались церковные проповеди, изданные кириллическим шрифтом в Московской синодальной типографии (см. п. 1.3).

это на примере торжественного слова Поповского, которое первоначально имело заголовок «Высочайший день Коронации Ея Императорскаго Величества Семилостивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския публичным собранием празднует Императорской Московской университет». Из церковных панегириков в качестве примера можно привести панегирическую проповедь Амвросия Юшкевича под витиеватым названием «Божие благословение в природных трех сокровищах Ея Высочества Государыни Принцессы Анны и Светлейшаго Князя и Государя Антона Ульриха Герцога Брауншвейгскаго и Липпенбургскаго пребывающее в день же высочайшаго брачнаго их сочетания июля 3 1739 года». Титульный лист панегирика, изданного отдельной брошюрой, может включать различные сведения: в нем сначала указывается повод для его создания (один из царских дней или просто похвала царствующей особе), информация о дате произнесения или поднесения, месте произнесения и об авторе слова, внизу страницы могут быть помещены сведения о месте и дате публикации. В сборниках проповедей заголовок, как правило, сокращается: в нем указывается только повод для написания панегирика и порядковый номер слова в сборнике (у Гедеона Криновского: «Слово XVII. На высокоторжественный день Всерадостнейшей Коронации Ея Священнейшаго Императорскаго Величества, Елисаветы Первья, Самодержицы Всероссийския»; у Сумарокова: «Слово II. На день Коронования Ея Величества Императрицы Екатерины II»).

2. Анализ текстов (в частности, заголовков) панегириков позволяет сделать некоторые важные выводы об особенностях бытования светских и церковных слов XVIII века. Проповедь, как мы отмечали, имеет двойственную природу: с одной стороны, это произнесенный в связи с богослужением устный текст, с другой — изданное произведение словесного искусства. Большинство светских слов совпадало в этом с церковными проповедями, однако для них существовал еще один способ презентации: на нашем материале при анализе панегирика Третьяковского оказалось, что светское слово могло не произноситься, а подноситься императрице (как торжественная ода).

3. Рассмотренные нами церковные и светские панегирики обладают рядом общих тем, мотивов и приемов. Говоря о торжественной оде, Н. Ю. Алексеева отметила, что «по-видимому, панегирическая поэзия несет в себе как данность определенный набор

„общих мест“ и без них невозможна»⁴ и попыталась объяснить причины наличия этого обязательного набора общих тем, мотивов и сюжетов: «Говоря о происхождении „общих мест“, мы сталкиваемся с проблемой „общего места“ как феномена. Объяснение этого феномена использованием „готового слова“ в риторическую эпоху не представляется достаточным <...> Само повторение чужих образов, слов и выражений не может определенно указывать на вторичность произведения по отношению к образцу, поскольку даже в случае подражания образцу оно изображает не образец, а мир. И если посмотреть на оду таким образом, то наличие в ней „общих мест“ перестанет быть знаком ее вторичности, а станет свидетельством определенного отношения к миру <...> дистанция между изображением и действительностью, ее величина и характер, в разных жанрах, несомненно, разная. В эпистоле или в элегии второй половины XVIII века она наименьшая, в панегирике и панегирической оде — наибольшая»⁵. «Общие места» панегирика выявляются на нашем материале.

Прежде всего, важный мотив, объединяющий все рассмотренные нами примеры, — это свойственная панегирику как таковому идеализация реальности. Об этой особенности любого панегирика (как поэтического, так и прозаического) также писала Н. Ю. Алексеева: «<...> не риторики стали причиной схожести и универсальности панегириков, хотя и учили универсальности. И сами трактаты, и универсальность панегириков предстают следствием одной общей причины, заключающейся в особом отношении художника к действительности в эту эпоху. Сами авторы руководств, вероятно, считали, что своими расчлененными, продуманными до последних деталей правилами они учат познанию идеальной сущности предметов. Теория похвалы учила не лести, а умению увидеть в предмете похвальные черты»⁶. Общих тем, присутствующих в рассмотренных нами светских и церковных панегириках, достаточно много. Это и сакрализация монарха, и использование панегирического канона, о котором мы говорили в главе 3, и ряд конкретных мотивов: описание дворцового переворота 1741 года и жизни Елизаветы Петровны до него, изображение императрицы как преемницы Петра I, образ самого Петра I, характеристики которого иногда

⁴ Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 185.

⁵ Там же. С. 187–188.

⁶ Там же. С. 194.

почти дословно совпадают у светских и церковных авторов (ср. цитировавшееся выше описание у Тредиаковского Петра, «делом и словом Великаго», и Петра — «и именем и делами Великаго» в проповеди Гедеона Криновского) и т. д. Интересно, что топоним «мира и тишины», свойственный, как кажется, светскому панегирику, на самом деле является общим местом панегирика вообще — его можно обнаружить у Амвросия Юшкевича в его известной проповеди 1744 года «На заключение между короною Шведской и Россией мира». Э. Л. Афанасьев писал: «В ценностной иерархии выдающегося проповедника „мир“ и „тишина“ занимают самое высшее место <...> Оды Ломоносова хронологически соседствуют, по времени они принадлежат одному десятилетию. Это согласие, сходство весьма симптоматично: видение государства великим ученым, выдающимся поэтом и замечательным церковным проповедником сходно»⁷. Есть сходство и на уровне приемов — например, отмеченная нами у Ломоносова и у митрополита Платона (Левшина) подчеркнутая мнимая «антириторичность» ораторских произведений.

4. С другой стороны, несмотря на обилие общих мест в рассмотренных нами панегириках, конкретная «реализация» общих тем панегирика, а также некоторые мотивы в церковных и светских панегириках середины XVIII века оказываются все же различными.

Так, например, в церковных панегириках елизаветинской эпохи встречается оппозиция «было — стало» (в смысле противопоставления елизаветинской эпохи аннинской), которая подчеркивает изменение положения Церкви при Елизавете. Для церковного же слова актуален и образ императора — главы Церкви, характеризующий специфические отношения Церкви и царствующей особы после церковной реформы Петра I. Есть мотивы, свойственные в основном светским словам, — например, акцент на изображении гармоничного государства.

Мы отмечали, что и в церковных, и в светских панегириках можно обнаружить тенденцию к сакрализации, к обожествлению образа царствующей особы. В церковном слове степень сакрализации выше, так как она проявляется через конкретные библейские образы — события XVIII века включаются в библейский контекст (например, буквальное перенесение на исторические собы-

⁷ Афанасьев Э. Л. Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: горизонты взаимопознания: Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. М., 2003. С. 636.

тия XVIII века притчи о сеятеле в проповеди Кирилла Флоринского, в результате которого Царствие небесное сопоставляется с Российской империей, а Петр — с Богом). В светских словах сравнение монархини с божеством имеет более общий характер (ср. цитировавшееся нами высказывание Тредиаковского: императрица достойна «не человеческих, но небесных хвал», поскольку «сродное Богу на земли носит Имя»).

И в светском панегирике, и в церковном присутствуют «отступления» от основной, панегирической, темы. Именно характер этих отступлений принципиально различает светские и церковные слова. Основное отличие церковного панегирика от панегирика светского — телеологическое. Слова первого типа произносились с церковной кафедры священнослужителями, в слова второго типа — светскими людьми. Церковный панегирик, как мы отмечали ранее, в первую очередь доказывал действие неких религиозных законов. Именно поэтому в церковных словах важен элемент дидактики; в них содержатся многочисленные обобщения и отступления от панегирической темы, некоторые из которых, как кажется, вообще противоречат панегирическому дискурсу (например, тема легитимности правления Елизаветы Петровны). Промысел Божий — основная тема церковного панегирика. Автор церковного слова постоянно ищет аналогичные события в древней истории и использует различные (иногда весьма произвольные) исторические и календарные соответствия. В светских словах тема Божьего промысла также присутствует, однако здесь эта тема не является ключевой для всего произведения. Не «заслоняют» панегирической темы в светском панегирике и отступления (о науках у Ломоносова и о Московском университете у Поповского). Единственное исключение в нашем материале — «Слово на день коронавания Екатерины II» А. П. Сумарокова, которое в каком-то смысле напоминает церковную проповедь. Если основной задачей церковной проповеди является доказательство существования общих закономерностей, то и у Сумарокова также в «Слове на день коронации Екатерины II» содержится желательная для автора программа действий новой императрицы, отражающая представления самого Сумарокова об идеальном государстве и обществе⁸. При этом основное отличие

⁸ Необычным соотношением панегирического и дидактического начал слово Сумарокова напоминает рассмотренное в главе 2 «Слово в день тезоименитства вел. кн. Павла Петровича» митрополита Платона (Левшина). В этом можно

слова Сумарокова от церковных слов то же, что и для других светских панегириков. «Отправная точка» для Сумарокова — само событие, о котором он пишет, и это событие не выполняет у него роль иллюстрации.

«Аналогии» (отсылки к историческому опыту, главным образом к библейскому и античному) в светских и церковных словах также играют различную роль: в проповеди происходит сопоставление с ними современных событий, в светском панегирике — противопоставление (мы это видели на примере панегирика Тредиаковского). Кроме того, в светском панегирике меньше таких отсылок, в некоторых словах они отсутствуют вовсе (например, в «Слове похвальном Елисавете Петровне» М. В. Ломоносова). С тенденцией «освобождения от аналогий» связано и редкое использование в светских словах эпитафия, который является обязательным элементом слова церковного и подчиняет себе весь дальнейший текст проповеди.

Говоря о композиции церковного панегирика, мы обнаружили в нем элементы кумулятивного сюжета — повторение и «нагнетание» одних и тех же сюжетных витков. В светском слове такого рода повторы тоже присутствуют, но их значительно меньше. Возможно, это связано, в частности, с более четкой (по сравнению с проповедями) структурой светского панегирика; структура некоторых слов подчеркнута схематична, и деление слова на части оговаривается в самом тексте (среди рассмотренных нами — панегирики Тредиаковского и Поповского).

Еще один важный вопрос, рассмотренный в данной работе, — проблема субъектной организации и система действующих лиц панегирика, которая оказывается в церковном и светском панегирике сходной. Автор панегирика может выступать от «я» и от «мы» (последнее используется чаще), он может обращаться к императрице («Ты» или «Вы» — обращение, которое используется только в официальном титуле)⁹, к аудитории («вы»), к России («ты»), кроме того,

усмотреть общую тенденцию, характерную и для церковных, и для светских слов второй половины XVIII века, однако это, безусловно, требует проверки на более широком материале.

⁹ Примечательно, что обращение к императрице вовсе не означает, что она реально присутствовала при произнесении панегирика. Мы отмечали в главе 2, что рассмотренные нами проповеди Кирилла Флоринского и Амвросия Юшкевича были произнесены в один и тот же день в разных местах, однако обращения к императрице можно обнаружить в обоих словах.

в церковном слове — к Богу («Ты»), в светском — к различным условиям («вы»). Однако, несмотря на сходство субъектной организации двух видов панегирика, образ автора в них оказывается неодинаковым. Говоря о светских панегириках, мы отмечали ссылки автора на собственное достоинство и определенное самоуничижение (у Тредиаковского), а также связанные с этой темой мотивы невозможности адекватной похвалы и искренности, которая «искупает» риторическое несовершенство панегирика. Авторы светских слов как бы пытаются «оправдаться» перед адресатом панегирика (у различных авторов это проявляется в разной степени). Ничего подобного мы не обнаружили в церковном панегирике. У авторов церковного панегирика не то чтобы больше «уверенности в себе» (как было у Ломоносова по сравнению с Тредиаковским) — здесь проблема «уверенности в себе» вообще не стоит. Церковный панегирик как вид церковной проповеди, в отличие от светского панегирика, не является обращением простого подданного императрицы (хотя этот «простой подданный» может выступать и от лица всего российского народа). Проповедник говорит с амвона не от своего имени, но от имени Бога. Поэтому в тексте проповеди (исходя из самой природы проповеди) не может быть никаких слов самокритики. Определенное самоуничижение можно обнаружить лишь в «сопутствующих» церковным панегирикам текстах при их издании (ср., например, упоминаемое нами в главе 2 высказывание Гедона Криновского об «убогом труде», помещенное в предисловии к сборнику проповедей).

5. Само по себе наличие общих и различающихся тем и мотивов в светских и церковных панегириках еще ничего не говорит о влиянии одной панегирической традиции на другую и в принципе позволяет рассмотреть церковные и светские панегирики как два самостоятельных и независимых друг от друга явления, в чем-то схожих, а в чем-то различных. Но определенное влияние церковной проповеди и церковно-христианской проблематики вообще на светский панегирик все же проследить можно.

Непосредственное влияние церковной проповеди на светский панегирик заключается в том, что в светских панегириках присутствуют мотивы, генетически связанные с церковной проповедью. Так, например, мы обращали внимание на роль научной темы в панегирике Ломоносова (гимн наукам в «Слове похвальном Елисавете Петровне»). Эта тема присутствует и в одической поэзии Ломоносова (например, в «Оде, в которой благодарение от сочинителя

приносится за милость, оказанную в Сарском селе, 1750 года»), причем и там, и здесь использован прием персонификации (названия наук пишутся с большой буквы, науки изображены как реальные существа). А восходит этот прием, как отмечает А. С. Елеонская, к барочной проповеди, «где часто фигурируют в качестве персонажей отвлеченные понятия и неодушевленные предметы, которым ритор адресует свою речь»¹⁰.

Связь светского панегирика с церковным сознанием проявляется в первую очередь через особое внимание светских панегиристов к церковной теме. Так, например, в «Слове похвальном Елисавете Петровне» Ломоносов начинает похвалу Елизавете именно с «церковной» темы, отмечая в первую очередь ее благочестие и заботу о православии в России, а Третьяковский заканчивает свой панегирик «церковной» темой — призывом к молитве за императрицу.

На материале панегириков можно обнаружить примеры использования в светских словах чисто церковных мотивов и «приемов». Так, например, в светских словах могли использоваться библейские эпиграфы. «Слово VIII. На День Восшествия на престол Ея Величества, Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II» Сумарокова имеет эпиграфом стих из Псалтыри «Се день егоже сотвори Господь! возрадуемся и возвеселимся вонь»¹¹. Этот стих является частью богослужения праздника Пасхи и явно связывает тему слова (восшествие на престол императрицы) с воскресением Христа. Таким образом, сакрализация образа монарха в этом слове осуществляется по образцу церковной панегирической проповеди. Еще один «прием» церковной проповеди, использующийся светским панегиристом, можно обнаружить в панегирике Третьяковского, посвященном Анне Иоанновне, где есть такие уже цитировавшиеся нами слова: «Кто печаль нашу на радость преложила, когда лишились мы младаго Монарха в цвете своей жизни с горестию от нас отъятаго?» В Евангелии от Иоанна Иисус говорит ученикам в прощальной беседе: «...вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет» (Ин. 16, 20). «Преложение печали на радость» — это устойчивая формула, которая используется во многих богослужебных текстах, например в акафисте Пресвятой Богородице перед иконой

¹⁰ Елеонская А. С. Ораторская проза в художественной системе М. Ломоносова // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. М., 1989. № 4. С. 54.

¹¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. 2. М., 1787. С. 283.

«Нечаянная радость»: «Нынешнее прими пение, вся наша печали на радость преложи и от всякия избави напасти»¹².

Упоминаемое нами при анализе светских панегириков описание пространства «с высоты птичьего полета» удивительно напоминает псалом 103, который называется в богослужебной практике православной Церкви предначинательным и которым начинается служба Всенощного бдения. Вот как описывает этот псалом отец Александр Мень: «Монументальный, торжественный, он всем своим строем как бы передает дыхание природы, ее многообразие. Здесь все: и мировой огонь — служитель Предвечного, и ветры, и горы, и животные в лесах, и, наконец, — человек, выходящий утром „на дело свое“... Основное чувство псалма — благодарность и восхищение души, созерцающей величие тварного мира. Библейский поэт говорит не только о безмерном, подавляющем воображение, его взгляд останавливается и на птицах, гнездящихся в зелени кедров, и на зверьках, скрывающихся среди камней. Он знает, что даже самое неприметное и малое в мире таит великие чудеса: „Вся премудростию сотворил еси!“»¹³ 103 псалом, в котором изображена космическая гармония бытия, представляет собой своеобразную панораму всего мироздания — небеса, «как шатер», луна, созданная «для указания времен», «земля на твердых основах», воды, которые «стоят на горах», «море — великое и пространное», звери, «утоляющие жажду свою», птицы небесные, которые «из среды ветвей издают голос», «и вино, которое веселит сердце человека, и елей, от которого блистает лице его, и хлеб, который укрепляет сердце человека» (Пс. 103. 2–15).

Нечто подобное (иногда с повторением и конкретными образами и топосами) мы можем наблюдать не только в торжественных словах, но и в одической поэзии Ломоносова. Ср. фрагмент «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1748 года»:

И реки да текут спокойно
В Тебе послушных берегах;
Вражда и злость да истребится,
И огонь, и меч да удалится

¹² Акафист Пресвятой Богородицы в честь иконы ее «Нечаянная радость». М., 2000. С. 26.

¹³ Мень А., *прот.* Православное богослужение: Таинство, слово и образ. М., 1991. С. 25–26.

От стран твоих, и всякий вред;
Весна да рассмеется нежно,
И земледелец безмятежно
Сторичный плод да соберет.

С способными ветрами споря,
Терзать да не дерзнет борей
Покрытаго судами моря
Пловущими к земли твоей.
Да всех глубокий мир питает;
Железо браней да не знает,
Служа в труде безмолвных сел.
Да злобна зависть постыдится,
И славе свет да удивится
Твоих великодушных дел¹⁴.

Конечно, речь идет не о буквальном смысловом соответствии Псалтыри и панегирика, а о сходстве приема — и здесь, и там создается ощущение, что повествователь легит над мировым пространством (в Псалтыри) и над пространством Российской империи (в панегирике) и панорамирует это пространство, описывая сменяющиеся перед его взором картины.

Еще одна тема, объединяющая светский панегирик и 103 псалом, — тема «заботы» Бога о своем творении, которой соответствует забота монарха о благополучии подданных. «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих <...> Все они от Тебя ожидают, чтобы Ты дал им пищу их в свое время. Даешь им — принимают; отверзаешь руку Твою — насыщаются благом» (Пс. 103. 24, 27, 28). Это удивительно напоминает образ императрицы, которая делает все, что необходимо ее подданным (эта тема присутствует во всех трех рассмотренных нами «классических» панегириках; ср., например, в слове Поповского: «Все, что потребно к нашему счастью, к нашему удовольствию, мудрая Монархиня предусмотрит и промыслит <...> Нет ничего, чего бы от Ея промысла, от Ея щедроты не могли ожидать и надеяться»¹⁵).

¹⁴ Ломоносов М. В. Стихотворения. Л., 1954. С. 117.

¹⁵ Поповский Н. Н. Высочайший день Коронации Ея Императорскаго Величества Всемилостивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Самодержицы Всероссийския публичным собранием празднует Императорской Московской университету. М., 1756. С. 8–10.

Видно, что в светском панегирике широко используется библейский и богослужебный контекст, но происходит это, в отличие от церковной проповеди, «скрыто». На это обратили внимание С. И. Панов и А. М. Ранчин в статье о торжественных одах и похвальных словах: «Цитаты из церковных текстов ни в панегириках, ни в одах не оформляются как цитаты (нет указания на источник, цитируемый текст не выделяется графически, он может перерабатываться и т. д.)»¹⁶. В отличие от светских панегириков, в проповеди все цитаты выделены — проповедник, как правило, ссылается на первоисточник, и цитаты оформляются в печатном варианте ораторских произведений курсивом (в рассмотренном нами слове Кирилла Флоринского они даже даются с точными отсылками, помещенными в отдельном столбце параллельно основному тексту).

Но связь светского панегирика с религиозным сознанием не ограничивается использованием приемов церковной проповеди и скрытыми библейскими цитатами и аллюзиями. Эта связь проявляется и на самом высоком уровне — на уровне жанра панегирика как такового. Дело в том, что панегирик как похвальное слово можно считать неотъемлемой частью религиозного сознания (в частности, христианского). «Похвала», «хвала», «слава», «осанна», «аллилуйя» — «ключевые слова» любого христианского богослужения, которые многократно повторяются в молитвах и песнопениях. Похвала — это то, что «подобает Богу» (ср. уже цитировавшееся обращение Третьяковского к императрице: «От всех похвалами возносима быть долженствуешь»). Именно происхождением панегирика «из религиозного корня» можно, вероятно, объяснить как свойственную любому панегирику (и светскому, и церковному) зависимость от библейско-литургического контекста, так и ту важнейшую роль, которую играли рассмотренные в настоящем исследовании панегирики в эпоху сакрализации монарха в ораторской прозе и литературной культуре в целом.

¹⁶ Панов С. И., Ранчин А. М. Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике. М., 1987. С. 183.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968.
- Акафист Пресвятой Богородицы в честь иконы ее «Нечаянная радость». М., 2000.
- Акимова Г. Н.* Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века (на материале похвальных слов Ломоносова и Сумарокова) // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981.
- Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
- Амвросий (Ключарев), архиеп.* Искусство проповеди. М., 2006.
- Амвросий (Юшкевич), архиеп.* Слово в высочайший день рождения императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1741.
- Афанасьев Э. Л.* Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: горизонты взаимопознания: Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. М., 2003.
- Берков П. Н.* М. В. Ломоносов об ораторском искусстве // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956.
- Билинкис М. Я.* Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.
- Бочаров С. Г.* От имени Достоевского. Р. S. О религиозной филологии. М., 1999.
- Будде Е.* Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX в.). СПб., 1908.
- Бурыкина А. А.* Гражданский шрифт // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2003.
- Бухаркин П. Е.* Православная Церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: (Проблемы культурного диалога). СПб., 1996.
- Ветелев А., прот., Козлов М. Е.* Учебный курс по истории проповедничества Русской православной церкви. Загорск, 1990.
- Ветелев А., проф.-прот., Марк (Лозинский), проф.-игум.* История русской проповеди X–XX вв. Загорск, 1972.

- Гавриил (Петров-Шапошников), архим.* Слово в высокаторжественный день коронования императрицы Екатерины Алексеевны. М., 1763.
- Гаспаров М. Л.* Избр. труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997.
- Гаспаров М. Л.* Умолчание // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.
- Гедеон (Криновский), еп.* Собрание разных поучительных слов, при высочайшем дворе ея императорскаго величества сказыванных придворным Ея Величества проповедником Иеромонахом Гедеоном: В 4 т. Т. 1. СПб., 1755.
- Гедеон (Криновский), еп.* Собрание поучительных слов, при высочайшем дворе сказыванных ... Епископом Гедеоном. 4-е изд. Ч. 6. М., 1855.
- Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х гг. М.; Л., 1936.
- Гуковский Г. А.* Ломоносов — критик // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962.
- Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1999.
- Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
- Державин Г. П.* Сочинения. М., 1985.
- Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России: В 2 т. Т. 2. М., 1845.
- Елеонская А. С.* Проблематика «слов» М. В. Ломоносова и русская ораторская проза переходного времени // Ломоносов и русская литература. М., 1987.
- Елеонская А. С.* Ораторская проза в художественной системе М. Ломоносова // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. М., 1989. № 4.
- Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990.
- Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950.
- Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.
- Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Живов В. М.* Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002.
- Живов В. М.* Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002.
- Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004.
- Заведеев П.* История русского проповедничества с XVII века до настоящего времени. Тула, 1879.
- Зеньковский В., прот.* История русской философии. М., 2001.
- Знаменский П. В.* Чтения из истории русской церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. 1875. № 2.
- Зубов В. П.* Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.

- История русской переводной художественной литературы: В 2 т. Т. 1: Проза. СПб., 1996.
- Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. Т. 2. М., 1992.
- Кирилл (Флоринский), архим. Слово в день рождения государыни Елисаветы Первой. СПб., 1741.
- Кислова Е. И. Грамматическая норма языка проповеди елизаветинского периода (1740-е гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература. СПб., 1994.
- Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974.
- Кочеткова Н. Д. Поповский // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2003.
- Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII века: (К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 1. № 2.
- Кужушкина Е. Д., Лихоткин Г. А. Левшин Петр Георгиевич // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 2: К–П. СПб., 1999.
- Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981.
- Кутина Л. Л. Феофан Прокопович: Слова и речи: Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981.
- Кутина Л. Л. Феофан Прокопович: Слова и речи: Лексико-стилистическая характеристика // Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. Л., 1982.
- Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
- Лахманн Р. Демонтаж красноречия. СПб., 2001.
- Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынный»: (К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма) // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Ломоносов М. В. Стихотворения. Л., 1954.
- Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л., 1952; Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959.
- Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.
- Мень А., прот. Православное богослужение: Таинство, слово и образ. М., 1991.
- Москвичева Г. В. Жанры русского классицизма: Из лекций по спецкурсу: В 2 ч. Горький, 1971–1974.
- Николаев С. И. Криновский Григорий Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 2: К–П. СПб., 1999.
- Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
- Панегирическая литература петровского времени. М., 1979.
- Панов С. И., Ранчин А. М. Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике // Ломоносов и русская литература. М., 1987.
- Пиккио Р. Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.

- Плаксин В. Руководство к изучению истории русской литературы, составленное В. Плаксиным. СПб., 1846.
- Платон (Левшин), митр. Полн. собр. соч. Платона (Левшина), митрополита Московского: В 2 т. Т. 1. М., 1913.
- Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997.
- Поповский Н. Н. Высочайший день Коронации Ея Императорского Величества Всемилостивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския публичным собранием празднует Императорской Московской университет. М., 1756.
- Порфирьева А. Л. Анна Иоанновна // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: В 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2003.
- Поторжинский М., прот. Русская гомилетическая хрестоматия с краткими биографиями русских пастырей-проповедников и характеристиками их проповедничества (XVII–XIX вв.). Киев, 1899.
- Протт В. Я. Русская сказка. Л., 1984.
- Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами онаго, с краткими их жизнеописаниями. Ч. 1. М., 1819.
- Рубан Ю. И. Проповедь: слово или послесловие?: (К постановке вопроса о месте проповеди в православном богослужении) // Санкт-Петербургский церковный вестник. 2005. № 4 (64).
- Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Самарин Ю. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М., 1844.
- Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым. СПб., 1821.
- Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–16. Л./СПб., 1984–2006.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Смирнов А. А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981.
- Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. 2-е изд. Ч. 2; Ч. 6. М., 1787.
- Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957.
- Толь Ф. Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб., 1863–1864. Т. II.
- Тредиаковский В. К. Панегирик или Слово похвальное Анне Иоанновне. СПб., 1732.
- Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
- Феодосий, еп. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1994.
- Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937.
- Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В фигурных скобках приводятся варианты именования. В квадратных скобках — пояснения (сокращения: ап. — апостол, библ. — библейский персонаж, ист. — исторический персонаж, лит. — литературный персонаж, миф. — мифологический персонаж, св. — святой/святая).

Аверинцев С. С., 34, 35, 132
 Авраам [библ.], 64
 Агарь [библ.], 59
 Адриан, 39
 Адриано-Перетц В. П., 18, 132
 Акимов Г. Н., 7, 118, 132
 Акира [лит.], 18
 Александр I, 72
 Александр Невский [св.], 27
 Алексеев {Алексиев} П. А., 26
 Алексеева Н. Ю., 2, 5, 15, 81, 82, 90, 94, 103, 110, 113, 114, 121, 122, 123, 132
 Алексей [св.], 47
 Алексей Михайлович, 40, 47, 89, 99
 Амвросий (Ключарев), 35, 132
 Амвросий (Серебрянников), 25
 Амвросий (Юшкевич), 3, 13, 49, 51, 54, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 67, 77, 78, 79, 80, 100, 101, 122, 124, 126, 132
 Анастасий (Братановский), 25, 50
 Анна Иоанновна, 4, 12, 30, 47, 48, 49, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 115, 121, 122, 128, 135
 Антон Ульрих Брауншвейгский и Линенбургский, 122

Арий [ист.], 67
 Арндт Э.-М., 6
 Арсений (Зитановский), 45
 Арсеньев Я. А., 24
 Афанасий, еп. Ростовский и Ярославский, 23
 Афанасьев Э. Л., 12, 41, 124, 132
 Баженов В. И., 112
 Басарга [лит.], 18
 Беллона [миф.], 109
 Берков П. Н., 7, 83, 86, 132
 Билинкис М. Я., 7, 132
 Бочаров С. Г., 11, 132
 Будде Е., 50, 132
 Бурькин А. А., 29, 132
 Бухаркин П. Е., 2, 5, 11, 132
 Веддель М. Р., фон [= Панина М. Р.], 31
 Вера [св.], 6
 Вергилий, 8, 87
 Ветелев А., 45, 49, 72, 132
 Виктор (Ладыженский), 28
 Виноградов В. В., 7, 83, 132
 Владимир Мономах, 84
 Гавриил (Бужинский), 18, 26, 42, 45, 51

Гавриил (Петров-Шапошников {Петров, Шапошников}), 3, 13, 25, 50, 51, 54, 68, 69, 70, 71, 72, 75, 79, 133
 Гаспаров М. Л., 16, 99, 133
 Гедеон (Криновский), 3, 13, 22, 47, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 62, 63, 78, 79, 80, 99, 122, 124, 127, 133
 Георгий (Конисский), 50
 Георгий [св.], 28
 Гермий {Гермес} [миф.], 66
 Голияф [библ.], 46
 Гофолия [библ.], 66
 Гуковский Г. А., 7, 8, 14, 104, 117, 118, 133
 Давид [библ.], 46, 55, 59, 64, 65, 71
 Дамаскин (Птицкий), 45
 Дамаскин (Семенов-Руднев), 27
 Даниил (Альтшуллер), 6
 Дебора [библ.], 46
 Державин Г. Р., 8, 133
 Дий [= Зевс, миф.], 66
 Димитрий (Сеченов), 13, 49
 Димитрий Ростовский, 45
 Достоевский Ф. М., 11, 132
 Душечкина Е. В., 5
 Евгений (Болховитинов), 93, 133
 Езекия [библ.], 71
 Екатерина I, 47, 48, 60, 61, 64, 77, 81, 99
 Екатерина II, 3, 4, 25, 26, 27, 30, 49, 52, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 79, 99, 102, 103, 108, 109, 116, 117, 122, 125, 128, 133
 Екатерина Иоанновна Маклембург-Шверинская, 87
 Екуч У., 6
 Елеонская А. С., 11, 12, 44, 68, 93, 97, 98, 115, 116, 119, 128, 133
 Елизавета [ист., английская королева], 46
 Елизавета {Елисавета, Елисавет} Петровна, 3, 4, 12, 22, 27, 47, 48, 49, 51, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 78, 79, 81, 92, 93, 94, 95, 96, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 111, 114, 115, 116, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 132, 134, 135
 Елизавета {Елисавета} [св.], 47
 Епифаний (Славинецкий), 12, 45
 Еремин И. П., 17, 83, 84, 133
 Есфирь [библ.], 61
 Живов В. М., 9, 21, 22, 32, 34, 38, 39, 40, 41, 50, 51, 53, 68, 75, 78, 84, 85, 133, 135
 Заведеев П., 48, 49, 50, 52, 133
 Захария [св.], 47
 Зевс [миф.], 66
 Зеньковский В., 9, 10, 41, 133
 Знаменский П. В., 52, 133
 Зубов В. П., 11, 56, 57, 58, 73, 99, 133
 Зыбелин С. Г., 30
 Иафет [библ.], 46
 Измаил [библ.], 59
 Иисус Навин [библ.], 55
 Иисус Христос [библ.], 21, 31, 33, 64, 67, 128
 Иисус, сын Сирахов [библ.], 55
 Иоанн (Леванда), 50
 Иоанн (Максимович), 42
 Иоанн [ап.], 128
 Иоанн Алексеевич, 89
 Иоанн Златоуст, 67
 Иоанникий (Орловский), 28
 Иоас [библ.], 66, 67, 71
 Иоасаф (Заболотский), 26, 27
 Иосиф (Туробойский), 85
 Иосиф Флавий, 18
 Иреней (Клементьевский), 28
 Кантемир А. Д., 8
 Карташев А. В., 37, 38, 39, 40, 47, 48, 73, 134
 Кирилл (Туровский), 17
 Кирилл (Флоринский), 3, 13, 49, 51, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 78, 79, 81, 125, 126, 131, 134
 Кислова Е. И., 29, 50, 134

Клаудий Хр., 31
 Клеэн Х. Ф., 26
 Козлов М. Е., 45, 132
 Константин [ист.], 46
 Котельников В. А., 11, 134
 Кочеткова Н. Д., 42, 43, 44, 46, 48, 104, 117, 118, 134
 Крино́вский Г. А. [= Гедеон (Крино́вский)], 52, 134
 Круглов В. М., 5
 Кузнецов В. А., 8, 9, 134
 Кукушкина Е. Д., 76, 134
 Курилов А. С., 16, 17, 18, 19, 134
 Кутина Л. Л., 50, 134
 Ламзина А. В., 55, 134
 Лахманн Р., 36, 43, 44, 45, 134
 Левин Ю. Д., 8
 Левитт М., 10, 134
 Левшин А. Г., 28
 Левшин П. Г. [= Платон (Левшин)], 76, 134
 Лембке Г., 6
 Лихачев Д. С., 94, 134
 Лихоткин Г. А., 76, 134
 Ломоносов М. В., 4, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 17, 18, 19, 20, 21, 30, 37, 46, 55, 79, 80, 81, 83, 86, 87, 90, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 120, 121, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134
 Лоцинская Н. В., 6
 Луцевич Л. Ф., 10, 11, 134
 Любовь [св.], 6
 Марк (Лозинский), 49, 72, 132
 Марк [ап.], 65
 Матфей [ап.], 58, 74
 Мельпомена [миф.], 15
 Мень А., 129, 134
 Миллер Г. Ф., 92
 Миних Б.-Х., 49, 66, 67, 101
 Михаил Федорович, 99
 Монсей [библ.], 46, 59
 Морозов П., 48
 Москвичева Г. А., 15
 Москвичева Г. В., 15, 134
 Муратов А. Б., 5
 Навуходоносор [библ.], 55
 Надежда [св.], 6
 Николаев С. И., 52, 134
 Николоюкин А. Н., 99, 133
 Никон, 45
 Новиков Н. И., 36, 134
 Остерман А. И., 49, 66, 67, 101
 Остолопов Н., 14, 135
 Павел [ап.], 27, 73, 74
 Павел I, 3, 31, 72, 73, 74, 75, 76, 108, 125
 Пандора [миф.], 91
 Панин П. И., 31
 Панина М. Р., 31
 Панов С. И., 87, 95, 96, 131, 134
 Парфений (Сопковский), 26
 Петр [ап.], 27, 65, 69, 73, 74
 Петр I, 10, 12, 26, 27, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 48, 49, 54, 55, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 73, 75, 77, 81, 85, 89, 90, 91, 92, 96, 97, 99, 100, 101, 108, 115, 121, 123, 124, 125, 133
 Петр II, 47, 48
 Петр III, 46, 47
 Петр Александрийский [св.], 67
 Пиккио Р., 19, 134
 Пиндар, 8
 Плаксин В., 7, 135
 Платон (Левшин), 3, 25, 26, 27, 50, 51, 72, 73, 74, 75, 76, 78, 99, 124, 125, 135
 Погосян Е. А., 54, 87, 89, 90, 102, 103, 112, 113, 121, 135
 Поповский Н. Н., 4, 13, 86, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 122, 125, 126, 130, 134, 135

Порфирьева А. Л., 90, 135
 Потемкин-Таврический Г. А., 25
 Поторжинский М., 52, 135
 Предтеченский С., 23
 Пропп В. Я., 80, 81, 135
 Пульхерия [ист.], 46, 66
 Радищев А. Н., 119
 Разиумовский К. Г., 92
 Ранчин А. М., 87, 95, 96, 131, 134
 Расин Ж., 8
 Ридигер Хр., 31
 Рубан Ю. И., 33, 135
 Сазонова Л. И., 46, 47, 84, 135
 Самарин Ю., 36, 135
 Самсон (Сампсон) [библ.], 46
 Саул [библ.], 55, 59
 Севастиан [св.], 60
 Семирамида [ист.], 46, 91
 Сильвестр (Медведев), 46
 Симеон (Полоцкий), 45, 47
 Симон (Кохановский), 42
 Смирнов А. А., 15, 16, 135
 Снегирев М. М., 30
 Соломон [библ.], 46, 55, 71
 София [св.], 6
 Софья Алексеевна, 46
 Спас [= Иисус Христос, библ.], 67
 Стефан (Калиновский), 27
 Стефан (Яворский), 36, 39, 42, 44, 45, 63, 135
 Сумароков А. П., 4, 7, 8, 10, 13, 15, 36, 37, 52, 53, 54, 68, 69, 86, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 122, 125, 126, 128, 132, 134, 135
 Талия [миф.], 15
 Темирида [ист.], 91
 Тихон Задонский, 50
 Толь Ф. Г., 15, 135
 Третьяковский В. К., 4, 13, 16, 30, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 97, 102, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 131, 135
 Успенский Б. А., 21, 22, 32, 40, 75, 84, 85, 135
 Федор Иоаннович, 46
 Феодосий, 19, 55, 135
 Феодосий (Печерский), 17
 Феодосий [ист.], 66
 Феофан (Прокопович), 16, 18, 23, 24, 36, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 50, 51, 52, 54, 73, 85, 113, 117, 118, 119, 134, 135
 Феофил (Кролик), 42
 Феофилакт (Лопатинский), 18, 48
 Филофей, 71
 Флоровский Г., 38, 72, 73, 74, 135
 Хворостьянова Е. В., 6
 Цицерон, 8, 9
 Чистович И. А., 42, 43, 44, 135
 Шувалов И. И., 51
 Щил [лит.], 18
 Ювенал, 8

Евгений Михайлович Матвеев

**РУССКАЯ ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА
СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА
(Панегирик
в светской и духовной литературе)**

Оригинал-макет: *О. В. Косенко*
Дизайн обложки: *К. Ю. Тверьянович*

Сдано в набор 1.09.2009. Подписано в печать 30.10.2009.
Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура «GaramondBookCTT».
Усл. печ. л. 8,14. Тираж 500 экз. Заказ №

Факультет филологии и искусств СПбГУ.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии издательства «Геликон Плюс».
199053, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 28.
Тел.: (812) 327-46-13, 328-20-40